

ВЕСТНИК БГУИЯ

№ 3 (5) / 2026

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в октябре 2025 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (главный редактор),
А. А. Романовская (зам. главного редактора),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик, О. А. Артемова

*Журнал «Вестник БГУИЯ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
В перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Азизова Н. Б.</i> Концептуальная модель языковой личности в рамках антропоцентрической лингвистики.....	7
<i>Антонов С. Г., Завалишин Д. Е., Крапивин Ю. Б.</i> Анализ SMS как средства целевой коммуникации	14
<i>Артёмова О. А.</i> Лексикографическое моделирование фразеологического пространства неблизкородственных языков: контрастивный аспект.....	25
<i>Городецкий И. В.</i> Семантико-прагматическая организация темпорального дейксиса во фразеологии белорусского, английского и французского языков.....	36
<i>Жишкевич А. И.</i> Белорусский национальный культурный код: методология выявления и систематизации структурных элементов.....	45
<i>Иванов Е. Е.</i> Принципы сопоставительного описания национально-культурной семантики пословиц в белорусско-иностранноязычных словарях.....	54
<i>Сахарова Р. Ф.</i> Языковая репрезентация базовых эмоций: от аналогии к смежности	64
<i>Сытько А. В.</i> Целевая обусловленность деонтических высказываний в научном и политическом дискурсах (на материале русского и немецкого языков)	70
<i>Сюй Юся.</i> Даследаванні па тэорыі і практыцы перакладу ў Кітаі і Беларусі: культуралагічны аспект	83
<i>Чайка Н. В.</i> Механизмы маркировки семантики в конструкциях с эллипсом глагола.....	92

Романское и германское языкознание

<i>Басовец И. М.</i> Ссылочные конструкции в текстах-хрониках среднеанглийского периода	99
--	----

<i>Биюмена А. А.</i> Средства репрезентации солидарности в англоязычном кризисном медиадискурсе.....	107
<i>Скоробогатый В. В.</i> Фреймовая репрезентация эмоции <i>страх</i> в английском и французском языках: сопоставительный анализ	115

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Швец Г. Г.</i> Принципы лексикографического моделирования терминосистемы инфокоммуникационного дискурса в английском, русском и белорусском языках	126
---	-----

Литературоведение

<i>Боричевская Т. Г., Щербо Б. Ю.</i> Антиутопия в немецкоязычной литературе XX века как отражение кризиса человечности	135
<i>Курилов Ю. Г.</i> Живописный экфрасис в поэтическом цикле Стефана Георге «Гимны»	145
<i>Лянь Хайбо.</i> Феномен литературы факта в китайском и белорусском литературоведении.....	152
<i>Скоропанова И. С.</i> Неоавангардистские новации Алексея Хвостенко	161
<i>Чеснокова Е. В., Ли Цзяци.</i> Репрезентация женской субъективности в иммигрантском нарративе второй половины XX века: компаративный анализ образов в романах Х. Баролини «Умбертина» и Эми Тан «Сто тайных чувств»	172
<i>Яцкевич Е. А., Кудрявцева И. К.</i> Художественное осмысление гендерной проблематики в романах Энн Бронте «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-холла».....	182

Исследование славянских языков

<i>Лущинская О. В.</i> Этнокультурные характеристики белорусов в медийном дискурсе (на примере белорусских конвергентных средств массовой информации)	191
<i>Чигирь А. В.</i> Средства выражения категории собирательности в современном белорусском языке.....	202

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Azizova N.</i> The Conceptual Model of a Linguistic Personality Within the Framework of Anthropocentric Linguistics.....	7
<i>Antonov S., Zavalishin D., Krapivin Y.</i> Analysis of SMS as a Mean of Targeted Communication	14
<i>Artemova O.</i> Lexicographic Modeling of the Phraseological Space in Distantly Related Languages: a Contrastive Perspective	25
<i>Gorodetsky I.</i> The Semantic and Pragmatic Organization of Temporal Deixis in the Phraseology of the Belarusian, English and French Languages	36
<i>Zhishkevich A.</i> Belarusian National Cultural Code: Methodology of Identifying and Systematizing Structural Elements.....	45
<i>Ivanov E.</i> Principles of Comparative Description of National-Cultural Semantics of Proverbs in Belarusian-Foreign-Language Dictionaries	54
<i>Sakharova R.</i> Linguistic Representation of Basic Emotions: between Contiguity and Analogy.....	64
<i>Sytko A.</i> Purpose-conditioned Deontic Statements in Scientific and Political Discourse (Based on Russian and German)	70
<i>Xu Yuxiao.</i> Research on the Theory and Practice of Translation in China and Belarus: the Cultural Aspect.....	83
<i>Chaika N.</i> Mechanisms of Semantic Marking in Constructions with Verb Ellipsis	92

Romance and Germanic Linguistics

<i>Basovets I.</i> Reference Constructions in Middle English Chronicles	99
<i>Biyumena A.</i> Means of Representing Solidarity in the English-Language Crisis Media Discourse.....	107

<i>Skarabahaty V.</i> Frame Representation of the Emotion of <i>Fear</i> in English and French: a Contrastive Analysis	115
---	-----

Applied Linguistics

<i>Shvets H.</i> The Principles of Lexicographical Modeling of the Terminological System of Infocommunication Discourse in the English, Russian and Belarusian Languages.....	126
---	-----

Literary Studies

<i>Barycheuskaya T., Shcherbo B.</i> Dystopia in German-Language Literature of the 20th Century as a Reflection of the Crisis of Humanity.....	135
<i>Kurylau Y.</i> Painterly Ekphrasis in the Poetic Cycle of Stefan George <i>Hymnen</i> ...	145
<i>Lian Haibo.</i> The Phenomenon of Literature of Fact in Chinese and Belarusian Literary Criticism	152
<i>Skoropanova I.</i> Neo-avant-garde Innovations of Alexei Khvostenko	161
<i>Chasnakova K., Li Jiaqi.</i> Representation of Female Subjectivity in Immigrant Narrative of the Second Half of the 20 TH Century: a Comparative Analysis of Images in the Novels of H. Barolini <i>Umbertina</i> and Amy Tan <i>The Hundred Secret Senses</i>	172
<i>Yatskevich E., Kudriavtseva I.</i> Representation of Gender Issues in the Novels <i>Agnes Grey</i> and <i>The Tenant of Wildfell Hall</i> by Anne Bronte	182

Slavonic Languages

<i>Luschinskaya O.</i> Ethnocultural Characteristics of the Belarusians in Media Discourse (on the Example of Belarusian Convergent Media).....	191
<i>Chyhir A.</i> The Means of the Category of Collectivity in the Modern Belarusian Language	202

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК: 81'42:81'27

Азизова Насиба Бахритдиновна
доктор философии (PhD)
по философским наукам,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Каршинский государственный
университет
г. Карши, Узбекистан

Nasiba Azizova
Doctor of Philosophy (PhD)
in Philosophy,
Professor of the Department of Russian
Language and Literature
Karshi State University
Karshi, Uzbekistan
azizovanasiba@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В настоящей статье представлено комплексное теоретико-методологическое исследование феномена «языковая личность», выступающего ключевой категорией современной антропоцентрической научной парадигмы. Цель работы состоит в систематизации существующих научных подходов и формировании целостного представления о природе изучаемого явления. Методологическую основу исследования составляет интеграция достижений лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, реализованная через принцип интегрализма. Основным результатом выступает авторская интегративная модель, раскрывающая языковую личность через взаимодействие трех макроуровней – вербально-семантического, когнитивно-тезаурусного и мотивационно-прагматического, – каждый из которых, в свою очередь, структурируется через концептуальный, образно-ассоциативный и аксиологический слои. В статье подробно анализируются структурные компоненты концепта как ментального образования, аккумулирующего культурный опыт этноса, и обосновывается его роль в формировании языковой личности. Эмпирическая верификация модели осуществляется на материале русской и узбекской лингвокультур: анализируются макаронизмы в речи русского дворянства, одическая традиция, узбекские концепты «номус» и «мехр», а также парные слова как отражение коллективистского мышления. Полученные результаты углубляют теоретическую базу лингвоперсонологии и могут служить методологическим ориентиром при проведении сопоставительных исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: языковая личность; концепт; антропоцентрическая парадигма; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; структура концепта; интегративная модель; лингвоперсонология.

THE CONCEPTUAL MODEL OF A LINGUISTIC PERSONALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF ANTHROPOCENTRIC LINGUISTICS

This paper presents a comprehensive theoretical and methodological study of the phenomenon of «linguistic personality», which serves as a key category in the modern anthropocentric scientific paradigm. The aim of the work is to systematize existing scientific

approaches and form a holistic understanding of the nature of the phenomenon under study. The methodological foundation of the research consists of integrating achievements in linguoculturology and cognitive linguistics through the principle of integrationalism. The main result is the author's integrative model, which reveals the linguistic personality through the interaction of three macro-levels – the verbal-semantic, the cognitive-thesaurus, and the motivational-pragmatic – each of which is further structured through conceptual, figurative-associative, and axiological layers. The article analyzes in detail the structural components of the concept as a mental formation that accumulates the cultural experience of an ethnic group and substantiates its role in the formation of a linguistic personality. Empirical verification of the model is carried out on the material of Russian and Uzbek linguocultures: macaronisms in the speech of the Russian nobility, the ode tradition, the Uzbek concepts of «nomus» and «mehr», as well as paired words as a reflection of collectivist thinking. The obtained results deepen the theoretical foundation of linguopersonology and can serve as a methodological guide for conducting comparative studies.

Key words: *linguistic personality; concept; anthropocentric paradigm; linguoculturology; cognitive linguistics; concept structure; integrative model; linguopersonology.*

В современной лингвистической науке наблюдается устойчивое доминирование антропоцентрической парадигмы, ставящей в центр исследовательского внимания человека как активного носителя языка, его когнитивные механизмы, культурную идентичность и коммуникативные стратегии. В этом контексте категория «языковая личность» приобретает статус фундаментального теоретического конструкта, обеспечивающего интеграцию анализа языковой системы с изучением ее носителя. Несмотря на наличие значительного корпуса научных трудов, вопросы концептуализации языковой личности продолжают оставаться дискуссионными, что обуславливает необходимость дальнейшей теоретической разработки и уточнения методологического аппарата.

Актуальность данного исследования определяется потребностью в создании непротиворечивой теоретической модели, способной стать основой для эмпирических исследований в области лингвокультурологии и типологии языков, особенно при обращении к русскому и узбекскому языковому материалу. В условиях глобализации и активного межкультурного взаимодействия понимание национальной специфики языковой личности становится не только академической, но и практической задачей: от этого зависит успешность межкультурной коммуникации, адекватность перевода и эффективность преподавания языков.

Цель статьи заключается в критическом анализе существующих научных подходов к феномену языковой личности и построении обобщающей интегративной модели.

Интегративная модель языковой личности. Предлагаемая модель представляет языковую личность как многомерное и динамичное образование, в котором объединены языковые, когнитивные, культурные и ценностные компоненты. Модель имеет сложную иерархическую структуру, включающую три макроуровня, каждый из которых, в свою очередь, структу-

рируется через три взаимосвязанных слоя: понятийный (содержательное ядро), образно-ассоциативный (ментальные образы и метафоры) и ценностный (аксиологическая значимость) (таблица).

Интегративная модель языковой личности

Макроуровни модели	Понятийный слой	Образно-ассоциативный слой	Ценностный слой
1. Вербально-семантический (оперирование языковым кодом)	Лексико-грамматические категории, ядерные лексемы, отражающие ключевые смыслы	Фразеологизмы, устойчивые сравнения, идиомы как источник образности	Стилистическая маркированность лексики, норма/отклонение, отношение к заимствованиям
2. Когнитивно-тезаурусный (индивидуальная картина мира)	Система знаний о мире, базовые концепты, их понятийное ядро	Метафоры, символы, паремии, формирующие образ мира и связывающие понятие с наглядностью	Ценностные доминанты, иерархия смыслов, культурно значимые константы
3. Мотивационно-прагматический (коммуникативные интенции и мотивы)	Коммуникативные стратегии и тактики, цели общения, жанровые ожидания	Речевые жанры, сценарии речевого поведения, типовые образы коммуникативных ситуаций	Система личностных смыслов и мотивов, речевой этикет как отражение ценностей

П р и м е ч а н и е: каждый слой представляет собой аналитическую проекцию, а не самостоятельный компонент. Понятийный слой фиксирует, «что» известно/выражено, образно-ассоциативный – «как» это представлено в сознании и речи, ценностный – «почему» это значимо для личности.

Первой характеристикой, отраженной в модели, выступает уровневая организация. Следуя за Ю. Н. Карауловым, мы различаем следующие уровни.

Вербально-семантический уровень: практическое владение арсеналом языковых средств и правилами их сочетаемости. Однако в нашей модели этот уровень не ограничивается грамматикой, а включает также концептуальный слой, связанный с ядерными лексемами, и образно-ассоциативный, реализуемый во фразеологии.

Когнитивно-тезаурусный уровень: система упорядоченных знаний о мире, совокупность ценностей и понятий, образующих картину мира индивида. На этом уровне модель акцентирует роль концептов и их структуру.

Мотивационно-прагматический уровень: иерархия целей, коммуникативных задач и установок, определяющих речевое поведение. Аксиологический слой этого уровня позволяет объяснить выбор коммуникативных стратегий, исходя из ценностных предпочтений языковой личности.

Второй существенной характеристикой является диалогическая природа языковой личности. Развивая положения М. М. Бахтина о том, что сознание и личность формируются в процессе взаимодействия с «чужим» сознанием, можно утверждать, что любой речевой акт ориентирован на Другого и включает элементы предшествующего и прогнозируемого дискурса [1, с. 295–297]. Данное свойство наиболее отчетливо проявляется в художественном тексте, где языковая личность автора вступает в диалог с языковыми личностями персонажей и читателя, что находит отражение на мотивационно-прагматическом уровне нашей модели.

Третьей неотъемлемой характеристикой выступает культурная обусловленность. Связующим звеном здесь служит концепт – единица «концептосферы» (по Д. С. Лихачёву), через которую индивидуальный опыт встраивается в коллективное культурное наследие [2, с. 5]. В более ранних исследованиях нами было показано, что антропоцентризм служит теоретической основой, объединяющей язык, культуру и человека [3, с. 45–47], что непосредственно применимо к пониманию механизмов формирования языковой личности. Как справедливо отмечает В. И. Карасик, языковая личность представляет собой культурно-исторический прототип носителя конкретного языка [4, с. 21]. В нашей модели эта характеристика реализуется на когнитивно-тезаурусном уровне через аксиологический слой концепта.

Четвертой важной характеристикой является сложная организация самого ментального концепта, лежащего в основе исследуемого явления. Опираясь на работы Ю. С. Степанова и В. И. Карасика, в структуре концепта мы выделяем три слоя, которые коррелируют с уровнями модели языковой личности.

Ядерная зона (понятийная): универсальные, базовые признаки, зафиксированные в лексикографических источниках [5, с. 42–46]. Это основа для вербально-семантического уровня.

Приядерная зона (образно-ассоциативная): устойчивые, но вариативные признаки, нередко обладающие культурной спецификой и проявляющиеся в метафорах, поговорках и фразеологизмах [4, с. 129–133]. Этот слой является связующим звеном между вербально-семантическим и когнитивно-тезаурусным уровнями.

Периферийная зона (ценностно-интерпретационная): индивидуально-авторские, контекстуальные и эмоционально окрашенные смыслы, возникающие в конкретной речевой ситуации [5, с. 58–60]. Этот слой напрямую связан с мотивационно-прагматическим уровнем.

Эмпирическая верификация модели. Эвристический потенциал модели продемонстрируем на одном сквозном примере из русской лингвокультуры.

туры, а затем кратко покажем, как отдельные элементы модели работают на узбекском материале. Такой подход позволяет избежать фрагментарности и увидеть взаимодействие всех уровней и слоев в единстве.

Сквозной пример: русская языковая личность дворянина XIX века (галлицизмы и смешение языков).

Вербально-семантический макроуровень охватывает практическое владение языковыми средствами. Понятийный слой здесь включает ядерные лексемы, организующие речевое поведение: *честь, свет, благородство, образование*. Именно эти лексемы наиболее часто встречаются в письмах и мемуарах дворянства, а их французские эквиваленты (*honneur, monde, noblesse*) регулярно замещают русские в речи. Образно-ассоциативный слой представлен фразеологизмами французского происхождения (*avoir l'air, bon ton, comme il faut*), которые функционируют как маркеры социальной идентичности и одновременно создают образ «утонченного европейца». Ценностный слой этого уровня проявляется в резко отрицательном отношении к просторечию («мужицкой» речи) и стремлении к «чистому» французскому произношению, что отражает ценностную иерархию, где французский язык оценивается выше русского просторечия.

Когнитивно-тезаурусный макроуровень реконструирует картину мира. Понятийный слой образуют концепты «европейское просвещение» и «русская душа», находящиеся в диалогическом напряжении. Образно-ассоциативный слой раскрывается через метафоры «света» (цивилизация, знание) и «тьмы» (невежество, патриархальная Россия). Ценностный слой выявляет иерархию: европейская образованность часто ставится выше патриархальной простоты, что порождает внутренний конфликт, отражающийся в текстах (от «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина до «Войны и мира» Л. Н. Толстого).

Мотивационно-прагматический макроуровень определяет коммуникативные стратегии. Понятийный слой включает цели общения: в светском диалоге доминирует установка на соблюдение этикета, избегание «неприличных» тем, использование французского как языка утонченного общения. Образно-ассоциативный слой задает сценарии речевого поведения: салонная беседа, дуэльный кодекс, любовное письмо – каждый жанр имеет свои образцовые формы. Ценностный слой проявляется в строгой регуляции речевого этикета (выбор местоимений *вы/ты*, формы обращения), что отражает ценность социальной дистанции и сословной иерархии.

Таким образом, один и тот же феномен (билингвизм русского дворянства) получает многослойное объяснение через все компоненты модели, а не только через констатацию наличия галлицизмов.

Дополнительные примеры на узбекском материале (иллюстрация отдельных слоев модели).

Концепт «номус» на *вербально-семантическом уровне* не имеет прямого эквивалента в русском языке, объединяя семы 'честь', 'достоинство', 'стыд', 'совесть'. Паремия *Номусингни еганингни ема* переводится как *Не ешь того,*

что съело твою честь (т.е. не поступайся честью ради материальной выгоды). На *когнитивно-тезаурусном уровне* это не просто качество личности, а высшая ценность, определяющая социальный статус. На *мотивационно-прагматическом уровне* это проявляется в специфических речевых стратегиях: избегании тем, которые могут быть истолкованы как умаляющие достоинство семьи, использовании иносказаний, повышенной роли коммуникативного этикета для поддержания «честь» («номус») собеседника.

Концепт «мехр» ('любовь', 'милосердие', 'привязанность') на *вербально-семантическом уровне* часто выражается парными словами (*мехр-мухаббат*, *мехр-шафкат*). Это грамматическое явление (сочинительные ряды) отражает на *когнитивно-тезаурусном уровне* коллективистское мышление, стремление к полноте и гармонии. *Образно-ассоциативный слой* включает метафоры огня (*мехр алангаси* – «пламя любви») и пищи (*мехр билан боқмоқ* – «вскормить любовью»). На *мотивационно-прагматическом уровне* это приводит к высокочастотному использованию благопожеланий (*мехринг зиёда бўлсин* – «пусть умножится твоя доброта»), формул сочувствия и поддержки.

Проведенное исследование подтверждает, что концепт «языковая личность» выполняет роль системообразующей категории в современной антропоцентрически ориентированной лингвистике. Его эвристическая ценность заключается в способности интегрировать сведения о языке, мыслительных процессах и культурной принадлежности индивида. Разработанная в статье интегративная модель, сочетающая представления об уровневой организации личности и многокомпонентной структуре концепта, создает надежную методологическую основу для дальнейших эмпирических исследований.

В отличие от классической модели Ю. Н. Караулова, наша модель не только сохраняет трехуровневую структуру, но и вводит дополнительное структурирование через концептуальный, образно-ассоциативный и аксиологический слои, что позволяет более детально описать взаимодействие языка, сознания и культуры. Включение аксиологического слоя позволяет преодолеть разрыв между «знанием» и «ценностью», который часто присутствует в чисто когнитивных подходах.

Наиболее перспективным направлением представляется применение данной модели в рамках сопоставительного анализа русской и узбекской языковых личностей. Модель позволяет не просто фиксировать различия на уровне лексики, но и объяснять их через структуру базовых концептов и ценностных ориентаций, что, в свою очередь, дает ключ к пониманию коммуникативных неудач и успешному межкультурному диалогу. Практическая значимость модели подтверждается возможностью ее использования в преподавании русского и узбекского языков как иностранных, в теории и практике перевода, а также в разработке лексикографических продуктов нового типа (концептуальных словарей).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Лихачёв, Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.
3. *Азизова, Н.Б.* Антропоцентризм как научно-теоретическая основа единства «язык – культура – человек» / Н.Б. Азизова // *Xorazm Ma'mun akademiyasi axborotnomasi*. – 2025. – №3/4. – Б. 43–47.
4. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. *Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2004. – 992 с.

Поступила в редакцию 28.05.2026

УДК 004.81

Антонов Сергей Георгиевич

доктор технических наук
ООО «Лингвистические
и информационные технологии»
г. Москва, Россия

Sergey Antonov

Doctor of Technical Sciences
«Linguistic and Information Technologies»
LLC
Moscow, Russia
Aserg2001@yandex.ru

Завалишин Даниил Евгеньевич

слушатель
Московский государственный
технический университет
им. Н. Э. Баумана
г. Москва, Россия

Daniil Zavalishin

Student
Bauman Moscow State
Technical University
Moscow, Russia
Zavalishin.DE@ya.ru

Крапивин Юрий Борисович

кандидат технических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Yury Krapivin

PhD in Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
ybox@list.ru

АНАЛИЗ SMS КАК СРЕДСТВА ЦЕЛЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предложено решение задачи автоматической обработки коротких текстовых сообщений, SMS сообщений, их анализа, основанное на лексико-грамматической модели представления текста и развитой лингвистической базе данных, что в совокупности обеспечивает качественное соотнесение выявляемых языковых признаков с классами речевых актов для пяти ситуаций коммуникации. Это позволяет определить, во-первых, в какой из них находятся корреспонденты и, во-вторых, присутствует ли в их сообщениях потенциальная угроза безопасности некоторому событию, объекту и т. п.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *SMS коммуникация; анализ коротких текстов; лингвистическая база данных; типы коммуникации.*

ANALYSIS OF SMS AS A MEAN OF TARGETED COMMUNICATION

A solution to the problem of automatic processing and analysis of short text messages, SMS, based on a lexico-grammatical model of text representation and a comprehensive linguistic database is proposed. Together, these components ensure an accurate mapping of the identified linguistic features onto speech act classes for five communication situations and make it possible, first, to determine which of these situations the correspondents are in and, second, to identify whether their messages contain a potential security threat related to a particular event, object, or the like.

Key words: *SMS communication; short text analysis; linguistic database; types of communication.*

Неуклонный рост объемов передаваемой информации требует разработки новых, как по показателям их эффективности, так и по классу решаемых задач, методов и алгоритмов автоматической обработки текстовых данных, получаемых из разнообразных источников, в частности, таких как Интернет, сотовая связь.

К задачам автоматической обработки текстовых документов, представленных в электронном виде, можно отнести их классификацию, извлечение и последующий целевой анализ контента. При этом затруднения, возникающие при обработке некоторых классов документов, могут быть связаны с наличием в тексте различных типов информации и видов искажений.

Процесс коммуникации абонентов сотовых сетей предполагает обмен текстовыми документами специального типа – короткими текстовыми сообщениями, SMS (Short Message Service). Чем меньше объем текста сообщения, тем сложнее провести его автоматический анализ. К тому же тексты SMS, как правило, содержат много сокращений и искажений, нехарактерных для естественного языка. Зачастую авторы сообщений пренебрегают правописанием, правилами грамматики, используют разнообразные словесные конструкции и жаргонизмы, в особенности, если сами не являются носителями языка. Все это, безусловно, затрудняет автоматическую обработку и анализ коротких текстовых сообщений.

Элементы теории речевых действий в задачах обработки естественного языка

Как показывает проведенное исследование, при решении задач обработки коротких текстовых сообщений эффективным будет использование теории речевых действий. Это подход к формализации текста, основанный на представлении целей и мотивов участников речевого общения. Основной акцент в процессе общения делается на целях высказываний и на их интенсивности. Одним из главных компонентов речевого действия является иллокутивная цель, которая определяет коммуникативную цель высказывания и направлена на изменение какого-либо аспекта человеческого сознания: знания, намерения либо представления о текущей ситуации посредством композиции сообщений, заявлений и побуждений [1; 2].

С целью анализа достижения иллокутивной цели и в соответствии с ее видами выделяют классы речевых действий, например: репрезентативы, директивы, комиссивы, декларативы, экспрессивы, интеррогативы, перформативы [3; 4].

Инструментальные средства анализа текстовых сообщений

К числу наиболее распространенных программных средств базовой лингвистической обработки текста относятся морфологические анализаторы и многофункциональные программные библиотеки, обеспечивающие проведение важных с точки зрения автоматизации лингвистического анализа

этапов: установления границ слов и предложений, лемматизации, определения частей речи и, в ряде случаев, синтаксического анализа. Для русского языка интерес представляют MyStem, pymorphy2, UDPipe, Stanza [5; 6; 7; 8].

С целью устранения возможных ошибок ввода, а также случаев вариативности в написании и учета ситуаций использования нетекстовых элементов, которые непосредственно влияют на результаты морфологической разметки и последующей классификации, применяются алгоритмические или инструментальные средства и приемы автоматического исправления опечаток, нечеткого сопоставления словоформ, а также выделения специальных знаковых комплексов: телефонных номеров, адресов электронной почты, url-адресов, кодов, цифровых последовательностей и эмодзи. Однако для коротких текстовых сообщений такие элементы не являются исключительно служебными, поскольку могут выступать самостоятельными носителями значимой информации и, следовательно, должны учитываться при интерпретации коммуникативных целей.

В задачах классификации текстов часто используются программные библиотеки scikit-learn, fastText, Transformers, DeepPavlov [9; 10; 11; 12], с помощью которых создаются классификаторы на основе анализа символьных и словарных n-грамм, маркеров частеречной разметки, морфологических признаков и других формализуемых характеристик текста. К особенностям применения решений, построенных с их помощью, можно отнести необходимость обучения классификатора на предварительно подготовленном и размеченном репрезентативном обучающем корпусе текстовых сообщений, дополняемом при появлении новых словоформ, жаргонизмов и нестандартных синтаксических конструкций, а использование нейросетевых моделей, например, ruBERT [13], хоть и позволяет учитывать вариативность формулировок и выявлять скрытые семантические связи в текстовых сообщениях, что важно для решения целевой задачи, требует представительных объемов обучающих данных и не всегда обеспечивает требуемый уровень интерпретации получаемых результатов.

Таким образом, учитывая характерные особенности коротких текстовых сообщений, таких, как малый объем текста, ограниченность контекста, высокая вариативность графического оформления, наличие орфографических искажений, жаргонной лексики, а также смешение алфавитов наряду с включением нетекстовых элементов и связанных с ними ограничений в возможности применения в полном объеме стандартных средств обработки естественного языка, лексико-грамматическая модель анализа коротких текстовых сообщений, опирающаяся на современные средства базовой лингвистической обработки текста и развитую лингвистическую базу данных, способна обеспечить прозрачное соотнесение наблюдаемых языковых признаков с классами речевых актов.

Лингвистическая база данных

С целью автоматического лингвистического анализа коротких текстовых сообщений в контексте решаемой задачи в состав Лингвистической базы данных включен разработанный лексико-грамматический классификатор свойств русского языка и набор словарей, причем каждому слову из соответствующего словаря поставлен в соответствие, характеризующий его набор значений лексико-грамматических кодов классификатора.

Таким образом, по мимо прочего, компонентами Лингвистической базы данных стали:

- Словарь правильных слов. Содержит общеупотребительные правильные (безошибочные) слова, используемые в различных текстах естественного языка.

- Тематический словарь. Предназначен для актуализации словаря в соответствии с интересующей тематикой SMS. Например, может включать слова: *иноагент, акбар, бисмилля, ваалейкум*.

- Словарь неправильных (искаженных) слов и жаргонизмов. Например: *уря, ахи, ббббб, мухаджиры*, слова с опечатками. Включение такого словаря в базу данных нецелесообразно, поскольку его содержание зависит от грамотности и фантазии авторов сообщений и не поддается адекватному описанию. При проведении лингвистического анализа текстов сообщений всем неизвестным словам ставится в соответствие маркер имени лексико-грамматического класса (ЛГК) – существительное, которое, как показали эксперименты, является наиболее частотным в проанализированных текстах, а пропуск глагола и вопросительных слов вследствие возможных искажений, фиксируемых в текстах сообщений, может приводить к некорректным результатам.

Содержащиеся в лингвистической базе данных сведения далее используются на этапе лексико-грамматического тегирования, или «раскраски» – приписывания соответствующих маркеров имен ЛГК лексическим единицам текста SMS, причем одной лексической единице может быть поставлено в соответствие несколько маркеров ЛГК [15], и процедуры редуцирования имен ЛГК, что, в свою очередь, позволит устранить возможную неоднозначность с целью обеспечения качества проведения анализа.

Состав лексико-грамматического классификатора свойств русского языка

Далее представлены фрагменты разработанного лексико-грамматического классификатора свойств русского языка с указанием имен ЛГК, и в скобках – буквенно-цифровых обозначений или маркеров, необходимых для проведения автоматического лексико-грамматического анализа и решения задачи автоматической обработки коротких текстовых сообщений:

- существительные (N);
- глаголы (V);
- местоимения (PP, P\$);
- предлоги (IN);
- наречия и частицы (EMPTY);
- вопросительные слова (PQ, RV);
- основные знаки пунктуации, обозначающие границы предложения: «.», «!», «?»;

– дополнительные знаки пунктуации для обозначения границы предложения, эквивалентные знаку «.»: «:», «:», «;», «–» после пробела, «#», «/», «+», «вертикальная черта», «одионочная скобка» (если автор не поставил вторую).

Что касается ЛГК, используемых с целью определения классов предложений, то в состав лексико-грамматического классификатора свойств русского языка вошли следующие:

- N – существительное (NNIMO – существительное нарицательное, неодушевленное, мужской род, именительный падеж).
- IN – предлог (ING – предлог, родительный падеж).
- JR – относительное прилагательное (JRMО – относительное прилагательное, мужской род, именительный падеж).
- JJ – качественное прилагательное (JJMO – качественное прилагательное, мужской род, именительный падеж).
- PP – личное местоимение (PP1O – личное местоимение, 1-е лицо, единственное число, именительный падеж).
- P\$ – притяжательное местоимение (P\$MO – притяжательное местоимение, мужской род, именительный падеж).
- PQ – вопросительно-относительное местоимение (PQMO – вопросительно-относительное местоимение, мужской род, именительный падеж).
- CEMPTY – подчинительный союз.
- RQEMPTY – наречие качества, образа действия
- RLEEMPTY – наречие места, направления
- MDEEMPTY – модальное слово.
- XXEMPTY – наречие.
- VPM – повелительный глагол совершенного вида (VPM2 – глагол совершенного вида, повелительное наклонение, 2-е лицо, единственное число).
- VIM – повелительный глагол несовершенного вида (VIM2 – глагол несовершенного вида, повелительное наклонение, 2-е лицо, единственное число).
- VII – глагол несовершенного вида, изъявительное наклонение (VIIR1 – глагол несовершенного вида, изъявительное наклонение, настоящее время, 1-е лицо, единственное число).

– VPI – глагол совершенного вида, изъявительное наклонение (VPIPM – глагол совершенного вида, изъявительное наклонение, прошедшее время, мужской род).

– VIL – глагол несовершенного вида, возвратный (VILIR1 – глагол несовершенного вида, возвратный, изъявительное наклонение, 1-е лицо, единственное число).

– VPC – глагол совершенного вида, инфинитив.

– VIC – глагол несовершенного вида, инфинитив.

– LPP – страдательное причастие (LPPMO – страдательное причастие, прошедшее время, мужской род, именительный падеж).

Проведение процедур лексико-грамматического тегирования и редуцирования имен ЛГК, необходимых для обеспечения качества проведения анализа предполагает необходимость осуществить следующее.

Неизвестные слова, имена собственные, количественные числительные, цифры и буквенно-цифровые комбинации маркируются как N (существительное), т. к. цифры и буквенно-цифровые комбинации могут указывать на номер или код ячейки камеры хранения, сотовый телефон, электронный адрес, что может являться значимой информацией.

В именах ЛГК маркеры CEMPTY, RQEMPTY, RLEEMPTY, MDEEMPTY остаются без изменений; для наречий сохраняются только EMPTY; для существительных – только N; для глаголов – 3 начальных знака ЛГК; для остальных частей речи – 2. Маркеры EMPTY в середине и конце предложения, а JJ в начале и середине предложения так же, как и вопросительные слова, после V – удаляются.

Пример результата лексико-грамматического тегирования на основании лексико-грамматического классификатора и соответствующих классов речевых действий

Ниже представлены пример результата лексико-грамматического тегирования предложений текстов SMS на основании лексико-грамматического классификатора и соответствующие классы речевых действий, важные с точки зрения решения задачи:

Репрезентативы /1/

Это может привести к конфликту.

TCEEMPTY VIIR3 VPC IND NNIMD.

EMPTY + VII + VPC + IN + N. /1/

Директивы /2/

Ты сделай эту работу.

PP2O VIM2 PDFA NNIFA.

PP + VIM + N. /2/

Комиссивы /3/

Я обещаю сделать эту работу.

PP1O VIIR1 VPC PDFA NNIFA.

PP+VII+VPC+N. /3/

Декларативы /4/

Я объявляю вас мужем и женой.

PP1O VIIR1 PP2G NNAMI CCEMPTY NNAFI.

PP + VII + PP + N + N. /4/

Экспрессивы /5/

Русские идут!

JRPO/JRPA VIIR3!

JR + VII /5/

Простите.

VPM /5/

Интеррогативы /6/

Что он может сказать?

RQINO PP3MO WDEMPTY/VIIR3 VPC?

RQ + PP + VII + VPC? /6/

Перформативы /7/

Прошу предъявить билеты.

VIIR1 VPC NNIMPA.

VII+VPC+N. /7/

Лингвистические правила анализа короткого текстового сообщения

Принимая во внимание вышеизложенное, процесс автоматического соотношения наблюдаемых лингвистических характеристик лексических единиц обрабатываемого короткого текстового сообщения с классами речевых действий с целью фиксации последних должен выполняться в границах анализируемого предложения с использованием ресурсов лингвистической базы данных и набора лингвистических правил анализа текста, фрагменты которого представлены ниже.

Если в начале предложения присутствует обращение (например, *уважаемый сэр*) и оно отделено знаком препинания, то его следует рассматривать как отдельное предложение класса /5/.

Предложение, содержащее нетекстовые знаки и заканчивающиеся эквивалентом знака «.», необходимо относить к классу /1/.

При наличии знаков эмодзи или их последовательности в отсутствии других слов (могут служить кратким согласием/подтверждением) предложения относить к классу /5/. Их, кроме обозначающих согласие или отказ, следует игнорировать.

Повествовательные предложения относить к классам /1/, /3/, /4/, /5/, /7/.

Принадлежность к классу /2/ повелительных предложений и к классу /6/ вопросительных – описывается следующим образом:

– *Повелительное предложение класса /2/*. Признаком класса являются повелительные глаголы, в основном с маркерами VPM, VIMI. Повелительный глагол должен находиться первым перед другими глаголами V (если они присутствуют). Признаком также может являться лексема с маркером MEMPTY, если после нее присутствует глагол V. Наличие знака «?» отменяет отнесение к классу /2/, в таком случае следует зафиксировать принадлежность классу /6/.

– *Вопросительное предложение класса /6/*. К признакам принадлежности предложения классу относится наличие в предложении вопросительных слов с маркерами: PQ, CEMPTY, RQEMPTY, RLEEMPTY, при этом само вопросительное слово должно находиться перед глаголом V. В вопросительном предложении класса /6/ должно быть вопросительное слово и глагол V, при этом знак «?» необязателен, или глагол V в сопровождении других лексических единиц и знака «?».

Если в предложении присутствуют 4 и более слов, знак препинания «?», но отсутствует глагол V, то установить принадлежность к классам /5,6/.

Если присутствует вопросительное слово, глагол V и знак препинания «!», то установить принадлежность к классам /5,7/.

Таким образом, при составлении правил учитывается количество лексических единиц в составе анализируемого предложения, их принадлежность ЛГК, местоположение в границах предложения, присутствие знаков препинания и т. п.

Ситуации коммуникации посредством SMS

Процесс целевой коммуникации посредством SMS можно разделить на 5 ситуаций (этапов):

- 1) знакомство;
- 2) вхождение в доверие;
- 3) определение слабых мест;
- 4) укрепление отношений;
- 5) финальный этап взаимодействия.

В таблице представлено процентное соотношение предложений классов, рассмотренных выше, в составе коротких текстовых сообщений, описывающих каждую из пяти ситуаций, полученную в результате автоматической обработки набора данных из 2 000 коротких текстовых сообщений. Очевидно, что каждая из ситуаций отличается количеством классов предложений, требуемым для своего корректного описания, в процентном соотношении, а в одном SMS могут присутствовать несколько предложений разных классов. Заметим, что проанализированные предложения, относящиеся к разным классам, рассматривались как несколько предложений каждого класса. Например, предложение, относящееся одновременно к двум классам /1,5/, рассматривалось как два предложения классов /1/ и /5/ соответственно.

Доля предложений, относящихся к соответствующим классам,
описывающим каждую из пяти ситуаций, в %

Классы речевых действий	Ситуация коммуникации				
	Знакомство	Вхождение в доверие	Определение слабых мест	Укрепление отношений	Финальный этап взаимодействия
/1/ Репрезентативы	22	30	65	41	60
/2/ Директивы	6	13	9	10	13
/3/ Комиссивы	0	8	2	6	4
/4/ Декларативы	0	0	2	6	0
/5/ Экспрессивы	38	6	9	13	3
/6/ Интеррогативы	34	43	12	15	17
/7/ Перформативы	0	0	1	9	3

Количественная оценка соотношения автоматически выявленных классов речевых действий, приходящихся на каждую из рассматриваемых типовых ситуаций целевой коммуникации, позволяет смоделировать наблюдаемую ситуацию при анализе группы коротких текстовых сообщений участников процесса коммуникации и установить на каком из этапов находятся отношения корреспондентов, а последующий анализ содержания сообщений позволит узнать коммуникативные цели корреспондентов, а также цели и средства их возможных реальных действий. Такая оценка будет тем точнее, чем больше выборка обрабатываемых сообщений.

В каждой из рассматриваемых ситуаций присутствуют составляющие сообщения, относящиеся к классу репрезентативов, как правило, это предложения, описывающие общие сведения или факты, причем в большей степени это характерно для ситуации определения слабых мест и финального этапа взаимодействия в ситуациях (65 %) и (60 %), соответственно. Для ситуации знакомства в текстах сообщений характерно наличие предложений, указывающих на преобладание классов речевых действий – экспрессивов (38 %) и интеррогативов (34 %), что предполагает наличие высказываний эмоционального характера и вопросов. В ситуации вхождения в доверие заметно преобладание вопросов (43 %) и в меньшей степени (13 %) повелительных предложений, в то время как их доля в ситуациях укрепления отношений составляет 15 % – интеррогативы, 10 % – директивы и финального этапа взаимодействия: 17 % – интеррогатив, 13 % – директивы соответственно.

В целом, полученные результаты отражают цели корреспондентов в рассматриваемых ситуациях коммуникации: эмоциональное привлечение объекта коммуникации к общению; задавание простых вопросов и озвучивание обязательств спрашивающего; осторожные вопросы и их эмоциональная окраска по набору фактов; вопросы, повеления и эмоции в комплексе для закрепления отношений корреспондентов; прямые рекомендации к действию на завершающем этапе коммуникации.

Приведем примеры полученных результатов решения рассматриваемой нами задачи для разных ситуаций коммуникации.

1. Знакомство

Как тебя зовут?

CSEMPY + N + VII + ? /6/

Брат с вами все хорошо?

N + IN + PP + JJ + ? /5,6/

2. Вхождение в доверие

Где ты выучил русский язык брат?

RLEMPY + PP + VPI + N + N + N+? /6/

На арабском плохо пишу пока что.

IN + VII + «.» /1,3/

3. Нащупывание слабых мест

СубханАллах тебя и никто не просит чтобы ты верил ему

N + PP + VII + PP + VII + PP /1,3/

Ты на стукача похож, /1,5/ причём сильно

PP + IN + N + JJ + «,» /1,5/ EMTY + JJ /5/

4. Укрепление отношений

Цель джихада ведь не заключается побольше убить кафиров

N + N + VIL + VPC + N /1,3/

Пусть Аллагь возвысит его степень в раю

EMPTY + N + VPL + PP + N + IN + N /1,3/

5. Финальный этап

ты маршрут более менее знаешь

PP + N + N /1,5/

Если взял намерение то уезжай черёд Беларусь нормально

EMPTY + VPI + N + VIM + N + N + JJ /7/

Заметим, что в приведенных примерах есть лексические единицы, которые не могут присутствовать в словаре правильных слов и, согласно описанным выше правилам, в процессе решения задачи считаются существительными.

Отметим, что процесс коммуникации может быть достаточно длительным, а корреспонденты не ограничиваются обменом несколькими текстовыми сообщениями. Предложенное решение задачи автоматической обработки коротких текстовых сообщений позволяет определить, на каком этапе взаимодействия находятся корреспонденты, оценить, стоит ли наблюдателю обратить внимание на потенциальную угрозу безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *McDonald, D.* Natural language generation systems / D. McDonald L., Bolc. – Springer-Verlag, 1988. – 388 p.
2. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 122–129.

3. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170–194.
4. *Сазонова, П. А.* Автоматическое порождение фраз естественного языка по OWL-модели, семантике и прагматике / П. А. Сазонова // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Анализ изображений, сетей и текстов» (АИСТ). – Екатеринбург : Урал. Фед. ун-т, 2014 г.
5. *Segalovich, I.* A fast morphological algorithm with unknown word guessing induced by a dictionary for a web search engine / I. Segalovich // Proceedings of MLMTA-2003. – Las Vegas, 2003. – P. 273–280.
6. *Korobov, M.* Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages / M. Korobov // Analysis of Images, Social Networks and Texts. – Lecture Notes in Computer Science. – Vol. 9308. – Cham: Springer, 2015. – P. 320–332.
7. *Straka, M.* Tokenizing, POS Tagging, Lemmatizing and Parsing UD 2.0 with UDPipe / M. Straka, J. Strakova // Proceedings of the CoNLL 2017 Shared Task: Multilingual Parsing from Raw Text to Universal Dependencies. – Vancouver, 2017. – P. 88–99.
8. Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages / P. Qi, Y. Zhang, J. Bolton [et al.] // Proceedings of ACL 2020: System Demonstrations. – 2020. – P. 101–108.
9. Scikit-learn: Machine Learning in Python / F. Pedregosa, G. Varoquaux, A. Gramfort [et al.] // Journal of Machine Learning Research. – 2011. – Vol. 12. – P. 2825–2830.
10. Bag of Tricks for Efficient Text Classification / A. Joulin A., E. Grave E., P. Bojanowski [et al.] // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics. – Valencia, 2017. – P. 427–431.
11. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding / J. Devlin J., M.-W. Chang M.-W., K. Lee K. [et al.] // Proceedings of NAACL-HLT 2019. – Minneapolis, 2019. – P. 4171–4186.
12. DeepPavlov: Open-Source Library for Dialogue Systems / M. Burtsev, A. Seliverstov, R. Airapetyan, [et al.] // Proceedings of ACL 2018: System Demonstrations. – Melbourne, 2018. – P. 122–127.
13. *Kuratov, Y.* Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language / Y. Kuratov, M. Arkhipov // arXiv preprint arXiv: 1905.07213. – 2019.
14. *Рубашко, Н. К.* Разработка лексико-грамматического классификатора флективных языков / Н. К. Рубашко / Вест. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. – № 11. – Минск : МГЛУ 2003. – С. 84–89.
15. *Антонов, С. Г.* Модели текста естественного языка для решения задач автоматической обработки. Оценка возможности преобразования лингвистических данных для разных языков // С. Г. Антонов, М. В. Федюкин / Информатизация и связь. – № 4 – М., 2022. – С. 85–97.

Поступила в редакцию 10.06.2026

УДК 811'374.7:811'373.7(045)

Артёмова Ольга Александровна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры фонетики
и практики английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Olga Artemova

Habilitated Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Phonetics and English Speech Practice
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
olgaivanovaivanova3@gmail.com

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются принципы контрастивного лексикографического моделирования фразеологических систем неблизкородственных языков. Представляется методология многомерного сопоставления разноязычных фразеосистем с учетом семантического, структурно-грамматического, прагматико-дискурсивного и лингвокультурного критериев, принципов системности, функциональной адекватности и контекстуальной верификации. Демонстрируется пример лексикографической параметризации разноязычных фразеологизмов.

Ключевые слова: контрастивное моделирование; фразеологическое пространство; неблизкородственные языки; межъязыковая эквивалентность; лексикографическая параметризация.

LEXICOGRAPHIC MODELING OF THE PHRASEOLOGICAL SPACE IN DISTANTLY RELATED LANGUAGES: A CONTRASTIVE PERSPECTIVE

This article examines the principles of contrastive lexicographic modeling of phraseological systems in distantly related languages. It presents a methodology for multidimensional comparison of multilingual phraseological systems, taking into account semantic, structural-grammatical, pragmatic-discursive, and linguacultural criteria, as well as principles of systematicity, functional adequacy, and contextual verification. The example of lexicographic parameterization of phraseological units of distantly related languages is presented.

Key words: contrastive modeling; phraseological space; non-closely related languages; interlingual equivalence; lexicographic parameterization.

В условиях глобализации межкультурной коммуникации, развития систем машинного перевода и создания полиязычных корпусов возрастает потребность в научно обоснованных моделях описания фразеологических систем неблизкородственных языков в контексте внутренних (семантических, деривационных, синтагматических) и внешних (дискурсивных, прагматических, культурных) связей [1].

Следует отметить, что традиционный контрастивный анализ, эффективно работающий в рамках родственных языковых групп, сталкивается с методологическими ограничениями при сопоставлении неблизкородственных языков вследствие асимметрии структурных паттернов разноязычных фразеологических единиц, несовпадением их культурно обусловленных образных основ и прагматических функций. В связи с этим возникает необходимость в комплексной методологической рамке, которая рассматривает фразеологическую систему не как статичный набор единиц, а как динамичную систему. Реализация данной модели опирается на интеграцию контрастивного, функционально-прагматического и лингвокультурологического подходов, что нивелирует их индивидуальные ограничения: контрастивный анализ обеспечивает микроуровневый анализ языковой специфики, тогда как функционально-прагматический и лингвокультурологический ракурсы, выходя за рамки собственно формального сопоставления, раскрывают дискурсивную реализацию единиц и содержащиеся в них культурно-обусловленные смыслы с учетом следующих принципов.

1. *Принцип системности.* Фразеологическая единица рассматривается не изолированно, а в парадигматических и синтагматических связях, в системе внутренних оппозиций и внешних дискурсивных функций.

2. *Принцип функциональной адекватности.* При сопоставлении неблизкородственных языков приоритет отдается не формальному сходству, а совпадению коммуникативных задач, ситуативной уместности и прагматического эффекта.

3. *Принцип контекстуальной верификации.* Значение и эквивалентность фиксируются на основе реальных корпусных контекстов, а не только словарных дефиниций.

4. *Принцип лингвокультурной релевантности.* Учитывается степень прозрачности образа, концептуальная нагрузка и возможность его декодирования носителем языка-цели.

Переход от теоретико-методологических положений к практической верификации реализуется через многоступенчатую исследовательскую процедуру, включающую семь логически взаимосвязанных этапов.

Этап I. Формирование исследуемых фразеокорпусов в сопоставляемых языках и их систематизация с дальнейшей количественной параметризацией.

На данном этапе создается репрезентативный эмпирический базис, обеспечивающий переход от интуитивного отбора фразеологических единиц к системному корпусному моделированию с четкими критериями включения фразеологических единиц, их классификацией и первичной количественной параметризацией.

Этап II. Выявление межъязыковых соответствий.

На данном этапе осуществляется подбор иноязычных коррелятов каждой белорусской единицы с классификацией типов межъязыкового параллелизма (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Типы межъязыковых соответствий разноязычных
фразеологических единиц

Тип соответствия	Формула	Характеристика	Пример
Линейные эквиваленты	1:1	Одной единице исходного языка полностью соответствует одна единица языка сопоставления	<i>каля бока</i> ↔ <i>at/by someone's side</i> [НБАРС]
Векторные эквиваленты	1:N / N:1	Одной единице исходного языка соответствует несколько единиц в языке сопоставления с различиями в образной основе, прагматике или стилистическом регистре; выбор эквивалента обусловлен контекстом	<i>пад голым небом</i> [СФ 2, с. 95] ↔ • англ. <i>out of doors</i> (букв. 'за дверями') [БРАФС, с. 394]; • англ. <i>in the open air</i> (букв. 'на открытом воздухе') [НБАРС]; • англ. <i>under the open sky</i> (букв. 'под открытым небом') [НБАРС]; • фр. <i>à la belle étoile</i> (букв. 'при прекрасной звезде') [DLF, с. 204]; • фр. <i>en plein air</i> (букв. 'на открытом воздухе') [TLFi]; • фр. <i>à ciel ouvert</i> (букв. 'под открытым небом') [Le Robert]
Лакунарные соответствия	1:0	Отсутствие фразеологического эквивалента в языке сопоставления; передача смысла осуществляется описательно, калькированием или функциональной заменой	<i>паснееш з козами на торг</i> 'всему свое время' [СФ 2, с. 192] → описательный перевод: • англ. <i>a cautionary note on premature action</i> 'предостережение относительно преждевременных действий' • фр. <i>une mise en garde contre toute action prématurée</i> 'предостережение против любых преждевременных действий'

Проверка установленных иноязычных фразеологических соответствий осуществляется по аутентичным лексикографическим источникам и национальным корпусам сопоставляемых языков (например BNC, НКРЯ, БНК, TLFi и др.) с целью исключения авторских окказионализмов [1].

Этап III. Компонентный анализ значений методом словарных дефиниций.

Осуществляется семное описание каждой белорусской фразеологической единицы в рамках выделенных подгрупп [2].

Таблица 2

Структура значения фразеологической единицы *пад голым небам*

Мегакомпоненты значения	Макрокомпоненты значения	Микрокомпоненты значения	Значение микрокомпонента
Лексический	Денотативно-сигнификативный	Денотат	небо
		Сигнификат	нахождение вне помещения, на открытом пространстве
		Фразеологический образ	крыша помещения воспринимается как одежда; отсутствие крыши ассоциируется с оголенностью, неприкрытостью и уязвимостью человека перед природными стихиями
	Коннотативный	Оценочный	нейтральный
		Эмоциональный	нейтральный
		Экспрессивный	неэкспрессивный
Структурно-языковой	Функциональный	Функционально-стилевой	разговорный
		Функционально-территориальный	общеупотребительный
		Функционально-социальный	общенародный
		Функционально-темпоральный	устаревший
		Функционально-частотный	употребительный
	Грамматический	–	обстоятельство места, предложно-именная группа

Этап IV. Семантическое описание контрастивных пар.

Параллельное сопоставление наборов сем контрастивных пар с маркировкой типов соответствия: а) *экв.* – совпадение семы в обоих языках; б) *неэкв.* – расхождение по содержанию при наличии функциональной параллели; в) *безэкв.* – отсутствие семного соответствия в языке сопоставления.

Т а б л и ц а 3

Компонентный состав семантической структуры бел. *над голым небам*,
англ. *out of doors*, франц. *à la belle étoile*

Мегакомпоненты значения	Макрокомпоненты значения	Микрокомпоненты значения	бел. <i>над голым небам</i>	англ. <i>out of doors</i>	фр. <i>à la belle étoile</i>
Лексический	Денотативно-сигнификативный	Денотат	открытое пространство вне помещения, небо как верхняя граница	пространство за пределами помещения, улица, природа	открытое пространство, часто с акцентом на ночное время и звездное небо
		Сигнификат	нахождение вне укрытия, на открытом воздухе	пребывание снаружи, вне замкнутого помещения	ночевка или длительное пребывание без крыши над головой
		Фразеологический образ	«голое» (незащищенное) небо → уязвимость, отсутствие крова, простота или зависимость от стихий	дверь как граница помещения → выход в открытый мир	прекрасная звезда → поэтизация ночи, романтика, эстетизация вынужденного отсутствия жилья
	Коннотативный	Оценочный	нейтральный	нейтральный	одобрительный
		Эмоциональный	отсутствует	отсутствует	лирический, возвышенный
		Экспрессивный	неэкспрессивный	неэкспрессивный	экспрессивный

Структурно-языковой	Функциональный	Функционально-стилевой	разговорный	разговорный	литературный
		Функционально-территориальный	общеупотребительный	общеупотребительный	общеупотребительный
		Функционально-социальный	общенародный	общенародный	общенародный
		Функционально-темпоральный	современный	современный	современный
		Функционально-частотный	употребительный	употребительный	употребительный
	Грамматический	–	предложно-именная группа, обстоятельство места	предложно-именная группа, обстоятельство места	предложно-именная группа, обстоятельство места

Этап V. Выявление национально-специфических компонентов значения.

На данном этапе осуществляется выявление национально-специфических компонентов значения фразеологических единиц сопоставляемых языков посредством дифференциации сем на эквивалентные, несовпадающие, безэквивалентные и лакунарные, что позволяет не только систематизировать межъязыковые расхождения, но и описать национально-специфические семы как маркеры культурной идентичности, фиксируя при этом расхождения сопоставляемых фразеологических единиц на уровне микрокомпонентов (денотативных, образных, коннотативных и функциональных), что обеспечивает переход от констатации формальных соответствий к интерпретации культурно обусловленных стратегий концептуализации действительности в сопоставляемых лингвокультурах.

Таблица 4

Различия в семном составе бел. *пад голым небам*,
англ. *out of doors*, франц. *à la belle étoile*

Микрокомпонент	<i>пад голым небам</i>	<i>out of doors</i>	<i>à la belle étoile</i>	Тип соответствия
Денотат	небо	двери	звезда / звезды	неэкв.

Фразеологический образ	крыша помещения воспринимается как одежда; отсутствие крыши связывается с оголенностью, неприкрытостью	буквально «за дверями»; восприятие дверей как границы, отделяющей помещение от открытого пространства	наблюдение звезд = поэтизация / ирония; образ ночного неба как «покрова», с оттенком романтики или иронического «ночлега в гостинице под вывеской звезды»	неэкв.
Функционально-стилевой	разговорный	разговорный	литературный	неэкв.

Этап VI. Классификация межъязыковых соответствий и расчет индексов эквивалентности.

Шаг 1. Белорусско-иностранноязычные межъязыковые фразеологические эквиваленты распределяются по следующим типам: *полные фразеологические эквиваленты*, характеризующиеся идентичностью образных основ, структурно-семантических, грамматических и функционально-прагматических характеристик, *фразеологические соответствия*, которым свойственно их частичное совпадение, *безэквивалентные фразеологические единицы*, не имеющие фразеологических эквивалентов в языке сопоставления [2; 3; 4]. Систематизация выделенных типов межъязыкового фразеологического параллелизма представлена в таблице 5.

Т а б л и ц а 5

Типы межъязыкового фразеологического параллелизма

Тип соответствия	Примеры	Характеристика
Полные фразеологические эквиваленты	бел. <i>пад голым небам</i> = англ. <i>under the open sky</i> , фр. <i>à ciel ouvert</i>	идентичность образных основ, структурно-семантических, грамматических и функционально-прагматических характеристик
Фразеологические соответствия	бел. <i>пад голым небам</i> $\cong$ англ. <i>out of doors</i> , фр. <i>en plein air</i>	совпадение значения при отличии образных основ

Безэквивалентные фразеологические единицы	бел. <i>пад гаршчок падстрыгаць</i> ‘стричь волосы по кругу, оставляя их одинаковой длины’ – англ. <i>to cut (hair) evenly around the head</i> , фр. <i>couper les cheveux droit autour de la tête</i>	отсутствие в языке сопоставления фразеологического эквивалента или соответствия.
---	--	--

Шаг 2. Определение индексов межъязыковой фразеологической эквивалентности, национальной специфики, безэквивалентности, изоморфизма и алломорфизма.

Индекс эквивалентности в рамках каждой фразеосемантической подгруппы определяется отношением количества белорусских единиц, имеющих полные иноязычные эквиваленты, к общему числу белорусских фразеологизмов определенной группы.

Индекс национальной специфики – отношение количества белорусских фразеологических единиц, имеющих иноязычные соответствия, к общему числу белорусских фразеологизмов определенной группы.

Индекс безэквивалентности – отношение количества белорусских фразеологических единиц, не имеющих иноязычных полных или частичных соответствий, к общему числу белорусских фразеологизмов в каждой группе.

Индекс изоморфизма – отношение совокупности белорусских фразеологических единиц, имеющих полные иноязычные эквиваленты всех групп к общему количеству единиц исследуемого корпуса белорусских фразеологизмов.

Индекс алломорфизма – отношение совокупности белорусских безэквивалентных фразеологизмов и единиц, имеющих иноязычные фразеологические соответствия, к общему объему исследуемого белорусского фразеокорпуса.

Установление индексов изоморфизма и алломорфизма в сопоставляемых фразеосистемах обеспечивает методологически обоснованный переход от констатации межъязыковых соответствий к интерпретации когнитивных универсалий и национально-специфических механизмов концептуализации окружающей действительности, репрезентирующих идеологические и этнокультурные детерминанты языковой картины мира.

Этап VII. Лексикографическая параметризация и составление контрастивного полиязычного фразеологического словаря с мега-, макро-, мета- и микроструктурой.

Мегаструктура представляет собой порядок организации основных компонентов словаря: *названия, оглавления, предисловия, списка использованных источников, списков условных сокращений и условных знаков, синопсиса, словника*. Макроструктура определяется перечнем представленных в словаре фразеологических групп. Метаструктура реализуется комплексом формализованных лексикографических вербальных и визуальных индикаторов. Микроструктура состоит в разработанной для каждой белорусской

фразеологической единицы словарной статье с разделами номинации, орфографической, грамматической, прагматической и семантической информации, лингвокультурного комментария, эквиваленции, иллюстраций, паспортизации. Зона номинации вводит белорусский фразеологизм в корпус словаря. Орфографический компонент репрезентирует варианты его написания. В разделе грамматической информации представляются сведения о структурно-языковых свойствах фразеологической единицы. Прагматический компонент демонстрирует ее функциональные характеристики. В разделе семантической информации представляется значение белорусского фразеологизма. Лингвокультурный комментарий эксплицирует национально-специфическую семантику белорусского фразеологизма и его иноязычных аналогов, представленных в зоне эквивалентности с раскрытием их образной основы, историко-этнографических детерминант и прагматического потенциала для обеспечения максимальной функциональной эквивалентности при межъязыковом сопоставлении. Иллюстративный компонент демонстрирует образцы употребления белорусской единицы и ее иноязычных соответствий. Раздел паспортизации содержит информацию об источниках языкового материала.

Словарная статья представляется следующим образом:

ПАД ГОЛЫМ НЕБАМ [СФ 2, с. 95].

Разм. Знаходжанне, начлег ці дзейнасць па-за памяшканнем, на адкрытай прасторы, без даху над галавой.

Літаральна неба ўспрымаецца як адзінае «покрыва», а адсутнасць даху асацыюецца з аголенасцю, непрыкрытасцю і ўразлівасцю чалавека перад прыроднымі стыхіямі.

≅ **in the open air** [CDEI, p. 312; LDCE, p. 487].

Літаральна «на адкрытым паветры», метафарычнае пераасэнсаванне якога пазначае знаходжанне па-за межамі будынка без дадатковай эмацыянальнай афарбоўкі; стылістычна нейтральнае пазначэнне месцазнаходжання.

≅ **à la belle étoile** [DLF].

Літаральна «пры прыгожай зорцы»; вобраз начнога неба з акцэнтам на эстэтычным успрымання зорак, мае двупланавую прагматыку: (1) рамантычная канатацыя – добравольны начлег на прыродзе, назіранне за зоркамі; (2) іранічная канатацыя – вымушаная адсутнасць жылля, «начлег у гасцініцы пад вывескай зоркі».

Каб за табой праўда была, то не сядзеў бы гэтак пад голым небам... (Цётка)

A minute later they came out under the open sky (the sun was still shining) and found themselves looking down on a fine sight. (C. S. Lewis) [BNC] «Праз хвіліну яны апынуліся пад голым небам – сонца ўсё яшчэ свяціла – і перад імі адкрылася цудоўнае відовішча».

Cette nuit-là, nous avons dormi à la belle étoile [Context] «У тую ноч мы спалі пад голым небам».

Таким образом, предложенная интегративная методика сопоставления фразеологических систем неблизкородственных языков формирует теоретико-методологический каркас, обеспечивающий комплексное описание фразеологических единиц. Центральным элементом данной модели выступает четырехкомпонентная семная структура значения разноразличных фразеологических единиц, которая смещает исследовательский фокус с их формально-

го отождествления на установление функционально-прагматической эквивалентности. Семистадийная исследовательская процедура, интегрирующая корпусное профилирование, компонентный анализ и дифференциальную семантизацию, создает эмпирически верифицируемую основу для лексикографического моделирования фразеологических подсистем, результаты которого могут быть непосредственно интегрированы в архитектуру полилингвальных фразеологических словарей с лингвокультурными комментариями, модули систем машинного перевода и учебно-методические комплексы для преподавания неблизкородственных языков как родных и иностранных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. *Cowie, A. P.* Contrastive Semantics and Lexicography / A. P. Cowie. – Oxford : Pergamon Press, 1991. – 256 p.
3. *Арцёмава, В. А.* Катэгорыя прасторы ў беларускай і англійскай фразеалогіі : манаграфія / В. А. Арцёмава. – Мінск : РІВШ, 2013. – 148 с.
4. *Арцёмава, В. А.* Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай / В. А. Арцёмава. – Мінск : РІВШ, 2014. – 228 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- БРАФС – Большой русско-английский фразеологический словарь / отв. ред. С. И. Лубенская. – М. : Аст-Пресс Книга, 2004. – 1017 с.
- НБАРС – Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 т. / ред. Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова. – М. : Рус. яз., 1993–1994. – URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apre-syan-term-10511.html> (дата обращения: 10.04.2026).
- СФ 1 – *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 1. А–Л. – Мінск : БелЭн, 2008. – 672 с.
- СФ 2 – *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Т. 2. М–Я. – Мінск : БелЭн, 2008. – 704 с.
- БНК – Нацыянальны корпус беларускай мовы (Беларускі N-корпус). – URL: <https://bnkorus.info/> (дата звароту: 10.04.2026).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.04.2026).
- CD – Cambridge Dictionary. – Cambridge : Cambridge University Press. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 06.05.2024).
- CDEI – Collins Dictionary of English Idioms / ed. by J. Seaton. – Glasgow : HarperCollins, 2005. – 432 p.

- Context. – URL: <https://context.reverso.net/> (date of access: 10.04.2026).
- DLF – Dictionnaire de la langue française / sous la dir. de A. Rey. – Paris : Le Robert, 2008. – 2156 p.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – 6th ed. – Harlow : Pearson Education, 2014. – 1856 p.
- Le Robert – Le Robert & Collins: dictionnaire français-anglais / éd. par M. Offord. – Paris : Le Robert, 2010. – 1424 p.
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. – Springfield : Merriam-Webster, Inc. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 06.05.2024).
- OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A. S. Hornby. – 9th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 1920 p.
- TLFi – Trésor de la langue française informatisé. – Paris : ATILF-CNRS. – URL: <http://atilf.atilf.fr> (date of access: 04.04.2026).
- BNC – British National Corpus. – Oxford : Oxford University Computing Services. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 04.03.2026).
- COCA – Corpus of Contemporary American English. – Provo : Brigham Young University. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (date of access: 06.05.2024).

Поступила в редакцию 23.04.2026

УДК 811.133.1'373.7:81'367.7

Городецкий Иван Вячеславович

аспирант кафедры фонетики
и практики английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Ivan Gorodetsky

PhD Student of the Department
of Phonetics and Practice of English Speech
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
gorodetsky22@yandex.by

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного исследования фразеологической актуализации темпорального дейксиса в белорусском, английском и французском языках. Установлены общие и специфические характеристики семантико-прагматической организации данной категории в их фразеосистемах.

Ключевые слова: *темпоральный дейксис; фразеологизм; семантико-прагматическая организация; универсалии; уникалии.*

THE SEMANTIC AND PRAGMATIC ORGANIZATION OF TEMPORAL DEIXIS IN THE PHRASEOLOGY OF THE BELARUSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

The article presents the results of the comparative study of the phraseological actualization of temporal deixis in Belarusian, English and French. The research identifies universal and national-specific features of the semantic and pragmatic organization of this category in their phraseological systems.

Key words: *temporal deixis; phraseological unit; semantic and pragmatic organization; universals; language-specific features.*

Темпоральный дейксис выступает ключевым механизмом языковой референции и обеспечивает связь между сообщаемым событием и моментом речи. Сегодня анализируются номинативные [1], адъективные [2], глагольные [3], препозитивные [4], прономинальные [5] средства реализации данной категории в неблизкородственных и разносистемных языках. Несмотря на наличие исследований фразеологической объективации отдельных дейктических понятий [6; 7; 8; 9; 10], комплексный анализ белорусских фразеологических средств реализации темпорального дейксиса как указания на порядок следования событий с его дифференциацией на предшествование, одновременность и следование в сопоставлении с английскими и французскими фразеологическими маркерами не был отдельным предметом лингвистического анализа. Это обуславливает актуальность предпринятого нами исследования, цель которого заключается в установлении семантико-прагматических закономерностей организации темпорального дейксиса во фра-

зеосистемах сопоставляемых языков с определением универсальных и национально-специфических характеристик на основе корпусно-ориентированного подхода с учетом функционирования белорусских, английских и французских дейктических фразеологических единиц в художественном и публицистическом дискурсах.

Для достижения поставленной цели был сформирован корпус фразеологических маркеров исследуемой категории общим объемом 433 фразеологические единицы (ФЕ) (89 белорусских, 120 английских, 224 французские) и иллюстративных контекстов их употребления [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Категория темпорального дейксиса как указание на порядок следования событий семантически дифференцируется на *предшествование*, *одновременность* и *следование*.

Микрополе указания на *предшествование* событий, реализуемое 149 ФЕ (35 %) в сопоставляемых языках (29 белорусских, 144 английские, 76 французских единиц), конституируется семантическими группами 'предшествования задолго до', 'незадолго до', 'без указания отдаленности'.

Общим в белорусских, английских и французских фразеологических единицах группы 'предшествования задолго до' является формирование семантики отдаленности события во времени апелляцией к культурно значимым историческим событиям или персоналиям, выступающим в роли когнитивных временных ориентиров для носителей сопоставляемых языков. Например, белорусская единица *за дзедам шведам* 'очень давно' [11, с. 372] (*Шыкялеўскі млын быў стары, мусіць, пабудаваны яшчэ за дзедам шведам* (Новікаў) [11, с. 372]) отсылает нас к известному историческому событию: шведские завоеватели дважды приходили на белорусские земли (1655, 1706-1708 гг.) [19, с. 330]. В английском фразеологизме *since Adam was a boy* букв. 'с тех пор, как Адам был мальчиком' – 'очень давно' [13, с. 31] значительная временная удаленность реализуется указанием на Адама, который, согласно авраамическим религиям (иудаизм, христианство, ислам), является первым человеком, сотворенным Богом. Образной составляющей ФЕ французского языка *du temps du roi Dagobert* букв. 'во времена короля Дагоберта' – 'в незапамятные времена' [14, с. 1477] выступает историческая персоналия короля Дагоберта – одного из наиболее могущественных и прославленных французских монархов, вошедшего в историю под именем «добрый король», восстановившего в VII веке единство раздробленного королевства франков и впервые провозгласившего Париж своей столицей, заложив тем самым основу будущего величия французской державы [20, с. 97]. Спецификой белорусской фразеологии является выражение давности посредством фольклорно-иронических образов, не привязанных к конкретным историческим реалиям (*пры цару Гароху* 'очень давно' [12, с. 862]: *Ды і ўсе будыніны [Мартыневіча] ставіліся яшчэ пры цару Гароху дзядамі ці прадзядамі і амаль увачавідкі разлазіліся* (Чарнышэвіч) [12, с. 862]). Английским фразеологическим единицам данной группы свойственна репрезентация устарев-

ших, хотя и некогда типичных, бытовых практик, которые утратили практическую значимость и обрели символическую и экспрессивную функцию: *since Auntie had her accident* букв. ‘с тех пор, как с тетей произошел несчастный случай’ – ‘давненько’ [13, с. 54] (*I haven't been to Melbourne since Auntie had her accident* (DSUE) ‘Давненько не бывал я в Мельбурне’ [13, с. 54]). Во фразеологической системе французского языка временная отдаленность часто выражается через абстрактно-космологические образы, где далекое прошлое неразрывно переплетается с мифологизированным временем зарождения и существования мира: *depuis la nuit des temps* букв. ‘с ночи времен’ – ‘испокон веку’ [14, с. 1077] (*Il était né à Ingrannes, au fond de la forêt d'Orléans, d'une famille où on était garde-chasse de père en fils depuis la nuit des temps* (G. Simenon) ‘Эмиль родился в Энгранне, в глубине орлеанского леса, в семье, где **испокон веку** должность сторожа охотничьих угодий переходила от отца к сыну’ [14, с. 1077]).

Указание на незначительную временную удаленность события относительно точки отсчета ‘незадолго до’ в белорусской фразеологии репрезентируется

1) включением события в настоящий временной контекст проксимальным демонстративом *гэтыя*: белорус. *на <гэтых> днях* ‘совсем недавно, несколько дней назад’ [11, с. 384] (*Трэба клёпку канчаць. Прыязджаў жа на днях прадстаўнік з камбіната, прасіў паскорыць* (Кудравец) [11, с. 384]);

2) образной связью с традиционными природно-бытовыми ориентирами и аграрно-календарным укладом жизни. Показательным в этом отношении является фразеологизм *да другіх пеўняў* ‘незадолго до рассвета’ [12, с. 298–299]. Его семантика основана на традиционном природно-бытовом временном ориентире – пении петухов: *Свёкар добра яе разумеў: сапраўды, якая гэта такая вучоба, што называецца, да другіх пеўняў ды яшчэ ў сістэме палітасветы?* (Парахневіч) [12, с. 298–299].

В английской и французской фразеосистемах значение ‘незадолго до’ создается метафорой «другости», связанной с наличием качеств, свойств или характеристик, отличающих объект от привычной нормы для невключения события в актуальный временной контекст говорящего: англ. *the other day* букв. ‘другой день’ – ‘недавно, на днях’ [13, с. 201] (*Will you never forgive me for what I did the other day?* (W.S. Maugham) ‘Неужели вы мне не простите мой **недавний** проступок’ [13, с. 201]); франц. *l'autre jour* букв. ‘другой день’ – ‘недавно, на днях’ [14, с. 861] (*L'autre jour, à l'occasion su sommet de Madrid, quelqu'un me disait: Madame Palacio, sur Internet, un an, c'est deux mois* ‘**На днях** на саммите в Мадриде кто-то сказал мне: «Мадам Паласио, в Интернете год – это два месяца»’ [18]).

Белорусские, английские и французские фразеологические маркеры предшествования, не содержащие эксплицитного указания на степень временной удаленности от точки отсчета, передают соответствующую семантику с образной опорой на временную структуру ситуации (начало, развитие,

завершение): белорус. *першым дзелам* ‘прежде всего, сначала’ [11, с. 373] (*Загадала першым дзелам «рукі ўгору» мне падняць...* (Колас) [11, с. 373]); англ. *at first* ‘вначале, сначала, прежде’ [13, с. 280] (*When I went to tell Walter, at first he thought I was joking* (A.J. Cronin) ‘Когда я сказала Уолтеру о моем решении разорвать нашу помолвку, он **сперва** подумал, что я шучу’ [13, с. 280]); франц. *d’abord* ‘сначала, прежде всего’ [14, с. 6] (*Pour réparer le toit, ils ont d’abord dû enlever les vieux tuiles* ‘Чтобы починить крышу, они **сначала** должны были снять старую черепицу’ [18]). Особенностью белорусских единиц данной группы является репрезентация прошедшего события через призму соматической метафоры: *за плячамі* ‘в прошлом’ [12, с. 315] (*У многіх [з заходнебеларускіх пісьменнікаў] былі за плячамі турмы і этапныя дарогі* (Шкраба) [12, с. 315]). Для английской фразеологии характерна передача семантики прошедшего времени посредством пищевой метафоры, в рамках которой накопленный жизненный опыт уподобляется съеденной и переваренной пище – как нечто усвоенное, завершенное и не подлежащее возврату: *under one’s belt* букв. ‘под чьим-то ремнем’ – ‘в прошлом’ [13, с. 76] (*His wife had 135,000 miles driving in the States under her belt...* (The Manchester Guardian Weekly) ‘У его жены **за плечами** большой опыт вождения машины. Она наездила 135,000 миль по дорогам Соединенных Штатов’ [13, с. 76]). Для французских единиц данной группы характерна когнитивная модель времени, в которой центральное значение придается начальному моменту действия как основному маркеру временной локализации события на линии времени: *dès le départ* букв. ‘с отъезда’ – ‘с самого начала’ [14, с. 473] (*Tu aurais du simplement me dire ce que tu voulais dès le départ* ‘Ты должен был сказать мне, что тебе нужно **в самом начале**’ [18]).

Указание на одновременность событий реализуется 79 единицами (18 белорусских, 23 английские и 38 французских), которые демонстрируют типологически сходный способ темпоральной координации событий, когда несколько действий или состояний соотносятся с одной и той же временной точкой либо происходят параллельно: белорус. *як па камандзе* ‘одновременно, вместе с чем-либо’ [11, с. 545] (*Калі я выходзіў з канторы, мужчыны ўсе ўсталі як па камандзе* (Сабаленка) [11, с. 545]); англ. *all at once* ‘все сразу, одновременно’ [13, с. 38] (*Undershaft... you can’t become prime minister all at once* (B. Shaw) ‘Андершафт... нельзя же **сразу** стать премьер-министром’ [13, с. 38]); франц. *à l’occasion de* букв. ‘в случае’ – ‘во время чего-либо’ [14, с. 1081] (*C’est même à l’occasion de cette visite que nous décidâmes d’aller ensemble taper notre ancien patron* (L.-F. Celine) ‘Именно **во время** этого визита мы и решили отправиться вместе поколотить нашего прежнего патрона’ [14, с. 1081]).

Спецификой репрезентации одновременности в белорусской фразеологии является ее концептуализация через метафору синхронного выполнения говорящим нескольких действий одновременно: *за адным махам* ‘заодно,

одновременно с чем-л.’ [12, с. 32] (*А то някепска было б за адным махам знесці і мой домік* (Шахавец) [12, с. 32]). Для английских и французских фразеологических единиц данной группы характерна образная связь с отсутствием временного разрыва между действиями и акцентом на их процессуальной непрерывности: *for the moment* букв. ‘на протяжении момента’ – ‘в данную минуту, в данное время’ [13, с. 510] (*We felt, for the moment, nothing but surprise* (C.P. Snow) ‘Пока же мы испытывали только удивление’ [13, с. 510]); франц. *sur le moment* букв. ‘на момент’ – ‘в ту же минуту, в то время’ [14, с. 1015] (*Sur le moment Jonsac ne se demanda pas si elle était belle ou non* (G. Simenon) ‘В данную минуту Жонсан не думал о том, красива она или нет’ [14, с. 1015]).

Семантика следования событиям, дифференцируемая на указание отдаленности от точки отсчета (*скоро, не скоро*) и без указания отдаленности, в сопоставляемых фразеосистемах реализуется 205 ФЕ (42 белорусскими, 53 английскими, 110 французскими), составляющими 47 % от общей темпоральной выборки.

Общим для фразеологической репрезентации скорого следования событий в сопоставляемых языках является обращение к метафоре мгновенности, в рамках которой переход от одного состояния к другому концептуализируется как одномоментный акт, лишенный ощутимой временной протяженности и воспринимаемый как единое, неразложимое целое: белорус. *вось-вось* ‘в ближайшее время, очень скоро’ [11, с. 210–211] (*Вось-вось павінен быў прачнуцца ў збожжы першы жаўранак і, атрасаючы свежыя кропелькі з шэрага, цёплага пер’я, узняцца над полем, абвешчаючы захопленным шчэбетам пачатак новага дня* (Брыль) [11, с. 210–211]); англ. *in a flash* букв. ‘через вспышку’ – ‘сразу, моментально’ [13, с. 283] (*Poirot was after him in a flash. He caught the other up in the hall* (A. Christie) ‘Пуаро, не теряя ни минуты, бросился за Блантом и настиг его в передней’ [13, с. 283]); франц. *tout d’un coup* букв. ‘все одним ударом’ – ‘сразу’ [14, с. 404] (*La femme a le redoutable privilège de pouvoir changer tout d’un coup tout entière* (R. Rolland) ‘Женщина обладает устрашающей привилегией: она может сразу совершенно измениться’ [14, с. 404]).

Спецификой белорусской фразеологической репрезентации скорого приближения события выступает использование повторов наименований временных интервалов – *секунда, хвіліна, гадзіна, дзень, час*. Так, во фразеологизме *з хвіліны на хвіліну* ‘в самое ближайшее время’ [12, с. 56] повтор лексемы *хвіліна* подчеркивает нарастающую имманентность события и его готовность реализоваться в любой момент: *У лагеры з хвіліны на хвіліну чакалі машыны для вывазу дзяцей далей ад фронту* (Якімовіч) [12, с. 56]. Особенность английской репрезентации скорого следования событий состоит в опоре на перцептивно-визуальную метафору: время «видится» как нечто мчащееся мимо взгляда – слишком быстро, чтобы его удержать (англ. *in the twinkling of an eye* ‘в мгновение ока’ [13, с. 783]: *I wish someone would explain*

how it is that a dab of powder can in the twinkling of an eye reduce a woman's nose from an unwieldy lump to a dainty little thing that no one can deny is her best feature (W.S. Maugham) 'Как это может быть, чтобы щепоть пудры **в мгновение ока** превратила громоздкий нос в безупречно изящный, в котором никто не сможет усомниться как в ее лучшей черте лица' [13, с. 783]). Для французской фразеосистемы характерна реализация семантики скорого наступления события через констатацию его срочности, императивности и настоятельной необходимости немедленного реагирования: *sans attendre une seconde* букв. 'не дожидаясь ни секунды' – 'немедленно, тотчас же' [14, с. 1399] (*Je veux bien être votre témoin, dit Liéven, mais à une condition: si vous ne blessez pas votre homme, vous vous battrez avec moi, séance tenante* (Stendhal) 'Я готов быть вашим секундантом, – сказал Льевен, – но только с одним условием: если вы не раните вашего обидчика, вы **тут же** будете биться со мной, не сходя с места' [14, с. 1399]).

Общим для белорусского, английского и французского репрезентантов следования событий без указания на отдаленность от точки отсчета является его представление как процесса с четко очерченными внутренними этапами и границами: белорус. *пад заслону* 'в самом конце' [11, с. 466] (*Няма ў вас жалю, Клаўдзія Аляксееўна. Пад заслону столькі назапасілі ўсяго* (Ліпскі) [11, с. 466]); англ. *in the long run* 'в конечном счете, в конце концов' [13, с. 649] (*Choosing money over ethics might dirty your conscience in the long run* 'Выбор денег вместо этики может **в конечном итоге** замарать вашу совесть' [18]); франц. *en fin de compte (finale)* 'в конечно счете, в конце концов' [14, с. 671] (*En fin finale, j'y suis demeuré une mi-année passée dans ce «domaine», comme ils disent, et ils en ont plein la bouche* (J.-P. Chabrol) '**В конце концов**, я там прожил шесть месяцев в прошлом году, в этом «поместье», как они его все время называют' [14, с. 671]).

Фразеологизмы сопоставляемых языков, выражающие значительную временную отдаленность будущего события (в значениях 'никогда' или 'нескоро'), демонстрируют четкое типологическое сходство: они единообразно деактуализируют событие, размывая конкретные временные границы и сдвигая его за пределы актуального временного горизонта говорящего. Эта стратегия сопровождается ироническим отношением к самой гипотетичности будущего, что проявляется как в белорусских (*на святое ніколі*), так и в английских (*when pigs might fly*) и французских (*un de ces quatre jours*) единицах, где временная маркировка становится не хронологической, а прагматически окрашенной и служит, скорее, выражению скепсиса, чем реальному прогнозу: белорус. *да грэчаскіх каляд* (*Вячелле адклалі да грэчаскіх каляд* (Клімковіч) [11, с. 544]); англ. *at the Greek calends* 'до греческих календ, никогда, на неопределенное время' [13, с. 121] (*Give the cabman this, and tell him he can come back at the Greek Calends* (R. Aldington) 'Дайте это извозчику и скажите ему, чтобы он приезжал **после дождика в четверг**' [13, с. 121]);

франц. *d'ici longtemps* букв. 'отсюда долго' – 'не скоро' [14, с. 826] (*Je ne pense pas sortir d'ici avant bien longtemps* 'Я буду находиться здесь **очень долго**' [18]).

Спецификой фразеологической концептуализации семантики 'нескоро' в белорусском языке является

1) осмысление временной дистанции через призму жизненного пути человека: далекое гипотетическое будущее предстает в образе глубокой старости – ключевой вехи традиционной картины мира, служащей естественным хронологическим и экзистенциальным ориентиром: *да апошняга дыхання* 'до самой смерти, до конца жизни' [12, с. 412–413] (*I ён гатовы быў змагацца за яе да апошняга дыхання* (Краўчанка) [12, с. 412–413]);

2) динамико-количественная интерпретация времени как измеримого, протяженного процесса, характеризующегося не только направленностью, но и количественной насыщенностью – длительностью, интенсивностью или степенью заполненности событиями: *далей-болей* 'через некоторое время' [11, с. 358] (*Добра сябе адчуваю, нічога не баліць. Неяк паспрабаваў устаць, на нагах утрымаўся, нават не пахіснуўся. Далей-болей, і ў калідор пачаў зазіраць* (Мяжэвіч) [11, с. 358]).

Таким образом, универсальным во фразеологической репрезентации исследуемой категории в трех языках является представление предшествования событий через жизненный цикл человека или внутреннюю структуру ситуации, концептуализация скорого следования явлений как недоступного для восприятия, высокая степень гипотетичности далекого будущего событий и его ироническая коннотация. Выявленные уникалии – метафорическая связь темпоральных дейктических фразеологизмов с природно-календарными и фольклорно-ироническими образами как отражение циклической модели времени в белорусской фразеологии, использование перцептивно-визуальных и бытовых метафор для передачи субъективности и ситуативности восприятия времени говорящим в английской фразеосистеме, апелляция к историко-культурным персоналиям и абстрактно-космологическим образам во фразеосистеме французского языка – свидетельствуют о статусе темпорального дейксиса не только как семантико-грамматического механизма указания на временные отношения, но и как лингвокультурной константы, воплощающей национальные модели осмысления и проживания времени через культурно значимые ориентиры – исторические, мифопоэтические, бытовые и природно-календарные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерзинкян, Е. Л. Семантика и прагматика дейктического слова (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Ерзинкян Елена Леоновна ; Ерев. гос. ун-т. – Ереван, 2012. – 54 с.

2. *Белозерова, Л. В.* Сродство категорий дейксиса, метафоры и оценки (на материале английских пространственных прилагательных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Белозерова Любовь Владимировна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2007. – 18 с.
3. *Падучева, Е. В.* Дейктические компоненты в семантике глаголов движения / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Семантика начала и конца : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2002. – С. 121–136.
4. *Маляр, Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Маляр Татьяна Николаевна ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 44 с.
5. *Атаев, Б. М.* Роль указательных местоимений в выражении пространственной ориентации (на материале аваро-андо-цезских языков) / Б. М. Атаев // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана : темат. сб. / Дагест. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит ; редкол.: З. Г. Абдуллаев (отв. ред.) [и др.]. – Махачкала, 1990. – С. 61–66.
6. *Бесшапошникова, О. А.* Временной и пространственный дейксис в семантике фразеологических единиц современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бесшапошникова Ольга Александровна. – М., 1987. – 217 с.
7. *Абрамова, А. Г.* Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Абрамова Анжелика Геннадьевна. – Чебоксары, 2005. – 181 с.
8. *Кипсабит, К. Н.* Структурно-семантические особенности русских пословиц и поговорок с пространственно-временными характеристиками : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кипсабит Кипкоэч Нгетунь. – М., 2002. – 158 с.
9. *Игнатьева, М. Э.* Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Игнатьева Маргарита Эдуардовна. – Казань, 2004. – 176 с.
10. *Пеетерс, А. В.* Понятия пространства и времени в португальской фразеологии (к вопросу о языковой картине мира) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Пеетерс Алла Витальевна. – М., 1997. – 173 с.
11. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 1 : А – Л. – 669 с.
12. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2 : М – Я. – 968 с.
13. *Кунин, А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд. перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.

14. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак [и др.] ; под ред. В. Г. Гака. – М. : Рус. яз.–Медиа, 2005. – 1625 с.
15. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.01.2026).
16. The British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 04.08.2025).
17. French @ VISL Corpuseye : VISL Corpuseye. – URL: <https://corp.visl.dk/cqp.fr.html> (date of access: 06.12.2025).
18. Reverso Context. – URL: <https://www.context.reverso.net> (date of access: 18.01.2025).
19. *Лепешаў, І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2004. – 448 с.
20. *Шмидт, Г. А.* Деяния Дагоберта, короля франков / Г. А. Шмидт // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века: источники / под ред. А. И. Сидорова. – СПб. ; М. : Евразия-Клио, 2019. – С. 96–170.

Поступила в редакцию 28.01.2026

УДК 81:008(=161.3)

Жишкевич Алёна Игоревна

кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусский государственный
педагогический университет
им. Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Aliona Zhishkevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
Dhyan_deepa@list.ru

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД: МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Статья посвящена разработке и апробации методологии системного лингвокультурологического исследования с применением цифровых инструментов, направленного на выявление и структурирование элементов национального культурного кода. Автор уточняет теоретический статус понятия *культурный код*, разграничивая его со смежными категориями, и предлагает его интегративное определение. Центральное внимание уделяется формированию бикультуральной языковой картины мира в условиях белорусско-русского билингвизма. Подробно описана архитектура базы данных «Белорусский культурный код». Делается вывод об эффективности системного и цифрового подходов для комплексного анализа большого количества текстов, точности выводов и визуализации структуры культурного кода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвокультурология; языковая картина мира; культурный код; системный подход; реляционная база данных; билингвизм; лингвокультура.*

BELARUSIAN NATIONAL CULTURAL CODE: METHODOLOGY OF IDENTIFYING AND SYSTEMATIZING STRUCTURAL ELEMENTS

This article explores the development and validation of a methodology for systemic linguacultural research using digital tools aimed at identifying and structuring elements of the national cultural code. The author clarifies the theoretical status of the concept of cultural code, distinguishing it from related categories, and offers an integrative definition. Focus is placed on the formation of a bicultural linguistic worldview in the context of Belarusian-Russian bilingualism. The architecture of the «Belarusian Cultural Code» database is described in detail. The article concludes that the systemic and digital approaches are highly effective for the comprehensive analysis of large volumes of texts, the accuracy of conclusions, and the visualization of the cultural code's structure.

Key words: *linguacultural studies; linguistic picture of the world; cultural code; systems approach; relational database; bilingualism; linguaculture.*

Современная лингвистика демонстрирует устойчивый интерес к комплексному изучению языка как феномена, неразрывно связанного с культурой, сознанием и социальной действительностью. Язык функционирует в рамках конкретной культурной системы, выступая ее важнейшей составляющей и основным средством репрезентации. Он не просто маркирует националь-

ную идентичность, но и является ключевым фактором формирования этнического самосознания. С момента рождения человек погружается в определенную этнокультурную среду, где через язык, традиции, искусство и систему ценностей происходит его социализация и усвоение базовых норм. Эта среда оказывает фундаментальное воздействие на становление личности и ее картины мира.

В условиях глобализации проблема сохранения этнокультурной самобытности приобретает особую актуальность. Сущность национальной культуры как целостной системы определяется наличием устойчивого ядра, формирующего ее специфику. В современном научном дискурсе для обозначения такого ядра всё чаще используется термин *культурный код*. Однако употребление данного термина нередко носит интуитивно-метафорический характер, что приводит к терминологической диффузности и затрудняет его употребление в лингвистических исследованиях. Поэтому актуальной задачей становится методологическое уточнение и разграничение понятия *культурный код* со смежными понятиями.

Понятие *код* в самом общем смысле трактуется как система знаков и символов, требующая интерпретации. Изначально термин был заимствован гуманитарными науками из теории информации, где он обозначает систему знаков и правил для передачи сообщения. Так, теория информации К. Шеннона помогает определить, как с помощью кодирования уменьшить избыточность информации, но при этом сохранить ее смысл. Понятие *код* присутствует и в модели коммуникации, разработанной Р. О. Якобсоном, однако в лингвистике и семиотике оно претерпело существенную трансформацию и усложнение. Р. О. Якобсон уже понимает код не как технический протокол, а как богатую, сложную систему культурных значений, разделяемых участниками коммуникации. Именно семиотический подход, получивший развитие под влиянием идей Ю. М. Лотмана и его теории семиосферы, закрепил код как фундаментальную категорию для анализа культуры.

С точки зрения Ю. М. Лотмана, культура предстает гигантским коллективным интеллектом – иерархией кодов, обеспечивающих хранение, трансляцию и генерацию новой информации [1, с. 21]. Эта традиция была продолжена в дальнейших исследованиях по лингвокультурологии. В. Н. Телия определяет код культуры как «таксономический субстрат ее текстов – совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума» [2, с. 20]. В. В. Красных метафорически представляет его как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 232]. На основе синтеза дефиниций термина *культурный код* мы предлагаем следующее интегративное определение. «*Культурный код* – это сложная, многоуровневая, конвенциональная система, состоящая из набора знаков и символов и совокупности правил их сочетания и интерпретации. Она функционирует на глубинном уровне коллективного сознания и бессознательного, обеспечивая кодирование, декоди-

рование, хранение и трансляцию фундаментальных ценностей, моделей мира и поведенческих паттернов, конституирующих идентичность определенной этнической общности» [4, с. 146].

Для методологически точного применения этого понятия необходимо его четкое разграничение со смежными категориями, такими как *культурный концепт*, *лингвокультурема* и *прецедентный феномен*. *Культурный концепт* – это операционная единица сознания, ментальное образование, «сгусток культуры в сознании человека» [5]. Концепт шире отдельного слова и вербализуется через множество языковых средств, обладая полевой структурой, имеющей ядро и периферию. Например, культурный концепт *дом* в славянских культурах реализуется не только через прямое обозначение жилища, но и через образы семейного очага, родной земли. Если культурный концепт – это смысловой «кирпич», то культурный код – это «архитектурный чертеж», определяющий взаимосвязь таких «кирпичей» в структуре национального миропонимания.

Лингвокультурема (термин В. В. Воробьёва) – это конкретная, вербализованная единица, диалектическое единство языкового выражения и культурного содержания. Это знак, значение которого невозможно понять без обращения к культурному фону. Лингвокультуремами могут выступать слова, фразеологизмы, паремии, метафоры, символы. Например, *берёза* в славянской лингвокультуре – это не просто название растения, а символ девичьей красоты, женственности, символ родины. Ее смысл раскрывается в народных песнях, поэзии и прозе. *Прецедентные феномены* (имена, тексты, высказывания, ситуации, произведения искусства) – это значимые для культуры единицы, регулярно воспроизводимые в дискурсах разных типов. Они выступают носителями и трансляторами культурного кода.

Таким образом, культурный код нам представляется как метауровневая структура, организующая и связывающая культурные концепты, лингвокультуремы, прецедентные феномены, а также значимые для определенной культуры символы и артефакты в единую систему. Все перечисленные компоненты являются единицами структуры, а культурный код – это правило их организации и декодирования, та самая «сетка», которая придает им системность и культурную значимость.

Язык, будучи основным носителем и транслятором культуры, фиксирует уникальные способы мировосприятия, образуя национальную языковую картину мира. Именно через язык происходит кодирование и передача культурного кода следующим поколениям. Особую роль в этом процессе играет система образования, в частности, школьное литературное образование. Исследования подтверждают, что учебные тексты, изучаемые на уроках литературы в школе, содержат максимальную концентрацию номинаций, связанных с объектами культурного кода [6], что делает их ключевым материалом для лингвокультурологического анализа.

Глобализация усиливает значимость сравнительных исследований, особенно в контексте билингвальных и бикультурных сообществ. Тесные контакты между языками и культурами расширяют этнокультурный кругозор, но одновременно ставят вопрос о сохранении национальной идентичности. Научный интерес в этой связи вызывает картина мира билингвов, формирующаяся под влиянием двух культурно-языковых систем. Ярким примером является ситуация в Республике Беларусь, где широкое функционирование русского языка привело к формированию сложных форм двуязычия, затрагивающих все сферы жизни, включая образование, литературу и повседневную коммуникацию. Изучение того, как в этих условиях конструируется и транслируется национальный культурный код, представляет собой важную научную задачу, требующую применения системных и цифровых методов анализа.

Материалом исследования послужили художественные тексты школьной программы по белорусской и русской литературе. Выбор данного материала обусловлен несколькими факторами. Во-первых, школьная программа по литературе представляет собой официально утвержденный корпус текстов, которые государство считает необходимым для формирования культурной идентичности подрастающего поколения. Эти тексты проходят тщательный отбор и представляют собой своеобразный канон национальной культуры. Во-вторых, в белорусских школах наравне изучаются русская и белорусская литература, что формирует бикультуральную языковую картину мира, отражающую специфику национального самосознания белорусов. Русский язык оказывает значительное влияние на формирование белорусского культурного пространства, однако это влияние не размывает, а обогащает национальный культурный код. В-третьих, анализ текстов школьной программы позволяет проследить, какие ценности, образы и культурные концепты транслируются подрастающему поколению, формируя его культурное сознание.

В исследовании применяется комплексная методология, включающая следующие методы.

1. Лингвокультурологический анализ художественных текстов произведений: в текстах школьной программы по русской и белорусской литературе выявляются культурные концепты, лингвокультуремы, символы, артефакты, интертекстуальные и интермедиальные включения.

2. Частотный анализ: с помощью разработанной для данного исследования программы «Анализатор текста», созданной на языке Python, определяются наиболее частотные слова в каждом тексте, а также в каждом учебнике по белорусской и русской литературе. Частотный анализ позволяет выявить наиболее частотные лексемы и ключевые слова в каждом исследуемом тексте, что способствует установлению доминирующих культурных

концептов и лингвокультурем и определению их значимости для национального сознания; выстроить иерархию элементов культурного кода (ядро и периферию); сравнить доминирующие образы в белорусской и русской литературе.

3. Систематизация данных с помощью реляционной базы данных. Все результаты, полученные в процессе исследования, записываются в реляционную базу данных, созданную на платформе Airtable, которая позволяет интегрировать гетерогенные данные в единую систему, устанавливать связи между элементами, проводить количественный и качественный анализ более точно.

В рамках исследования планируется изучить школьные программы и входящие в них тексты для обязательного изучения по белорусской и русской литературе за последние 100 лет. Важно установить, какие тексты и в какой временной период предлагались в школьной программе по белорусской и русской литературе в Беларуси, а какие исключались из школьной программы и по каким причинам. В результате исследования будет установлено ядро корпуса прецедентных феноменов, значимых в белорусской культуре; корпус лингвокультурем и способы их реализации в художественных текстах; значимые символы и артефакты, ключевые концепты белорусской культуры. На основании полученных данных будет выявлена структура национального культурного кода белорусов и определены его основные компоненты.

Для выявления значимых составляющих национального культурного кода белорусов и способов их репрезентации в художественных произведениях школьной программы была разработана база данных «Белорусский культурный код» в облачной среде Airtable (рис. 1), состоящая из следующих взаимосвязанных таблиц.

1. Таблица «Художественные тексты» – главная таблица базы, определяющая отношения между записями других таблиц. Включает название текста, автора, год создания текста, жанр, язык текста, учебную дисциплину (белорусская литература/русская литература), класс (со 2 по 11 класс). С данной таблицей связаны все другие таблицы базы, что позволяет выявить все культурные элементы, встречающиеся в конкретном произведении (рис. 2), и проследить способы трансляции культурного кода через художественные тексты школьной программы.

2. Таблица «Лингвокультуремы» содержит следующие компоненты: лингвокультуреми, тип лингвокультуреми по форме (слово, словосочетание, фразеологизм, пословицы, поговорки и др.), тип лингвокультуреми по содержанию (конкретно-предметные, пространственные, концептуальные, историко-социальные, природно-календарные, морально-этические и др.), значение лингвокультуреми, контекст употребления (цитата из художественного текста).

3. В таблице «Символы» представлены контекст употребления символа, (цитата из художественного текста), культурное значение, тип символа (природный, ландшафтный, антропологический, социокультурный, мифологический, флороним, зооним и др.).

4. В таблице «Артефакты» отражены тип артефакта (предмет быта, одежда и украшение, ритуальный, архитектурный, кулинарный, музыкальный инструмент, сельскохозяйственный и др.), контекст употребления (цитата из художественного текста).

5. Таблица «Интертекстуальные включения» включает форму включения (цитата, аллюзия, парафраз, аппликация), тип маркера (прецедентное имя, прецедентный топоним и т.д.), маркер включения, прецедентный текст, название прецедентного текста.

6. Таблица «Интермедиаальные включения» содержит форму включения (референция, трансформация), тип маркера, маркер включения, прецедентный феномен, вид искусства.

Все перечисленные выше таблицы взаимосвязаны с основной таблицей «Художественный текст».

Таблица «Культурные концепты» коррелирует с таблицами «Лингвокультуре́мы», «Символы», «Артефакты», «Интертекстуальные включения», «Интермедиаальные включения» и отражает способы актуализации конкретного культурного концепта в художественных текстах.

Таблица «Частотный анализ» представляет ключевые слова, наиболее частотные слова в каждом художественном тексте, коллокации.

И	А. Название текста	А. Автор текста	Жанр текста	А. Год создания...	Язык	Учебная...	Класс
079	Жизнь под солнцем	Татьяна Бокан	роман	1950 гг.	Русский язык	Русская литература	2
080	Зеленка	Николай Носов	роман	1941	Русский язык	Русская литература	2
081	Письмо ровеснику	Владимир Орлов	стихотворение	1950-1970 гг.	Русский язык	Русская литература	2
082	Про зайчат	Евгений Чарушин	роман	1930 гг.	Русский язык	Русская литература	2
083	Страшный рассказ	Евгений Чарушин	роман	1940	Русский язык	Русская литература	2
084	Трусливому зайке и пен...		пословицы и поговор...		Русский язык	Русская литература	2
085	Воробей	Иван Пургин	роман	1878	Русский язык	Русская литература	2
086	Белый снег	Геннадий Гурин	роман	1975	Русский язык	Русская литература	2
087	Сосудский цыган	Геннадий Гурин	стихотворение	1950-1980 гг.	Русский язык	Русская литература	2
088	Кто любит собак...	Роман Соф	стихотворение	1970 гг.	Русский язык	Русская литература	2
089	Глава пелушка	Сергей Воронин	роман	1967	Русский язык	Русская литература	2
090	Враг человека	Сергей Михалков	стихотворение	1967	Русский язык	Русская литература	2
091	Велю	Александр Плещеев	стихотворение	1848	Русский язык	Русская литература	2
092	Ночной гость	Владимир Орлов	стихотворение	1973-1975 гг.	Русский язык	Русская литература	2
093	Первый гром	Владимир Орлов	стихотворение	1980 гг.	Русский язык	Русская литература	2
094	Вздох сна глубокий ...		пословицы и поговор...		Русский язык	Русская литература	2
095	Март с водой - апрель ...		пословицы и поговор...		Русский язык	Русская литература	2
096	Молоды и солдаты	Николай Сладков	роман	1968	Русский язык	Русская литература	2
097	Абс...	Сергей Есенин	стихотворение	1915	Русский язык	Русская литература	2

Рис. 1. Структура реляционной базы данных «Белорусский культурный код»

The interface displays search filters on the left and search results on the right.

Filters:

- Название текста: Сказка о рыбаке и рыбке
- Автор текста: Александр Пушкин
- Жанр текста: авторская сказка
- Год создания текста сору: 1833
- Язык: Русский язык
- Учебная дисциплина: Русская литература
- Класс: 3 X +

Search Results:

- Интертекстуальные включения:**
 - Жил старик со своею старухой У самого синего моря (Форма включения: аллюзия, Тип маркера: , Маркер включения сору:)
 - Испугался старик, взмолился: «Что ты, баба, белены объе...» (Форма включения: аллюзия, Тип маркера: , Маркер включения сору:)
 - А народ-то над ним насмевался: «Поделом тебе, старый не...» (Форма включения: аллюзия, Тип маркера: , Маркер включения сору:)
- Интермедияльные включения:** + Add record
- Частотный анализ:**
 - рыбка, старуха, старик, море, золотой, синий, невод, коры... (Наиболее частотное с...: 36,0, Частотность: , Коллокации: рыбака с одною рыбой, с непростую р...)
- Символы:**
 - золотая рыбка (Цитата: Пришёл невод с одною рыб...; Культурное значение: символ исполнения желаний, бо...)
- Артефакты:**
 - изба (Тип артефакта: архитектурный, Цитата сору: Перед ним изба со светёл...; Художествен...: Сказка о ры...
 - терем (Тип артефакта: архитектурный, Цитата сору: Ворочился старик ко старух...; Художествен...: Сказка о ры...
 - пряник (Тип артефакта: кулинарный, Цитата сору: Служат ей бояре да дворян...; Художествен...: Сказка о ры...
 - корыто (Тип артефакта: предмет быта, Цитата сору: Долго у моря ждал он ответ...; Художествен...: Сказка о ры...

Рис. 2. Лингвокультурные элементы
в сказке А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»

Такая архитектура базы данных обеспечивает возможность как детального анализа отдельного произведения, так и сравнительного исследования культурного содержания текстов разных авторов, жанров и эпох, что позволяет выявить динамику формирования языковой картины мира учащихся на разных этапах школьного образования.

Использование реляционных баз данных в лингвокультурологических исследованиях позволяет преодолеть линейность текстового описания, создав многомерную динамическую модель, в которой изменение или дополнение данных в одной таблице автоматически отражается во всех связанных с ней таблицах. Такой подход обеспечивает комплексность исследования, а также открывает возможности для количественного анализа.

Сегодня в базу данных «Белорусский культурный код» внесено 586 художественных текстов, изучаемых в начальной школе (2–4 классы) на уроках русской и белорусской литературы. База содержит 84 лингвокультуремы, 37 символов, 89 артефактов, 7 концептов, 90 интертекстуальных включений и 10 интермедияльных включений.

Продemonстрируем возможности базы данных на конкретном примере. Проанализируем, как культурный концепт «зямля/земля» реализуется в художественных текстах, изучаемых в начальной школе на уроках белорусской и русской литературы. Культурный концепт реализуется через лингвокультуремы, представленные как отдельными словами и словосочетаниями, так и устойчивыми выражениями: *зямелька; родны кут; Дзе нарадзіўся, там*

і прыгадзіўся; Родная зямля – маці, чужая старонка – мачыха; Береги землю родную, как мать любимую; Колос к колосу – Родине сноп. В представленных примерах отражается ценность и сакральность родной земли, ее связь с трудом (пословица *Земля труд любит*), земля метафорически осмысливается как мать, дающая жизнь. Артефакты, связанные с землей, отражают материальную культуру, труд и быт человека: *трактор, камбайн, бульба, жыта. Хлеб* выступает одним из ключевых символов, тесно связанных с концептом «земля / земля». Он олицетворяет плодородие, труд, достаток и сакральную связь человека с родной землей. В этой связи поэма Якуба Коласа «Новая земля» является прецедентным текстом для белорусов, в котором земля осмысливается как Родина, источник жизни и вдохновения.

Анализ частотности употребления лексемы *земля/земля* в художественных текстах школьной программы для начальной школы свидетельствует о возрастающем внимании к этому понятию в процессе обучения: во 2 классе данная лексема встречается 18 раз в текстах русской литературы и 31 раз в текстах белорусской литературы; в 3 классе – 28 включений в русской литературе и 35 – в белорусской; в 4 классе – 102 включения в русской литературе и 107 в белорусской.

Такая динамика указывает на то, что по мере взросления учащихся культурный концепт «земля / земля» приобретает всё большую смысловую нагрузку, становясь одним из центральных элементов языковой картины мира белорусов. Динамика частотности практически одинакова в русской и белорусской литературе, что отражает специфику формирования бикультуральной языковой картины мира белорусов. Проведенное исследование на материале данных, структурированных с помощью реляционной базы данных «Белорусский культурный код», показало, что системный и цифровой подходы позволяют выявить и структурировать ключевые элементы национального культурного кода белорусов.

Использование реляционных баз данных позволяет лингвистам проводить исследования на больших массивах текстов и существенным образом повышать точность и надежность получаемых выводов. Многоуровневый анализ дает возможность переходить от конкретного текстового примера к обобщенному концепту и наоборот, отслеживая все его реализации. Базы данных интегрируют разрозненные компоненты культуры в единое визуализируемое поле, где явно видны сильные концепты и периферия.

Понятие *культурный код* обладает всеми признаками полноценного научного термина в лингвистике и лингвокультурологии в частности. Оно позволяет операционализировать исследование глубинных оснований культуры, описывая их не как хаотичный набор артефактов и знаков, а как упорядоченную систему, поддающуюся структурному и семиотическому анализу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 464 с.
2. *Телия, В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–24.
3. *Красных, В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 282 с.
4. *Жишкевич, А. И.* «Культурный код»: к вопросу о терминологическом статусе понятия в современной лингвистике / А. И. Жишкевич // Язык и межкультурные коммуникации : сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол: В. Д. Старичёнок [и др.] ; отв. ред. В. Д. Старичёнок. – Минск, 2025. – С. 143–148.
5. *Маслова, В. А.* Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : Флинта, Наука, 2018. – 177 с.
6. *Донцов, М. А.* Культурный код в учебном дискурсе: корпусный и параметрический подходы / М. А. Донцов, М. И. Солнышкина, О. В. Шелестова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2025. – Вып. 11 (3). – С. 63–85.
7. Руководство по началу работы в Airtable: офиц. сайт. – URL: <https://support.airtable.com/docs/airtable-bases-overview> (дата обращения: 10.01.2026).

Поступила в редакцию 26.01.2026

УДК 398.91

Иванов Евгений Евгеньевич

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
теоретического и прикладного
языкознания
Могилёвский государственный
университет имени А. А. Кулешова
г. Могилёв, Беларусь

Evgeniy Ivanov

Habilitation Doctor of Philology,
Professor, Head of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
ivanov-msu@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ПОСЛОВИЦ В БЕЛОРУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

В статье рассматриваются способы репрезентации национально-культурной семантики пословиц на материале разных языков в паремиологических словарях различного типа (моно- и полилингвальных, тезаурусных и толковых, сопоставительных и переводных и др.). Выделяются дескриптивный, историко-этимологический, лингвострановедческий, этнолингвистический, культурологический способы к комментированию национально-культурной семантики пословиц, анализируются достоинства и недостатки реализации каждого способа в разных паремиографических источниках. Определяются основные принципы сопоставительного описания национально-культурной семантики пословиц и ее лингвокультурологического комментирования в белорусско-иностранноязычных и иностранно-белорусских паремиологических словарях различных типов.

Ключевые слова: *пословица; межъязыковое сопоставление; национально-культурная семантика; словарь; лингвокультурологический комментарий.*

PRINCIPLES OF COMPARATIVE DESCRIPTION OF NATIONAL-CULTURAL SEMANTICS OF PROVERBS IN BELARUSIAN-FOREIGN-LANGUAGE DICTIONARIES

The article examines ways of representing the national-cultural semantics of proverbs on the material of different languages in paremiological dictionaries of various types (mono- and multilingual, thesaurus and explanatory, comparative and translation, etc.). Descriptive, historical-etymological, linguistic-cultural, ethnolinguistic, and cultural methods for commenting on the national-cultural semantics of proverbs are identified, and the advantages and disadvantages of implementing each method in paremiographic sources are analyzed. The article defines the basic principles of comparative description of the national-cultural semantics of proverbs and its linguacultural commentary in Belarusian-foreign-language and foreign-language-Belarusian paremiological dictionaries of various types.

Key words: *proverb; cross-linguistic comparison; national-cultural semantics; dictionary; linguacultural commentary.*

Межъязыковое сопоставление в паремиологии невозможно без учета национально-культурной семантики пословиц, которая обуславливает их содержание и форму и во многих случаях прямо влияет как на характер сопоставления, так и вообще на его возможность для данной пары языков.

Без обращения к национально-культурной специфике пословиц невозможно и их лексикографическое описание, особенно в переводных и учебных словарях. Именно поэтому «одним из наиболее динамично развивающихся аспектов современной сопоставительной паремиологии является изучение межъязыковой общности / специфичности пословиц как с теоретической точки зрения (типологической, этнолингвокультурной), так и в прикладном плане (лингводидактическом, лексикографическом)» [1, с. 12].

Разработка принципов сопоставительного описания национально-культурной семантики пословиц в белорусско-иностраных словарях должна опираться прежде всего на сложившуюся в европейской паремиографии практику репрезентации лингвокультурной и этнокультурной специфики устойчивых единиц языка. Такая практика в настоящее время еще очень мало обобщена и изучена [2; 3; 4; 5; 6], поэтому требует специального анализа.

Цель исследования – определить основные направления и принципы сопоставительного описания национально-культурной семантики пословиц в рамках ее репрезентации в белорусско-иностраных паремиологических словарях различных типов.

Анализ показал, что лингвокультурологический комментарий пословиц используется прежде всего в национальных паремиологических словарях, где имеет сравнительно давнюю традицию. В восточнославянской паремиографии лаконичные комментарии историко-культурного и этнокультурного характера спорадически встречаются еще в сборнике «Русскія народныя пословицы и притчи» И. М. Снегирева (1848). Развернутые этнографические толкования использованы в фундаментальных сборниках «Пословицы русского народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч.» В. И. Даля (1862), «Українські приказки, прислів'я і таке інше» М. Номиса (1864), «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ» И. И. Носовича (1874). К кратким объяснениям этнокультурного и лингвокультурного содержания, как известно, обращался и М. И. Михельсон в своих сборниках устойчивых выражений «Мѣткія и ходячія слова: сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій» (1894) и «Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологіи» (1902). Комментирование национально-культурной семантики пословиц в указанных изданиях принадлежало авторитетным паремиологам, однако имело бессистемный и часто субъективный характер, хотя и включало довольно много отсылок к различным историческим фактам, а также описаний реалий народной культуры и традиционного быта.

Впервые лингвистически обоснованный лингвокультурологический комментарий был разработан в учебных паремиологических словарях для носителей чужих языков – в лингвострановедческих словарях пословиц русского языка [7] и белорусского языка [8]. В них лингвокультурологический комментарий ориентирован на тех, кто изучает язык как иностранный [9, с. 71–80] или как неродной в условиях двуязычия [10, с. 33–62], поэтому

основное внимание обращается на национально-культурную специфику содержания пословиц, знание которой способствует аккультурации (усвоению чужой культуры). Лингвострановедческий подход в лингвокультурологическом комментарии широко распространен в современных учебных словарях пословиц для иностранцев, при этом лингвокультурологический комментарий ориентирован не только на сведения об истории и культуре народа страны изучаемого языка, но и на современный социокультурный контекст функционирования пословиц, что позволяет максимально адаптировать их лингвокультурологический комментарий для его адекватного восприятия современной языковой личностью (как, например, в словаре русских пословиц для эстонских школьников с комментариями на родном языке [11]).

В толковых паремиологических словарях лингвокультурологический комментарий имеет совершенно иное содержание. Так, культурологически ориентированные толкования компонентов пословиц встречаются еще в «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (3-е изд., 1990), а также в тезаурусе «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010). Первым нормативным словарем пословиц, где последовательно используется лингвокультурологический комментарий, является «Школьный словарь живых русских пословиц» В. М. Мокиенко (2002). В нем зафиксированы наиболее активные пословицы современной русской речи, в которых «комментируется лишь то, что непонятно носителю русского языка» [12, с. 8]. Такой подход ориентирован прежде всего на информацию исторического и этимологического характера, которая позволяет глубже познать национальные корни той или иной пословицы. Собственно нормативный аспект лингвокультурологического комментария представлен в кратком словаре русских пословиц, подготовленном В. М. Мокиенко в серии справочников «Давайте говорить правильно!» [13], и направлен на формирование верного представления о внутренней форме и образном плане пословицы в тех случаях, когда оно детерминирует правильность ее употребления и понимания в речи. Аналогом этого издания в белорусском языке является толковый словарь крылатых афоризмов (иноязычного происхождения), в котором даются нормативные сведения об их форме, семантике и происхождении [14].

Свою наиболее полную реализацию культурологический комментарий пословиц восточнославянских народов получил в историко-этимологической лексикографии, где пословичные единицы, помимо рассмотрения их происхождения и истории функционирования в языке, интерпретируются еще и в этнокультурном плане, получают различные по объему и содержанию толкования фоновой семантики. Содержание лингвокультурологического комментария в таких справочниках прямо отождествляется с историко-этимологической информацией [2, с. 127]. Однако пословицы в историко-этимологических словарях и справочниках обычно не являются предметом специального описания, рассматриваются вместе с фразеологизмами [15; 16].

В первый и единственный на сегодня (в славянских языках) этимологический словарь пословиц белорусского языка И. Я. Лепешева [17] включены отдельные лингвокультурологические комментарии, которые недостаточно репрезентативны в силу многочисленных неточностей и фактических ошибок в определении происхождения и истории пословиц, на что неоднократно указывали белорусские паремиологи [18; 19; 20].

Нужно отметить, что понимание культурологического комментария только как историко-этимологического (и наоборот) не только значительно обедняет объяснение национально-культурной специфики пословицы, но и во многом затрудняет развитие собственно этимологического направления в паремиологии, проблема выделения которого в самостоятельную отрасль требует решения [21]. Однако историко-этимологическое комментирование тех или иных лексических компонентов пословицы очень часто помогает не только установить утраченную мотивировку ее значения, но и понять его этнокультурную специфику. Весьма показательным примером может служить литовская пословица *Lobis budina, vargas migdina* 'Богатство пробуждает, а горе усыпляет'. Мотивировка ее значения кажется прозрачной и вполне понятной: богатство связано с беспокойством, страхом его потерять, что порождает бессонницу у его обладателя. Однако благодаря комментарию из сборника пословиц Йокубаса Бродовскиса (XVIII в.) мы узнаем, что богатство дает человеку стимул к деятельности, не дает спать, а горе делает человека пассивным и безразличным. В литовском языке XVIII в. глаголы *budina* (пробуждает) и *migdina* (усыпляет) использовались в переносном смысле, как метафоры, а в наше время в результате деметафоризации они воспринимаются буквально. Именно утраченные метафорические значения этих глаголов маркируют фоновую семантику существительного *vargas* 'горе', которое в XVIII в. ассоциировалось с бедностью и нищетой [22, с. 103]. Правильно понимать (и переводить на другие языки) эту литовскую пословицу следует как 'Богатство пробуждает, нищета усыпляет', что удалось установить только благодаря комментарию, оставленному составителем сборника пословиц XVIII в.

Содержание лингвокультурологического комментария пословиц в национальных словарях является многоаспектным (охватывает широкий круг единиц, явлений, реалий) и разнотипным (зависит как от целевой установки комментария, так и от предмета комментирования – лексического компонента пословицы, ее внутренней формы, фоновой семантики, иноязычных параллелей), а по своим формальным параметрам – неравновесным по объему (включает от нескольких слов до целого эссе) и различным по своей структуре (состоящим как из одной справки, так и из нескольких блоков различной информации). Как справедливо отмечает Т. Г. Никитина, «в зависимости от содержания культурного фона и типа паремии ее толкование может быть в разной степени ориентированным лингвокультурологически, а в зоне специального лингвокультурологического комментария в разных

пропорциях должны быть представлены энциклопедическая и, прежде всего, страноведческая информация, историко-этимологические сведения лингвокультурологического плана и социокультурно обусловленные коммуникативно-прагматические характеристики паремии» [3, с. 132]. При этом «легко заметить тенденцию предлагать такие комментарии прежде всего в случаях, когда нужно подчеркнуть национальную специфику внутренней формы паремии. При описании же паремий с общеевропейским background'ом бывает достаточно отсылок к иноязычным параллелям» [2, с. 126].

Действительно, в полилингвальных паремиологических словарях культурологический комментарий представлен в гораздо меньшей степени, чем в национальной паремиографии. В большинстве многоязычных словарей пословиц вообще нет никаких комментариев лингвокультурологического плана, «предлагаются лишь (и то в редких случаях) параллели из античных языков или отсылки на классическую европейскую литературу как источник паремии» [2, с. 126]. Полностью отсутствует зона лингвокультурологического комментария в таких современных фундаментальных полилингвальных справочниках пословиц, как трехтомный «Dictionary of European Proverbs» Эммануэля Штрауса (1994), «European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese» Джуню Пацолаи (1997), «1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso)» Хулии Севильи Муньос (2001) и др.

В свою очередь, подавляющее большинство двуязычных словарей пословиц создается с целью решения утилитарных проблем перевода, поэтому в них культурологический комментарий либо представлен минимально, либо ему вообще не находится места в традиционно предельно простых по структуре левой и правой частях переводного паремиологического словаря. Следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция включать комментарии культурологического характера в словари пословиц далеких по своей культурной ориентации и не имеющих исторических контактов народов, например, белорусского и китайского в сборнике «Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі» (2017) [23].

Тем более примечательно на этом фоне выглядит серия трехязычных словарей пословиц, объединенных включением во все из них русского языка, подготовленная под руководством В. М. Мокиенко. В этих словарях впервые целенаправленно, последовательно и максимально полно (конечно, по возможности) представлена информация культурологического и историко-этимологического плана. В этой паремиографической серии уже изданы два словаря – русско-немецко-испанский [24] и русско-немецко-польский [25]. В стадии разработки находятся аналогичного содержания словари пословиц русско-немецко-белорусский [26], а также с русскими параллелями словари испанско-белорусский [27] и белорусско-шведский [28; 29]. Во всех этих трехязычных словарях лингвокультурологический комментарий по своему

содержанию весьма близок к традиционному комментарию такого рода в национальных словарях, поскольку включает в себя информацию о происхождении пословиц и их истории в данном языке, об их вариантах или параллелях в других языках, а также об их культурологическом фоне на основе отдельных образных и национально-культурно маркированных компонентов. Традиционность такого подхода заключается в его направленности на комментирование прежде всего тех пословиц, которые так или иначе национально маркированы. Широкое обращение к пословичным параллелям из других языков позволяет избежать неточностей и ошибок в разграничении национального и универсального, поэтому комментарий посвящается прежде всего пословицам входного языка, однако пословицы обоих выходных языков не комментируются, а если и получают лингвокультурный комментарий, то весьма скудный.

Анализ лингвокультурологического комментария в национальной и полилингвальной паремиографии современных европейских языков показал, что национально-культурная семантика пословиц репрезентируется в словарях достаточно разнообразно, но недостаточно полно и глубоко, а также не всегда различается по своему содержанию в справочниках различного типа (нормативных, учебных, переводных). В полилингвальных словарях лингвокультурологический комментарий не всегда выделяется в самостоятельную лексикографическую зону и часто не связывается с национально-культурной семантикой иноязычных пословичных соответствий и эквивалентов.

В этой связи требуется на основе накопленного опыта и очевидных недостатков в лексикографической практике лингвокультурологического комментирования пословиц сформулировать теоретические принципы его применения в паремиологических словарях (двуязычных и полилингвальных, переводных и сопоставительных).

Так, по нашему убеждению, лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях должен существенно отличаться от такого же комментария в национальных словарях, поскольку лингвокультурологически ориентированный комментарий в полилингвальной паремиографии может не только презентовать национально-культурную семантику данной пословицы, но и сам по себе выступать инструментом межъязыкового сопоставления, дифференцировать те тонкие грани сходств и различий в плане содержания и культурном фоне пословиц разных языков, которые недоступны при описании специфики культурологического фона пословиц только одного данного языка обособленно от этнокультурной специфичности пословиц других языков. Как показывают сопоставительные исследования пословиц различных языков, «безусловно, лингвокультурологический комментарий существенно увеличит объем многоязычного словаря пословиц, однако вместе с тем позволит значительно повысить его репрезентативность и познавательную ценность как в лингвистическом, так и в культурологическом плане» [5, с. 21]. Такой подход создаст предпосылки для объективного

типологического анализа пословиц с учетом их национально-культурной семантики и построения провербиальной типологии языков, поскольку «в собственно лингвистическом плане наиболее значимыми типами единиц в составе пословичного фонда целесообразно считать пословицы образные, переосмысленные, идиоматичные (по семантике), безэквивалентные (по сравнению с другими языками), близкие в формальных языковых свойствах и уникальные в плане содержания (по типологическим характеристикам)» [30, с. 611–612].

Исходя из предназначения лингвокультурологического комментария в полилингвальной паремиографии можно сформулировать шесть его основных принципов, которые заключаются в следующем. Во-первых, в равной степени должны комментироваться пословицы как входного языка, так и выходных языков (важно в данном случае сохранять межъязыковую корреляцию предметной направленности и глубины комментирования пословиц каждого из языков). Во-вторых, комментарии пословиц всех языков должны быть релевантны – объем, структура, предметная направленность и глубина комментирования должны быть одинаковы для каждого языка (т. е. изначально задаваться в равной степени для пословиц каждого языка, не исключая различную степень своего предметного наполнения относительно тех или иных пословиц разных языков). В-третьих, предметом комментирования должны выступать наиболее существенные для межъязыкового сопоставления пословиц компоненты их содержания и формы (к таковым целесообразно относить национальные варианты универсальных или интернациональных пословиц, национальную специфику пословичной семантики и лексико-грамматической организации пословиц, а также национально-специфические образы и понятия в составе пословиц). В-четвертых, комментарии должны даваться отдельно для каждой пословицы каждого языка, однако содержательно проецироваться друг на друга (этого нетрудно достичь в двуязычных словарях, но не так просто, как это может показаться на первый взгляд, осуществить в многоязычных паремиологических справочниках, в которых межъязыковая лингвокультурологическая проекция приобретает самостоятельную значимость). В-пятых, наибольшее внимание при комментировании должно отдаваться тем пословицам входного языка, которые на фоне пословиц выходных языков, на первый взгляд, не несут в себе никакого национально-культурного своеобразия, или даже аналогичны им по форме и содержанию, однако на самом деле ассоциативно связаны со значимым в лингвоаксиологическом и/или лингвокультурологическом плане фрагментом национальной картины мира. В-шестых, комментарий национально-культурной семантики пословицы входного языка должен проводиться в широком языковом фоне с учетом тех языков, которые ему генетически и/или ареально близки и в разной степени могли оказать влияние на фор-

мирование его пословичного фонда (что дает более объективное представление о национальной картине мира и ее соотношении с национально-культурной семантикой пословиц выходных языков).

Данные принципы целесообразно использовать при разработке состава, структуры и содержания лингвокультурологического комментария пословиц в белорусско-иностраных паремиологических словарях (как переводных, так и сопоставительных), предназначенных прежде всего для учебных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паремиология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина [и др.]. – М. : РУДН, 2021. – 246 с.
2. Мокиенко, В. М. Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе / В. М. Мокиенко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 121–134.
3. Никитина, Т. Г. Лингвокультурологический комментарий в словаре пословиц / Т. Г. Никитина // Филология и культура. – 2015. – № 4 (42). – С. 132–138.
4. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина [и др.]. // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 4. – С. 143–160.
5. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. – С. 5–29.
6. Иванов, Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре / Е. Е. Иванов // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 1. – С. 245–260.
7. Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – М. : Русский язык, 1988. – 272 с.
8. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.
9. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
10. Иванова, С. Ф. Сацыякультурная прастора мовы / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – 112 с.
11. Ая, У. Пословицы в русской речи : учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. – 123 с.

12. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2002. – 352 с.
13. Мокиенко, В. М. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц : краткий словарь-справочник / В. М. Мокиенко. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2006. – 272 с.
14. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.
15. Мокиенко, В. М. Почему так говорят? От Авось до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2003. – 512 с.
16. Бирих, А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
17. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 141 с.
18. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі «Адна галава добра, а дзве лепш» / Ю. А. Петрушэўская // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2015. – № 5 (78). – С. 84–96.
19. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі «З вялікага грому малы дождж» / Ю. А. Петрушэўская // Роднае слова. – 2016. – № 1. – С. 44–47.
20. Петрушэўская, Ю. А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі «Хто мажа, той і едзе» / Ю. А. Петрушэўская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 138–144.
21. Ivanov, E. Etymology of English Proverbs // E. Ivanov, Ju. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – № 5. – P. 864–872.
22. Бредис, М. А. Человек и деньги. Очерки о пословицах русских и не только / М. А. Бредис. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.
23. Лакотка, А. І. Прымаўкі ды прыказкі – мудрай мовы прывязкі (з адвечнай мудрасці народнай) / А. І. Лакотка, Т. І. Кухаронак, А. Г. Алфёрава ; пер. на кіт. Ван Цінфэна, А. В. Раманоўскай. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 135 с.
24. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäische Parallelen / V. Mokienko, M. Ruiz-Zorilla Cruzate, H. Walter, A. Zainouldinov. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2009. – 193 S.
25. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями) / H. Walter, V. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. – Greifswald : E. M. A.-Universität ; Szczecin : Volumina, 2014. – 433 S.

26. *Вальтер, Х.* Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) / Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін : зб. арт. / пад рэд. А. М. Макарэвіча. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. – С. 209–214.
27. *Иванов, Е. Е.* Принципы и структура испанско-белорусского паремиологического словаря / Е. Е. Иванов, М. Руис-Соррилья Крусате // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2021. – № 2. – С. 104–111.
28. *Алёшын, А. С.* Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак / А. С. Алёшын, Я. Я. Іваноў // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2022. – № 1 (255). – С. 86–95.
29. *Alyoshin, A.* Belarusian-Swedish dictionary of proverbs: Volume, list, zones of lexicographical description / A. Alyoshin, E. Ivanov // Scandinavian Philology. – 2024. – Vol. 22. – Issue 2. – P. 215–239.
30. *Иванов, Е. Е.* Дифференциация пословичного фонда языка / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 606–621.

Поступила в редакцию 23.04.2026

УДК 81'23:159.942(045)

Сахарова Римма Федоровна

пресс-секретарь

Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Rimma Sakharova

Press-secretary

Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
rf.sakharova@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ: ОТ АНАЛОГИИ К СМЕЖНОСТИ

В настоящей статье представлены обобщенные результаты анализа языкового материала со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках. В качестве основного способа языковой репрезентации эмоций в сопоставляемых языках зафиксировано переосмысление их телесно-физиологических проявлений. Данный подход вносит вклад в обоснование фундаментальной роли механизма мышления по смежности в процессах образования языковых единиц.

Ключевые слова: *языковая репрезентация; базовая эмоция; телесно-физиологические реакции; этимология; смежность; аналогия.*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF BASIC EMOTIONS: BETWEEN CONTIGUITY AND ANALOGY

This article presents generalised results of the analysis of linguistic material conveying basic emotions in the German and Belarusian languages. The reinterpretation of bodily and physiological manifestations of emotions has been identified as the primary means of their linguistic representation in the languages under comparison. This approach contributes to substantiating the fundamental role of the mechanism of thinking by contiguity in the processes of linguistic unit formation.

Key words: *linguistic representation; basic emotion; bodily and physiological reactions; etymology; contiguity; analogy.*

Характерной чертой современной лингвистики является стремление ученых не только описать языковые явления, но и объяснить их. Эта цель предопределяет выход в исследовании языка за пределы собственно лингвистики, ее тесную связь с другими науками, изучающими человека. Этим объясняется описание языковых явлений в корреляции с единицами ментального уровня, с человеческой когницией в целом. Таким образом, изучение языковых единиц в рамках современной лингвистики подразумевает переключение внимания в исследованиях с объекта познания на субъект: сам язык рассматривается сегодня, с одной стороны, не изолированно, «в себе», а как связанный с другими внеязыковыми факторами и предопределенный ими. С другой стороны, язык представляется как средство доступа к скрытой от непосредственного наблюдения когнитивной деятельности человека

(Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, О. К. Ирисханова, М. Л. Ковшова, Н. Б. Милявская, Ч. Филмор, Z. Kovacs, G. Lakoff, R. W. Langacker, M. Schwarz-Friesel, M. Döring, H. Bergerova, D. Stoeva-Holm и др.)

Долгое время внимание ученых было сосредоточено на механизме образования языковых единиц по сходству/аналогии, т. е. метафоре как универсальном когнитивном механизме. Обращение к языковым единицам со значением базовых эмоций¹ в немецком и белорусском языках позволило сделать вывод, что основным способом репрезентации эмоций в языке является описание (переосмысление) их телесно-физиологических проявлений, т. е. на основе механизма мышления / осознания по смежности – в процессе номинации телесно-физическое выступает вместо психического. Данный механизм лежит в основе образования языковых средств репрезентации базовых эмоций в двух сопоставляемых языках и применим как к однословным номинациям, так и к устойчивым сочетаниям прямой и непрямой (фразеологической) номинации.

Следует особо подчеркнуть, что полученный вывод подтверждает теорию Дж. Лакоффа о том, что «физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию», т. е. в процессе языковой репрезентации эмоций основная роль отводится механизму мышления по смежности в процессах образования языковых единиц [1, с. 494].

Продemonстрировать данное положение можно обратившись к этимологии однословных лексических единиц, репрезентирующих эмоцию «страх» в немецком и белорусском языках. Нем. *Angst* 'страх' восходит к индогерм. *angh* т. е. *eng* 'узкий' с суффиксом *st*, который имеет значение *dazugehörig* 'принадлежащий к чему-л.', в данном случае – 'то, что является тесным, узким; то, что связано с теснотой' [2]. Второй версией происхождения слова *Angst* 'страх' в немецком языке является лат. *angustiae* 'теснота' [2]. И в первом, и во втором случаях в основе номинации страха лежит физиологическое проявление эмоции: сосуды расширяются и человек ощущает сдавленность.

Белорусская лексема *страх* (также укр. *страх*, др.-рус. *страхъ*, ст.-слав. *страхъ*, блг. *страх*, сербохорв. *страх*, словен. *strah*, чеш. *střach*, слвц. *strach*, польск. *starch*) с первоначальным значением «оцепенение» сближается с лит. *stregti, stregiu* «оцепенеть, превратиться в лед», латыш. *stregele* «сосулька» [3]. Как демонстрируют этимологические данные, страх номинируется через определенное физическое состояние, связанное с ощущением озноба, холода при переживании данной эмоции и, как следствие, с ярко выраженной реакцией на страх: «оцепенеть, превратиться в лед, сосульку (стать неподвижным, застывшим)».

¹ За основу принята классификация базовых эмоций ученых из университета г. Глазго. – URL: http://www.gla.ac.uk/news/archiveofnews/2014/february/headline_306019_en.html.

Еще одной версией происхождения белорус. *страх* является латыш. *treso* «трясу» (отсюда *трястись от страха*) [3]. В данном случае фиксируется конкретная физиологическая реакция человека при переживании страха.

Приведенные версии происхождения лексемы *страх* в белорусском языке позволяют сделать вывод, что, как и в немецком языке, прямая номинация однословными единицами эмоции «страх» базируется, в первую очередь, на конкретных физиологических ощущениях.

Данную закономерность подтверждает история возникновения однословных единиц, служащих для номинации гнева в сопоставляемых языках. Например, немецкое существительное *Wut* 'гнев' этимологически произошло от инд.-гер. корня 'uet, uot' (*anstacheln* 'побуждать, подстрекать', *aufführen* 'волновать, будоражить'), который был заимствован от др.-нем. 'wuot' (*besessen* 'одержимый', *rasend* 'неистовый, безумный'). Последнее, в свою очередь, является производным от Wuotan (Wotan) (Бог войны) [4]. Исходной точкой в процессе формирования значения имени существительного *Wut* 'гнев' является трактовка 'ein durch Götter oder Dämonen verursachter Zustand des Außersichseins, der übermächtigen Erregung букв. состояние невменяемости, чрезмерного возбуждения, которое вызвали боги или демоны'. Впервые существительное *Wut* 'гнев' встречается в источниках, датированных примерно 800 г. и обозначает «...unterschiedliche **Gemütsregungen** wie **Raserei**, Wahnsinn, zügellose Erregung, **rasenden Zorn** букв. различные **эмоциональные состояния**, такие как **ярость**, безумие, безудержное волнение, **безумный гнев**» [5, с. 1587] (выделено нами – Р. С.). В словаре Гримм *Wut* 'гнев' трактуется как «heftig seelisch-leibliche erregung und ihre äusserungen букв. интенсивное умственное и физическое возбуждение и его проявления» [6]. В значении 'rasender Zorn букв. безумный гнев' имя существительное *Wut* 'гнев' употребляется и на современном этапе развития языка. Таким образом, в основе номинации эмоции лежит ее физиологическое проявление – внутренние волнения и, как следствие, безумие, лихорадочное поведение.

В белорусском языке языковая номинация эмоции гнева также основана на телесных ощущениях. Существует несколько версий происхождения имени существительного *гнеў*. Согласно первой версии белорус. *гнеў* происходит от общеславянского *gněvъ. По происхождению это праславянское слово связывают со словами *гнуть*, *гной*: считается, что они восходят к одному и тому же индоевропейскому корню *ghen – *растирать*, *разгрызть*. Из значения *растирать*, *разгрызть* развилось *быть растертым*, а из него – *распадаться на мельчайшие частицы* > *разлагаться* > *гнуть* [3].

Современный смысл слова *гнеў*, как отмечают исследователи, мог развиться из значения «состояние больного, покрытого струпьями, гноящимися ранами» [3].

Возможен был и другой путь образования современного значения слова *гнеў*, не связанный с *гнить* и *гной*, – непосредственно из *растирать*, *разгрызть*, и тогда *гнеў* можно объяснить как состояние, в котором хочется стереть кого-то или что-то в порошок, грызть, кусать и т. д. Эта гипотеза очень хорошо подтверждается и языковыми фактами: переносными значениями слов и выражений, описывающих поведение, реакции, связанные с гневом (*сцерці ў парашок*, *сцерці з зямлі*), и телесными реакциями на гнев: сжатие кулаков, зубов и др. (белорус. *трэсціся*, *сціснуць зубы*, *зелянец ад гневу*).

М. Фасмер приводит мнения исследователей, связывающих лексику *гнеў* с глаголом *гнетить* ‘зажигать огонь’ и с идеей горения [3]. П. Я. Черных свидетельствует, что слова *гнести*, *гнет*, *угнетать* и т. д. происходят от индоевропейского **gnet-*, которое реализуется в разных индоевропейских языках со значениями *давить*, *месить*, *мять* [7]). Если учесть, что огонь в древности добывался трением, то связь значений *тереть* и *зажигать* очевидна.

Значит, первоначальный, древний «психологический» смысл лексемы *гнев* можно истолковать так: эмоция, в процессе переживания которой хочется стереть кого-то или что-то в порошок, грызть, укунить; либо возникающая в результате существования чего-то грызущего, или натирающего, или тяжелого и давящего в душе (и/или в теле); эта эмоция также связана с идеей горения (например, белорус. *астудзіць гнеў*, *гарэць гнева́м*), которая основана на телесных ощущениях: ощущении прилива жара во время гнева, покраснении лица, резкие изменения в сосудах, скачок адреналина в ответ на подавление.

Репрезентация ощущений переживаемой эмоции является устойчивым способом репрезентации эмоций при номинации их устойчивыми сочетаниями. Выделены следующие закономерности вербализации эмоциональных состояний в сочетаниях прямой номинации:

– описание физиологических изменений в работе внутренних органов и физиологических ощущений субъекта: нем. *Kummer bedrückt sein Herz* ‘букв. печаль сдавливает его сердце’, белорус. *сэрца трымціць ад страху*, *знямець ад страху*, *сэрца баліць ад гора*, *гора сціскае сэрца*;

– описание поведенческой реакции субъекта: нем. *vor Wut mit der Faust auf den Tisch schlagen* ‘букв. ударить кулаком по столу от гнева’, *vor Freude die Arme hochreißen* ‘букв. поднять руки от радости’, *vor Freude in die Hände klatschen* ‘букв. хлопнуть в ладоши от радости’, *vor Freude springen* ‘букв. прыгать от радости’, белорус. *скакаць ад радасці*;

– описание внешних изменений, вызванных эмоциональным состоянием: нем. *blass vor Ärger werden* ‘букв. побледнеть от злости’, *vor Freude erröten* ‘букв. покраснеть от радости’, бел. *зелянец ад гневу*, *свяціцца ад радасці*, *пабляднець ад страху*;

– описание голосовых реакций, которыми сопровождается переживаемая эмоция: нем. *vor Wut heulen* ‘букв. выть от гнева’, белорус. *крычаць ад радасці*.

Механизм мышления / осознания по смежности находит реализацию и в процессах не прямой (фразеологической) репрезентации базовых эмоций и основан, в первую очередь, на описании физиологических ощущений переживаемой эмоции. Например:

1) нем. *sich die Augen ausweinen* букв. выплакать все глаза ‘очень сильно плакать’, бел. *выплакаць (усе) вочы* ‘горка няўцешна плакаць’ (проявление печали/горя) образован путем действия механизма метонимии: выделение слез (физиологическое проявление горя) становится способом фразеологической репрезентации психического состояния. Кроме того, во фразеологизме вместо существительного «слезы» используется соматизм «глаза», т. е. при языковой репрезентации дважды имеет место преобразование по смежности;

2) нем. *zittern wie ein Espenlaub* букв. дрожать как осиновый лист ‘очень сильно дрожать от холода/страха’, белорус. *як асіна калаціцца, дрыжаць* ‘очень сильно, чаще от страха’. В данных фразеологических единицах страх описывается по его проявлению – телесной дрожи. В то же время во фразеологизме присутствует и сравнение – человек сравнивается с осиновым листом или целым деревом (осиной), которые колышутся на ветру. Однако осознание по аналогии дополняет механизм мышления по смежности, который является главным при образовании данной единицы, о чем свидетельствует наличие в сопоставляемых языках таких единиц, как нем. *vor Angst zittern* ‘букв. дрожать от страха’, *vor Angst erschauern* ‘букв. содрогаться от страха’, белорус. *трэсціся, дрыжаць ад страху*;

3) нем. *j-m überläuft es heiß und kalt* букв. кого-л. бросает в горячий и холодный пот ‘кто-либо содрогается, охвачен страхом или ужасом’, белорус. *мароз па скуры/спіне/цэле прабягае/ходзіць/дзярэ/прадзіраў* букв. мороз по коже/спине/теле пробегает/ходит/рвет/раздирал ‘хто-н. страшэнна спалохаўся, адчувае моцны жах’. Физиологически ощущения при переживании страха сходны с ощущениями холода. Данное сходство переосмысливается и становится способом номинации эмоции страха.

Таким образом, анализ односложных языковых единиц и устойчивых сочетаний демонстрирует, что в основе языковой репрезентации эмоций лежит переосмысление переживаемой эмоции, которое является устойчивым способом вербализации эмоций как в немецком, так и в белорусском языках. Данный факт характеризуется общностью биологической природы человека, его физиологическим устройством.

Важным и актуальным представляется дальнейшее изучение механизмов мышления по смежности и аналогии и установления моделей их взаимосвязи в процессах языковой репрезентации базовых эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
2. Lexikon der Gestalttherapie. – URL: <http://www.gestalttherapie-lexikon.de/angst.htm> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Этимологический словарь русского языка (М. Р. Фасмер). – URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Wut> (дата обращения: 10.06.2026).
5. *Pfeifer, W.* Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer. – Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 1665 S.
6. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – URL: <http://dwb.uni-trier.de/de> (дата обращения: 10.06.2026).
7. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных ; 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1. – С. 133–134.

Поступила в редакцию 19.06.2026

УДК 811.112.2'37

Сытько Анна Васильевна

доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики
и грамматики немецкого языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Anna Sytko

Habilitated Doctor of Philology,
Associate Professor, Head
of the Department of
German Phonetics and Grammar
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
sytko.mglu@gmail.com

ЦЕЛЕВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ (на материале русского и немецкого языков)

В статье рассматриваются дискурсивные характеристики деонтических высказываний, обусловленных целеполаганием. Определяются области взаимодействия деонтической семантики и категории цели. В двух типах институционального дискурса – научном и политическом – выявляются деонтические высказывания, содержащие различные языковые показатели семантики цели. Раскрываются коммуникативные параметры, дифференцирующие данные дискурсы. Описываются языковые способы представления целевой обусловленности деонтического отношения в двух дискурсах. Выявляются дискурсивные различия как в семантике целевой конструкции, так и в ее вербальном и семантическом наполнении.

Ключевые слова: *деонтическое высказывание; целевая обусловленность; дискурсивные характеристики; политический дискурс, научный дискурс.*

PURPOSE-CONDITIONED DEONTIC STATEMENTS IN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE (Based on Russian and German)

This paper deals with the discursive characteristics of deontic utterances based on purpose setting. The study finds out areas of interaction between deontic semantics and purpose. It identifies deontic utterances containing different linguistic indicators of purpose semantics in two types of institutional discourse – scientific and political. It establishes the communicative parameters that differentiate these discourses. The study describes linguistic means for representing deontic utterance of the purpose-conditioned nature in the two discourses. It brings out discursive differences in the semantics of the purpose constructions as well in its verbal content.

Key words: *deontic statement; goal-based conditioning; discursive characteristics; political discourse, scientific discourse.*

Значимое место как в устройстве мира, так и в языке занимает категория обусловленности. Отношения обусловленности, или объяснительные, составляют основу структуры мироздания и функционируют в качестве самостоятельной единицы коллективного сознания, репрезентируя во взаимосвязи и взаимной зависимости явления реального, а также идеального мира. Обра-

шение к феномену обусловленности как к важному аспекту человеческого существования соответствует интересам современной лингвистики. Системное исследование семантики и репрезентации смысловых отношений на различных уровнях синтаксиса в рамках широкой категории обусловленности, отражающей универсальный принцип взаимосвязанности явлений действительности, позволяет раскрыть коммуникативную сущность языка и осмыслить функционирование речевых высказываний.

Статус обусловленности (мотивированности, или причинности¹) как универсальной когнитивной категории и как фундаментального принципа организации бытия определяется, прежде всего, особенностями человеческого мышления. Как отмечает Дж. Лакофф, причинность относится к числу базовых понятий, наиболее активно используемых человеком «для ментальной организации материального мира и культурных реалий» [1, с. 120–127]. В большинстве языков отношения обусловленности получают то или иное эксплицитное языковое выражение, или репрезентируются в имплицитной форме. А. Вежбицкая, описывая фундаментальные человеческие концепты, утверждает существование врожденного универсального синтаксиса мыслительных структур, в который она включает среди прочего также и интерклаузальные связки *если, если бы, потому что, из-за*, непосредственно соотносящиеся с семантикой обусловленности [2, с. 17, 26].

В семантике обусловленности отражается комплекс различных факторов, включающих как субъективные факторы (взаимосвязь с эмоциональным состоянием говорящего), так и зависимость от социальных условий. Социокультурную природу обусловленности подчеркивает Ю. С. Степанов, отмечая, что глобально концепт «причина» существует и функционирует исключительно в рамках определенного дискурса [3, с. 69].

Дискурс выступает своеобразным механизмом селекции, посредством которого осуществляется отбор и актуализация как языковых единиц, так и типов семантических отношений. В связи с этим анализ способов актуализации обусловленности модального отношения в формальной структуре высказывания представляется актуальным и значимым для изучения механизмов вербальной коммуникации, формирующихся в условиях разнообразных социальных практик. В центре настоящего исследования находится *деонтическое высказывание*, выражающее отношение к действию, реализация которого предполагает позитивное изменение текущей ситуации.

Деонтическая модальность, согласно Г. В. Лейбницу, представляет собой «отношения *de consurs*», которые включают в себя связь между причиной и следствием, положением и порядком и т. д. [4, с. 141]. Речь идет как об онтологической обоснованности деонтического отношения, основу которой

¹ Так, С. Д. Кацнельсон использует понятие «причинность» в понимании любого обусловленного чем-либо действия (Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.).

составляют источники, отражающие экстралингвистические параметры высказывания о необходимости и служащие стимулом для требуемого действия (о типологии деонтических источников см. [5, с. 74–79]), так и о **каузальном** построении деонтического высказывания.

Деонтическим источником выступают в том числе различные **целевые установки**, эксплицитная реализация которых является предметом рассмотрения в данной работе. Категория цели выступает основанием для возникновения и исчезновения событий и относится к числу ключевых понятий, посредством которых человек осуществляет интерпретацию действительности и происходящих в ней процессов, наряду с причиной, следствием, временем.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что целевая обусловленность деонтического отношения к действию в рамках различных социальных практик получает разную объективацию в высказывании и реализуется с привлечением разных содержательных характеристик. Целью исследования, таким образом, становится раскрытие семантических характеристик целевой обусловленности деонтического отношения к действию и выявление особенностей ее языковой экспликации в двух типах институционального дискурса – научном и политическом. Источником материала стали ключевые жанры научного и политического дискурсов – статьи и монографии в области лингвистики и публичные выступления и речи политических деятелей¹ (депутатов, членов правительства, сенаторов РФ и ФРГ, президентов РФ, канцлеров и президентов ФРГ). Для анализа были сформированы эквивалентные по объему выборки (по 400 000 словоупотреблений для каждого языка и типа дискурса). В работе используется структурный, контекстуальный и трансформационный методы.

Выявление семантики целевой обусловленности деонтического отношения в различных социальных практиках вносит определенный вклад в понимание риторической структуры дискурса, а также способствует разработке классификации дискурсивных отношений в рамках различных социальных практик (Discourse Relation Classification, DRC)². Так, согласно Т. Гивону,

¹ Транскрипты взяты с официальных сайтов: <http://www.kremlin.ru/events/president>, <http://council.gov.ru>; <http://duma.gov.ru>; <https://kprf.ru>; <https://www.yabloko.ru> и <http://www.bundespraesident.de>; <https://www.bundestkanzlerin.de>; <https://www.bundestkanzler.de>; <https://www.bundesregierung.de>.

Дальнейшее увеличение выборки не привело к изменению относительных данных употребительности деонтических конструкций.

² Ср., например, в следующих работах:

1. Writing Strategies for Science Communication: Data and Computational Analysis / T. August, L. Kim, K. Reinecke, N. A. Smith // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP) / Association for Computational Linguistics. – Online, 2020. – P. 5327–5344. – URL: <https://aclanthology.org/2020.emnlp-main.427.pdf> (дата обращения: 23.01.2026).

родоначальнику дискурсивно-ориентированного подхода к синтаксису, семантико-синтаксические отношения каузальности, к которым относятся целевые конструкции, представляют собой набор инструкций по ментальной обработке дискурса, которые говорящий дает слушающему [6]. Иными словами, целевые отношения являются не только логико-грамматическими, но и риторическими, их экспликация подчинена коммуникативным процессам. В речи они определяют структуру аргументации и направленность на формирование картины мира у реципиента.

Деонтическая модальность и категория цели

Суть деонтической модальности заключается в ее **целеустремленности**: «нужно» относится только к тому, что служит для достижения какой-то цели, которую ставит человек, планируя свои сознательные действия, при этом он «связывает с ней положительные коннотации» [7, с. 23.], т. е. деонтическое отношение обогащается «телеологическим принципом» [8, с. 59.]. Речь идет о ситуациях практической необходимости, при которых репрезентируемая в модальном высказывании пропозиция *p* оценивается говорящим как «утилитарное добро» [9, с. 191], как способ эффективного достижения цели в конкретной практической деятельности (ср. утилитарная необходимость в [10, с. 221–222]). Именно поэтому Г. фон Вригт рассматривает необходимость «для достижения чего-либо другого» как техническое долженствование [11, с. 319.].

Использование различных деонтических предикатов при указании на активное (целенаправленное) действие является дифференциальным признаком категориального значения цели [12]. Целевое отношение охватывает две взаимосвязанные ситуации, одна из которых служит основанием для другой. При этом в целевой каузальной ситуации обуславливающее и обуславливаемое не разделены по различным компонентам, как в причинной ситуации, а объединены в одном – целевом – компоненте [13, с. 15–16]. Необходимое действие, будучи противочленом целевого компонента и обосновывая его, обозначает способ или средство, с помощью которых достигается реализация цели (цель ↔ средство), ср.: *действие необходимо для того, чтобы* + инфинитив смыслового глагола.

Само понятие цели носит сложный характер: как причина сознательной деятельности цель есть **внутренняя конституента субъекта** и связана, прежде всего, с желанием говорящего субъекта каузировать действие. Целевое отношение можно охарактеризовать как: «X (субъект) желает А, для осуществления которого совершает В (А и В ситуации)».

2. Wan, S. On the Role of Context for Discourse Relation Classification in Scientific Writing / S. Wan, W. Liu, M. Strube // Proceedings of the 6th Workshop on Computational Approaches to Discourse, Context and Document-Level Inferences (CODI 2025). 9 November 2025. – P. 96–106.

Необходимость при целевой обусловленности, согласно А. А. Ивину, определяется оптативной оценкой, т. е. представлением об «оптативном добре»/о «желаемом» [14, с. 123]. Так, Ф. Кифер осторожно указывает на то, что деонтические конструкции обладают «волитивным привкусом» (перевод наш. – А. С.) [15]. Наличие концептуальной основы «утилитарное добро» в деонтическом высказывании свидетельствует о заинтересованности говорящего в действиях, которые ведут к его цели, т. е. речь идет о взаимодействии двух разных модальных семантик – деонтической и волитивной, которые «соседствуют» друг с другом, находясь в обусловленных и взаимосвязанных отношениях [16, с. 122]. В таком случае деонтическая и волитивная семантика демонстрируют ряд сходных содержательных характеристик: они обладают потенциальным характером, связаны с перспективным временным планом, предполагают презумптивную ценностную установку на полезность и целесообразность действия, формулируются в результате интеллектуальной оценки говорящим субъектом двух соотносимых ситуаций, демонстрируют осознанность ситуации субъектом (целевое действие соотносится с контролируемыми действиями и состояниями, которые осмысляются субъектом).

Дискурсивная актуализация целевой обусловленности необходимости

Рассматриваемые дискурсы отличаются рядом ключевых характеристик, которые определяют как употребительность деонтического высказывания в целом¹, так и востребованность актуализации его целевой обусловленности.

Данные отличия проявляются прежде всего на уровне **метаконцепта** дискурса («познание», «истина», «знание» в научном дискурсе vs «власть» в политическом), что в свою очередь определяет дифференциацию таких важных коммуникативных параметров, как

- *характер дискурсивной деятельности*: познавательный – акционально-практический,
- *коммуникативная цель*: информативная – манипулятивная,
- *дискурсивная функция*: эпистемическая (передача и хранение знания) – побудительная,
- *модусный принцип организации дискурса*: «истинно/неистинно» – «нужно/не нужно»,
- *темпоральная ориентация*: вневременность («абсолютное настоящее») – прогностичность.

Научная коммуникация деперсонализирована и направлена на объект и методологию исследования, требует объективности и сдержанности, в результате чего реализация семантики необходимости, обусловленной пред-

¹ Общее количество деонтических конструкций в выборке русскоязычной политической речи составило 2764, в эмпирическом корпусе немецкоязычных политических высказываний – 1784. В выборке из текстов научного дискурса число деонтических конструкций оказалось крайне низким: в русскоязычной выборке зафиксировано всего 132 конструкции, а в немецкоязычной – 97

ставлением говорящего о «желаемом» («оптативном добре»), крайне ограничена и тесно связана, прежде всего, с целесообразностью, полезностью и обоснованностью, логической доказательностью метода и подхода.

В политике деонтические высказывания всегда носят телеологический характер: используя их, говорящий политик информирует о действиях, выгодных власти и в которых она заинтересована. Здесь высказывания о необходимости описывают способ решения задачи, который, по мнению Э. Лассан, «служит вспомогательным средством для достижения желаемого положения вещей – цели», и «направляют на приведение ситуации в соответствие с интересами субъекта», а решение задачи «предполагает гармонизацию прежней ситуации, ее адаптацию к норме» [17, с. 35, с. 37].

Цель как предвосхищение конечного результата обуславливает нечто в будущем. Именно поэтому в научном дискурсе целевая обусловленность необходимости фиксируется редко (1,5 % от всего эмпирического корпуса), в свою очередь политический дискурс является прогностическим, однако и в нем эксплицированное объяснение необходимого действия целью зафиксировано лишь в 10 % от выборки (независимо от языка).

На уровне представления о цели, реализуемой в подчиненной клаузе, отмечаются очевидные различия. Так, в научном дискурсе ею становится идеальная модель итога познавательной деятельности. В политическом выступлении – конкретный конечный результат (*достижение, реализация, изменение* и т. п.), к которому стремится политическая группа, вербализуя свои инициативы, поскольку постановка цели выступает основополагающим и объединяющим принципом управления.

В этой связи закономерно возникает вопрос о субъекте целеобусловленной необходимости («кому необходимо?»). Как правило, субъект-агенса ситуации-стимула, т. е. субъект деонтического высказывания, одновременно выступает и бенефициаром. Однако в научном дискурсе субъект обосновывает необходимые действия, направленные на достижение целей, выгодных прежде всего субъекту познания, т. е. научной общественности, руководствуясь идеальными мотивами и нормами науки и указывая при этом на существенные этапы в решении научной задачи, что является важнейшей составляющей научной коммуникации.

В свою очередь, в политике цель обосновывает политические решения, реализуемые деонтическими высказываниями, для легитимизации власти и снижения сопротивления предлагаемым изменениям, поэтому выгодоприобретателем от выполнения необходимого действия становится политик/политическая группа. В политике, как подчеркивает Э. Лассан, деонтические конструкции мотивируют действия и направляют аудиторию, в чем проявляется «разум власти» [17, с. 28]. В таких структурах фиксируется эмоционально-волевое проявление потребности политического субъекта в том, чтобы осуществилось некое событие, предпочитаемое им всем остальным.

С точки зрения семантики целевой конструкции в научной коммуникации реализуется **целевая причинность** необходимости (причина действия – цель), в то время как в политической целевая обусловленность является **прямой**, или **функциональной** (цель мотивирует действие, которое предпринимается ради достижения определенного результата)¹.

Дискурсивные вербальные расхождения фиксируются как в целевом компоненте (в риторической ситуации сателлита), так и в ситуации стимула (ситуация в ядре).

Отличие в ситуации стимула проявляется в семантике используемых смысловых глаголов в подчиненной клаузе. В научной коммуникации в целевом компоненте фиксируются глаголы интеллектуальной деятельности (*прояснить, сравнить, описать, объяснить, понять, определить, смоделировать / vergleichen, beschreiben, erklären, definieren, bestimmen* и т. п.):

(1) **Для определения субъективно-модального значения структурной схемы необходимо проанализировать положение и функции субъекта речи в этой схеме** (Солганик 2016, с. 48) [1П].

В политическом выступлении целевая обусловленность необходимости направлена на обеспечение эффективного когнитивного резонанса, на обнаружение осмысленности и целесообразности практической деятельности, поскольку, как подчеркивает Т. ван Дейк, убеждающий характер дискурсивной власти предполагает «использование доводов, аргументов и т. п., увеличивающих вероятность того, что в сознании реципиентов будут построены требуемые ментальные репрезентации» [18, с. 86]. Именно поэтому цель необходимых действий номинируется глаголами созидательной или социальной деятельности (*достичь, реализовать, осуществить, выполнить, повысить / erreichen, realisieren, leisten, verbessern* и т. п.), которые поддерживаются лексемами с положительной коннотацией (*эффективно, прогрессивно, стабильно*), а также темпоральными маркерами, в том числе в компаративе (*быстро, моментально, в скорейшей перспективе* и т. п.):

(2) **Wir müssen Verfahren vereinfachen, um schneller Ergebnisse zu erzielen** (А. Merkel, 04.06.2020) [2П] 'Для достижения более быстрых результатов нам необходимо упростить процессы'.

В свою очередь, в ситуации стимула способом/средством достижения цели, т. е. необходимыми действиями, выступают смысловые глаголы разных семантических групп. В научном дискурсе, нацеленном на познание, доминируют ментальные, которые номинируют познавательные операции, лежащие в основе научной деятельности (например, *установить, рассмотреть,*

¹ Такие виды целевой обусловленности, как условная (цель достижима при условии) и «антицель» (предотвращение нежелательного), реализуемые в политической коммуникации, в данной работе не рассматриваются, поскольку для их реализации используются иные синтаксические конструкции (условные придаточные, а также условные паратактические).

определить), и реже коммуникативные глаголы (прежде всего, управляющие пониманием: *объяснить*, *klargestellt werden* 'прояснить', а также акцентирующие научную информацию: *подчеркнуть*, *отметить*, *заметить*, *darauf hingewiesen werden/angemerkt werden* 'указать'). В политическом выступлении, направленном на практические действия, преобладают поведенческие глаголы, ср.:

(3) **Здесь необходимо разъяснить два момента, чтобы сделать более ясным различие между подходом к частям речи, представленным в настоящем разделе, и прочими подходами, предлагавшимися в современной литературе** (Вежбицкая, с. 143) [3П].

(4) **Решая задачу радикального повышения эффективности нашей экономики, мы должны создать стимулы и условия для продвижения целого ряда направлений** (Путин, 08.02.2008) [4П] ← чтобы повысить эффективность экономики, необходимо создать.

При выборе языковой «упаковки» обусловленности говорящий руководствуется, как отмечают исследователи, прагматическим принципом приоритета, согласно которому коммуникативно значимая информация выражается посредством наиболее развернутого и эксплицитного способа представления денотата (см. [19]). Несмотря на широкую палитру¹ маркеров цели в обоих типах дискурса обнаруживается тенденция к использованию стилистически нейтрального средства, а именно ядерного целевого союза *чтобы/damit*, что обусловлено прагматической установкой субъекта речи коммуникативно выделить желаемое событие, например:

(5) **Однако, для того чтобы полностью понять такие слова, нам необходимо избегать овеществления концептов, которыми нас снабжает наш родной язык, и постараться исследовать соответствующие выражения – включая слова нашего родного языка – с универсальной точки зрения, независимой от конкретной культуры** (Вежбицкая, с.428) [3П].

(6) **Чтобы реализовать общенациональные интересы, необходимы другие цели, другой образ мысли, другая социально-политическая культура** (Зюганов, 20.04.2010) [5П].

Подчинительный союз *чтобы/damit* является релятором, обеспечивающим реализацию сильной риторической связи между дискурсивными единицами [20]. Так, в немецком языке при совпадении агенса действия эквивалентом гипотаксисной структуре становится конструкция с зависимым целевым инфинитивом (*um... zu* + Inf.), которая не имеет материально выраженных

¹ Для языкового оформления целевой обусловленности используется широкая палитра различных показателей: ими могут выступать простые двухкомпонентные предложения с квалификаторами цели, придаточные предложения цели с соответствующими союзами и союзными сочетаниями *чтобы*, *для того*, *чтобы*, *с тем*, *чтобы*, *вместо того*, *чтобы*, *затем*, *чтобы* и др., словосочетания с девербативами (предложные конструкции с лексическими маркерами *с целью*, *ради*, *для/zwecks*, *für*, *zu*) и инфинитивами цели, глагольные конструкции с зависимым целевым инфинитивом (*um... zu* + Inf.).

показателей целевых отношений. Однако политики менее активно используют инфинитив цели и прибегают к коммуникативному усилению, которое маркируется максимально развернутым способом представления цели, в результате чего за счет лексического повтора агенса увеличивает экспрессивность, ср.:

(7) *Andererseits – und das ist meine tiefe Überzeugung – muss man Probleme benennen, auch öffentlich benennen, um sie zu lösen* (Steinmeier, 10.03.2020) [6П] ‘С другой стороны – и в этом я глубоко убежден – чтобы решить проблемы, необходимо их обозначить, обозначить публично’.

(8) *Gleichstellung ist kein Naturgesetz. Wir müssen etwas dafür tun, damit wir weiterkommen* (Gifferey, 06.03.2020) [7П] ‘Равенство – это не закон природы. Мы должны что-то делать, чтобы добиться прогресса’.

В научной коммуникации целевая обусловленность необходимости ментальных действий реализуется в формальной структуре высказывания, в том числе предложными словосочетаниями и отглагольным дериватом, указывающим на ожидаемый итог необходимого действия. Такое сворачивание пропозиции цели при помощи девербатива коммуникативно редуцирует смысл «цель», поскольку осуществляется субституция действия в статическое событие: *действовать* → *действие*, что обусловлено номинальным стилем языка науки и тенденцией к логическому уплотнению высказывания:

(9) *С моей точки зрения, для объяснения указанных фактов необходимо постулировать гипотезу, что в современном английском языке конструкция «an X of mine (his и т. д.)» имеет свое собственное значение, не «партитивное», а, так сказать, «неопределенно-безразличное»* (Вежбицкая, с. 324) [3П].

Девербативная актуализация цели (например, *zur Lösung dieser Probleme*) фиксируется гораздо чаще в немецкоязычной выборке (в соотношении 7 : 1):

(10) *Für die Modellierung der Inhaltsstruktur müssen die einzelnen inhaltlichen Einheiten in der lexikografischen Datenbasis konstituiert und klassifiziert werden* (Müller-Spitzer 2006, S. 4) [8П] ‘Для моделирования структуры содержания необходимо выделить отдельные единицы содержания и классифицировать их в лексикографической базе данных’.

Проявление семантики цели в конструкциях, где о ней сообщает глагол, сильнее и прозрачнее, чем в словосочетаниях с девербативом, поэтому в политическом выступлении девербативы, фиксирующие цель, отмечаются достаточно редко (в 8,5 % от всех целевых конструкций в русскоязычной выборке они выражены предложными сочетаниями *для достижения, исключения, предотвращения, развития, создания, реализации*; и в 6,3 % в немецкоязычной – *zur Entlastung* ‘для облегчения’, *zur Erreichung* ‘для достижения’).

Кроме этого, в политическом дискурсе целевая обусловленность реализуется при помощи не только структур гипотаксиса или девербатива, но и ядерной лексики *цель/Ziel*, которая выполняет анафорическую функцию, отсылая к названному ранее желаемому результату:

(11) *Natürlich haben wir auch eigene Aufgaben. Dazu gehört die Umsetzung des Rechtsanspruchs auf einen Kindertagesstättenplatz. Am 1. August 2013 muss dieses Ziel erreicht sein* (A. Merkel, 12.09.2012) [9П] 'Конечно, у нас есть и свои задачи. К ним относится обеспечение законного права на место в детском саду. Эта цель должна быть достигнута к 1 августа 2013 года'.

Об очевидной заинтересованности и акцентировании семантики воли-тивности свидетельствуют конъюнктивные структуры, где сочетаются воли-тивный и деонтический предикаты, выполняющие риторическую экспрессивную и аргументативную функции:

(12) *Wir wollen und müssen alle Möglichkeiten ausschöpfen, um zu einer Verbesserung der Lage in Deutschland und damit der Menschen in unserem geteilten Land zu kommen* (Kohl, 10.09.1987) [10П] 'Мы хотим и должны использовать все возможности для улучшения ситуации в Германии и, следовательно, положения людей в нашей разделенной стране'.

В деонтических конструкциях целевой обусловленности, которые свидетельствуют о заинтересованности говорящего в необходимых действиях, ведущих к цели, отмечается переплетение деонтической и воли-тивной семантики, при этом выбор действия определяется рациональным основанием «польза», прежде всего в науке, в политике добавляется иррациональная база цели – «желание политической группы».

Выявленные отличия по ключевым дискурсивным параметрам научной и политической коммуникации (характер дискурсивной деятельности, коммуникативная цель, дискурсивная функция, модусный принцип организации, темпоральная ориентация) обуславливают как разницу в употребительности деонтических высказываний с экспликацией объяснения модального отношения, так и дифференциацию представления о цели, бенефициара осуществления необходимого действия, семантики целевой конструкции, а также вербального наполнения конструкций с точки зрения семантической сферы глаголов действий (в науке целью и стимулом является ментальное действие, в политике – созидательное).

Само коммуникативное оформление смысла «цель необходимости» обладает динамическим характером. Выбор конкретной языковой формы целевой обусловленности необходимости из широкой палитры маркеров цели лежит в плоскости прагматических установок субъекта речи и определяется прежде всего важностью коммуникативного усиления, которое реализуется максимально развернутым способом подачи цели – гипотаксисной структурой. При этом палитра оформления целевой обусловленности необходимости в политике в результате ее высокой риторичности значительно разнообразнее (придаточное цели, инфинитив цели, девербатив, конъюнктивные структуры).

В обоих типах дискурса целевая обусловленность необходимости выступает с коммуникативной точки зрения **аргументативной** тактикой, с когнитивной точки зрения – **конструирующим** модулем, который участвует в построении процесса восприятия и интерпретации информации для обеспечения адекватного восприятия семантически значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 252 с.
2. *Вежбицка, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.
3. *Степанов, Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; отв. ред. В. П. Нерознак. – Изд. 3-е. – М. : URSS ЛЕНАНД, 2016. – 334 с.
4. *Лейбниц, Г. В.* Сочинения : пер. с фр. : в 4 т. / Г. В. Лейбниц ; ред., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. – М. : Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
5. *Сытько, А. В.* Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков) / А. В. Сытько. – Минск : МГЛУ, 2023. – 248 с.
6. *Givon, T.* Syntax. A functional typological introduction / T. Givon. – Amsterdam, 1990 – Vol. 2. – 552 p.
7. *Арутюнова, Н. Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
8. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
9. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
10. *Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 399 с.
11. *Вригт, Г. Х. фон.* Нормы, истина и логика / Г. Х. фон Вригт // Логико-философские исследования : избр. тр. : пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова ; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. – М., 1986. – С. 290–411.
12. *Дружинина, С. И.* Сложноподчиненные предложения обусловленности: виды и разновидности / С. И. Дружинина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 30–37.

13. *Земскова, Л. П.* Предложения с каузальными ситуантами в современном русском языке (на материале философской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Земскова Людмила Петровна. – Воронеж, 1991. – 23 с.
14. *Ивин, А. А.* Основания логики оценок / И. П. Ивин. – М. : МГУ, 1970. – 229 с.
15. *Kiefer, F.* On Defining Modality / F. Kiefer // *Folia Ling.* – 1987. – Bd. 21 (1). – P. 64–97.
16. *Шелякин, М. А.* Модально-аспектуальные связи / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л., 1990. – С. 110–123.
17. *Лассан, Э.* Лингвистика ставит диагноз... Очерк «духа эпохи» в свете данных лингвистического анализа / Э. Лассан. – Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 2011. – 251 с.
18. *Дейк, Т. А. ван* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : УРСС: Книжный дом ЛИБРРОКОМ, 2015. – 352 с.
19. *Воронина, Л. В.* Текстовые единицы с семантикой цели в дискурсивной перспективе / Л. В. Воронина // *Неофилология.* – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 812–820.
20. *Сусов, А. А.* Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры / А. А. Сусов // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика.* – 2006. – № 2. – С. 133–138.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- 1П. *Солганик, Г. Я.* Очерки модального синтаксиса : монография / Г. Я. Солганик. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 136 с.
- 2П. Rede von der Bundeskanzlerin Angela Merkel, 04.06.2020. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-1758120> (дата обращения: 12.02.2026).
- 3П. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая : пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.
- 4П. Выступление президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 08.02.2008. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 12.05.2025).
- 5П. Выступление Председателя ЦК КПРФ, руководителя фракции Компартии в Государственной Думе ФС РФ Г. А. Зюганова, 20.04.2010. – URL: <https://kprf.ru> (дата обращения: 12.03.2025).

- 6П. Rede vom Bundespräsidenten Frank-Walter Steinmeier, 10.03.2020. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-walter-steinmeier-1730900> (дата обращения: 12.02.2026).
- 7П. Rede von Bundesministerin für Familie, Senioren, Frauen und Jugend F. Gifferey, 06.03.2020. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-der-bundesministerin-fuer-familie-senioren-frauen-und-jugend-dr-franziska-giffey--1729300> (дата обращения: 12.02.2026).
- 8П. *Müller-Spitzer, C.* Das Konzept der Inhaltsstruktur / C. Müller-Spitzer // OPAL. – 2006. – № 2. – URL: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/opal/pdf/opal2006-2.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
- 9П. Rede von der Bundeskanzlerin Angela Merkel, 12.09.2012. – URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/09/2012-09-12-bkin-haushalt.html> (дата обращения: 12.02.2026).
- 10П. Rede vom Bundeskanzler Helmut Kohl, 10.09.1987. – URL: https://www.helmut-kohl.de/index.php?menu_sel=17&menu_sel2=126&menu_sel3=&menu_sel4=&msg=kohl/1942.html (дата обращения: 12.02.2026).

Поступила в редакцию 19.03.2026

УДК 81'25(510+476):008

Сюй Юся

аспірант кафедры беларускай філалогіі
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
замежных моў
г. Мінск, Беларусь

Xu Yuxiao

PhD Student of the Department
of Belarusian Philology
and World Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nxuyuxiaoc0402t@163.com

ДАСЛЕДАВАННІ ПА ТЭОРЫІ І ПРАКТЫЦЫ ПЕРАКЛАДУ Ў КІТАІ І БЕЛАРУСІ: КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

У артыкуле праведзены аналіз рэпрэзентацыі культуралагічнага аспекту ў даследаваннях па тэорыі і практыцы перакладу; вызначаны культуралагічны паварот у замежным перакладазнаўстве і яго ўплыў на савецкае (у рамках якога развіваліся і беларускія даследаванні перакладу) і кітайскае перакладазнаўства; выяўлены ўклад кітайскіх і беларускіх вучоных у станаўленне і развіццё культуралагічнага перакладазнаўства ў Кітаі і Беларусі; абгрунтавана роля супастаўляльнага даследавання мовы беларуска-кітайскіх перакладаў у культуралагічным аспекце.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *культуралагічны аспект; тэорыя і практыка перакладу; культуралагічнае перакладазнаўства; культурны паварот; супастаўляльны аналіз; беларуска-кітайскія ўзаемасувязі.*

RESEARCH ON THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN CHINA AND BELARUS: THE CULTURAL ASPECT

The article analyzes the representation of the cultural aspect in research on the theory and practice of translation; defines the cultural turn in foreign translation studies and its influence on Soviet (within which Belarusian translation studies developed) and Chinese translation studies; identifies the contribution of Chinese and Belarusian scientists to the formation and development of cultural translation studies in China and Belarus; substantiates the role of comparative studying the language of Belarusian-Chinese translations in the cultural aspect.

Key words: *cultural aspect; theory and practice of translation; cultural translation studies; cultural turn; comparative analysis; Belarusian-Chinese interrelations.*

Праблема дэкадзіравання маўлення для ажыццяўлення камунікацыі існуе з таго часу, як у гісторыі цывілізацыі пачаліся працэсы раздзялення людзей на групы, якія карысталіся рознымі мовамі. На працягу ўсёй гісторыі чалавецтва розныя народы ўступалі ў разнастайныя адносіны ва ўсіх сферах грамадскага жыцця – у палітыцы і дыпламатыі, у навуцы і рэлігіі, у мастацтве і ваеннай справе. Яшчэ са старажытных часоў пераклад стаў сродкам моўнага пасрэдніцтва і на працягу многіх стагоддзяў з'яўляецца сродкам зносін як паміж дзяржавамі, так і паміж народамі ў шматнацыянальных дзяржавах.

Нягледзячы на тое што пераклад як від моўнага пасрэдніцтва існаваў даўно, тэарэтычнае яго асэнсаванне пачалося толькі пасля таго, як тэорыя перакладу стала самастойнай дысцыплінай, што адбылося ў другой палове ХХ ст. Як адзначаецца ў многіх даследаваннях, тэрмін «перакладазнаўства» (translation studies) упершыню быў прапанаваны Д. Холмсам у 1970-я гады. Акрэсліваючы контуры той галіны, якая стала вядомая як «перакладазнаўства», Холмс выдзеліў тры напрамкі даследаванняў: па-першае, дэскрыптыўны падыход, закліканы апісаць вядомыя факты перакладу, як яны ёсць; па-другое, тэарэтычны падыход, закліканы высветліць прынцыпы, якія тлумачаць гэтыя факты; і, па-трэцяе, прыкладны падыход, які змог бы на аснове даных, атрыманых з дапамогай першых двух, спрыяць практычнаму перакладу і падрыхтоўцы перакладчыкаў.

Пераклад доўгі час разумеўся як працэс пераўтварэння маўленчага твора (тэксту) на адной мове ў тэкст на іншай мове пры захаванні нязменным плана зместу. Гэта значыць, што пры перакладзе адбываецца замена адзінак мовы, але захоўваецца нязменная змешчаная ў тэксце інфармацыя. З устанаўлення моўных адпаведнікаў паміж мовай арыгінала і мовай перакладу і зыходзіла напачатку тэорыя перакладу, якая прайшла шлях ад лінгвістычнай канцэпцыі да сучаснай інтэрпрэтацыі перакладу як інструмента міжкультурных зносін.

Звяртаючыся да культуралагічнага аспекту даследаванняў перакладу, варта адзначыць скопас-тэорыю (распрацавана нямецкімі лінгвістамі Катарынай Райс і Гансам Вермеерам у 1970-х гадах), якая пераключала акцэнт з чыста лінгвістычнага аспекту на культуралагічны і дала штуршок культуралагічнаму напрамку ў перакладазнаўстве. У аснове скопас-тэорыі ляжыць паняцце мэты (scopos – грэч. мэта); «працэс перакладу дэтэрмінаваны не зыходным тэкстам, не яго камунікатыўным эфектам у зыходнай лінгвакультуры, не той функцыяй, якую яму “прыпісаў” аўтар, як гэта лічыцца ў традыцыйнай тэорыі перакладу, дзе адносіны арыгінал/пераклад апісваюцца ў тэрмінах эквівалентнасці, а той функцыяй, якую меркавана павінен будзе выконваць тэкст перакладу ў новым сацыякультурным асяроддзі» [1]. Галоўны прыныцп гэтай тэорыі заключаецца ў наступным: мэта перакладу (скопас) вызначае метады і стратэгіі перакладу, дзе функцыянальнасць мэтавага тэксту з’яўляецца больш важнай, чым даслоўная эквівалентнасць арыгіналу.

Асэнсаванне перакладчыцкага працэсу як з’явы шматаспектнай, пры якой супастаўляюцца не толькі моўныя формы, але і моўнае бачанне свету, сітуацыя зносін і пазамоўныя фактары, звязаныя з паняццем «культура», адбылося ў 1990-я гады.

Культурны паварот¹ у даследаваннях перакладу належыць брытанскаму тэарэтыку перакладу Сьюзан Баснет, якая лічыць, што адзінкай перакладу павінна быць культура, а не традыцыйныя словы, сказы, абзацы ці тэкст. Сутнасць перакладу, сцвярджае яна, заключаецца ў культурным абмене, выхадзе

¹ В. І. Фралоў лічыць больш правільным называць яго сацыяпрагматычным, паколькі на першы план у даследчыкаў выходзяць менавіта прагматычныя фактары, абумоўленыя камунікатыўнай сітуацыяй [2, с. 216].

за межы семантычнай эквівалентнасці і рэалізацыі функцыянальнага эквівалента ў культуры. Пры гэтым культура павінна быць на першым месцы, а інфармацыя – на другім. Дзякуючы культурнаму перавароту ў перакладазнаўстве, распачатаму Сюзен Баснет і Андрэ Лефеўрам, аб'ект даследавання быў перагледжаны, «цяпер ім стаў тэкст, убудаваны ў сетку адносін паміж зыходнымі і перакладзенымі культурнымі знакамі, і на гэтым шляху перакладазнаўства выкарыстоўвала не толькі лінгвістычны падыход, але і выйшла далёка за яго межы» [3, р. 12].

Такім чынам, асновай культурнага перавароту стала ўяўленне пра тое, што пераклад з'яўляецца перастварэннем і што такое перастварэнне магчыма як на ўнутрымоўным, так і на міжмоўным узроўнях. Гэта дазволіла даследаваць магчымасці перастварэння тэкстаў у межах адной культуры, а таксама асэнсаваць пераклад як сродак зносін у межах розных культур. А. Лефеўр сцвярджаў, што пераклад з'яўляецца самай значнай з усіх формаў перастварэння, «паколькі ён здольны праецыраваць вобраз аўтара і яго твора (твораў) у іншае культурнае асяроддзе, пашыраючы межы ўспрымання гэтага аўтара і твораў за межамі культуры, якая іх нарадзіла» [4, р. 9].

Пераклад як від моўнага пасрэдніцтва пры гэтым з'яўляецца не толькі сродкам міжмоўнай, але і міжкультурнай камунікацыі, што звязана з разуменнем мовы як кампанента культуры, а культура разглядаецца як сукупнасць матэрыяльных і духоўных дасягненняў грамадства, што ўключае ўсю шматграннасць гістарычных, сацыяльных і псіхалагічных асаблівасцей этнасу, яго традыцыі, погляды, каштоўнасці, сацыяльныя інстытуты, паводзіны, быт, умовы жыцця. Іншымі словамі, у працэсе маўленчых зносін з дапамогай перакладу ўзаемадзейнічаюць не толькі дзве ці больш мовы, але і дзве ці больш культуры. Мова ў такім выпадку трактуецца як адзінае сацыяльна-культурнае ўтварэнне, якое перадае асаблівасці этнасу як носьбіта пэўнай культуры, што выдзяляе і адрознівае яго ад іншых культур.

Культурны паварот, які адбыўся ў заходнім перакладазнаўстве, аказаў вялікі ўплыў як на савецкае (у рамках якога развіваліся і беларускія даследаванні перакладу), так і кітайскае перакладазнаўства.

Прыхільнікі савецкай тэорыі перакладу (А. В. Фёдараў, Я. І. Рэцкер, Л. С. Бархудараў, В. Н. Камісараў і інш.) былі прадстаўнікамі асобага напрамку ў мовазнаўстве – лінгвістычнага перакладазнаўства, або лінгвістыкі перакладу. Асновы перакладу, якія грунтуюцца на параўнанні моўных сістэм, былі закладзены А. В. Фёдаравым у яго працах «О художественном переводе» (1941), «Введение в теорию перевода» (1953), «Основы общей теории перевода» (1966). Цэлую сістэму тэарэтычных поглядаў на пераклад стварылі вучні А. В. Фёдарава. Так, Я. І. Рэцкер сфармуляваў асноўны перакладчыцкі закон заканамерных адпаведнікаў і выдзеліў наступныя іх віды: 1) эквіваленты, 2) аналагі, або варыянтныя адпаведнікі, 3) адэкватныя замены [5; 6]. Значнай падзеяй у фарміраванні і станаўленні лінгвістычнай тэорыі пера-

кладу сталі працы Л. С. Бархударова («Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода», 1975) і В. Н. Камісарава («Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе)», 1980).

У працах А. В. Фёдарова, Я. І. Рэцкера, Л. С. Бархударова, В. Н. Камісарава і інш. акцэнт ставіўся на адрозненнях моўных сістэм і стратэгіях іх пераадолення. Варта адзначыць, што ў межах лінгвістычнай тэорыі перакладу дастаткова ўвагі надавалася і такім аспектам перакладу, як функцыянальны, камунікатыўны, псіхалагічны. Апошні аспект звязаны з працамі І. А. Зімянай, якая паклала пачатак навуковаму вывучэнню перакладу як працэсу [7].

Адным з істотных дасягненняў савецкай тэорыі перакладу з'явілася новая фармулёўка паняцця адэкватнасці перакладу як паняцця функцыянальнай дакладнасці. Пры гэтым арыгінал разглядаецца як сістэма, а не як сума элементаў, як арганічнае цэлае, а не як механічнае аб'яднанне састаўных частак. У такой сістэме кожны яе элемент выконвае пэўную камунікатыўную і эстэтычную функцыю. Задача перакладчыка – не проста механічна ўзнавіць арыгінал, а перадаць усю мастацкую сістэму аўтара, не капіраваць элементы і структуры арыгінала, а ўсвядоміць іх функцыі і перадаць іх сродкамі сваёй мовы.

Упершыню ў савецкім перакладазнаўстве на культуралагічны аспект звярнуў увагу А. Д. Швейцар [8; 9], які пісаў, што пераклад – гэта не толькі судакрананне дзвюх моўных сістэм, але і розных культур, а часам і розных цывілізацый. Аўтар адзначаў, што працэс перакладу дэтэрмінуецца не толькі моўнымі, але і сацыяльнымі і псіхалагічнымі фактарамі, што для тэорыі перакладу важна не толькі супастаўленне моўных сістэм, але і выяўленне іх маўленчых рэалізацый.

Сучаснае расійскае перакладазнаўства дэманструе цікавасць да мадэлявання перакладу з розных пазіцый у рэчышчы змены парадыгмы – ад лінгвістычнай да камунікатыўнай, ад структурнай да дзейнаснай.

Варта адзначыць, што і беларуская, і кітайская навука аб перакладзе – гэта вынік перш за ўсё савецкай школы перакладу, на якую значны ўплыў аказала замежнае перакладазнаўства.

Сёння пераклад у Кітаі адносіцца да ліку высокаразвітых індустрыяў, дзе штогод з'яўляюцца новыя перакладчыцкія адукацыйныя ўстановы, нацыянальныя супольнасці, асацыяцыі перакладчыкаў Кітая. Больш за тое, кітайскія даследчыкі прымаюць удзел у міжнародных прафесійных супольнасцях ў сферы перакладу, актыўна публікуюцца ў навуковых часопісах на кітайскай, англійскай і рускай мовах, выдаюць новыя вучэбныя дапаможнікі і манаграфіі ў галіне тэарэтычнага асэнсавання перакладчыцкай дзейнасці. Гэта дазваляе зрабіць выснову, што да цяперашняга часу Кітай назапасіў дошыць багаты вопыт у галіне тэорыі і практыкі перакладу.

У кітайскім перакладазнаўстве адзначаюцца дзве асноўныя тэндэнцыі: дамінуючае становішча лінгвістычнай тэорыі перакладу і цікавасць кітайскіх і замежных навукоўцаў да вывучэння перакладу на матэрыяле кітайскай мо-

вы ў супастаўленні з іншымі мовамі на фоне ўздыму тэорыі перакладу ў Кітаі і імкнення да міждысцыплінарнасці. Сучасная кітайская тэорыя перакладу з'яўляецца вынікам ўзаемадзеяння кітайскай традыцыйнай тэорыі перакладу і дасягненняў замежнага перакладазнаўства са значным уплывам савецкай школы, як адзначае Ван Мэня, «сучаснае развіццё тэорыі перакладу ў Кітаі грунтуецца на <...> традыцыі, запазычанні, іх сінтэзе і сістэматызацыі» [10, с. 8].

Нягледзячы на тое што, як сцвярджае Ван Мэня, «лінгвістычная мадэль перакладу як найбольш блізкая кітайскай ментальнасці застаецца дамінуючай у навуцы аб перакладзе да гэтага часу, а “правільнасць” – асноўным крытэрыем перакладу» [10, с. 12], варта пагадзіцца з даследчыкам Ян Шычжанам, які адзначае, што ўжо ў 1990-ыя гады з'явіліся працы, якія сведчаць пра развіццё такога напрамку перакладазнаўства ў Кітаі, як пераклад культур [11].

Культуралагічнае перакладазнаўства ў Кітаі пачалося з вывучэння перакладу культурнай інфармацыі ў тэксце арыгінала і, можна сказаць, што на сённяшні дзень сфарміравалася як самастойная дысцыпліна. Спроба звярнуць увагу на тое, што пераклад – гэта міжмоўная перадача інфармацыі і культурны абмен паміж нацыямі, якія маюць розныя мовы, належыць Лю Міціну, які лічыў, што «па-першае, вывучэнне тэорыі перакладу павінна быць звязана з моўнай рэальнасцю пэўнай краіны, г. зн. яно павінна зыходзіць з рэалій мовы і культуры гэтай краіны і гэтай нацыі, асабліва іх незвычайных рыс, зыходзіць з рэальнай сітуацыі ў вывучэнні і супастаўленні мовы і культуры <...> Цалкам эфектыўныя вынікі могуць прынесці даследаванні, якія выходзяць за рамкі ўласна перакладу, асабліва вывучэнне культуралагічных аспектаў» [12]. Першымі манаграфіямі ў галіне культуралагічнага перакладазнаўства сталі працы Ван Бінціня «Культуралагічнае перакладазнаўства» (1995) і Лю Міціна «Нарысы аб перакладзе культур» (1999), якія ў значнай ступені садзейнічалі развіццю тэорыі перакладу культур у Кітаі, а таксама далі штуршок многім прыкладным даследаванням: «Прыкладное культуралагічнае перакладазнаўства» Баа Хуэйняна і Баа Ана (2000), «Праблема экзатычных культурных асаблівасцей пры перакладзе раманаў» Ян Сяаджуна (2013), «Пераклад і культура» Цянь Чуаньмаа і Ван Фэна (2017), «Пераклад у культурнай перспектыве» Чжан На (2017), «Даследаванне перакладу культур у розных перспектывах» Хань Дэіна (2018) і інш. Аднак варта прызнаць, што «ў многім гэтыя работы застаюцца практыка-арыентаванымі даследаваннямі» [11, с. 55].

Значным укладам у развіццё тэорыі перакладу культур стала манаграфія прафесара Інстытута Расіі, Усходняй Еўропы і Цэнтральнай Азіі Шанхайскага ўніверсітэта замежных моў Ян Шычжана [13], у якой даецца навуковае абгрунтаванне культуралагічнага перакладазнаўства як самастойнай дысцыпліны ў межах перакладазнаўства. Аўтар абгрунтоўвае дысцыплінарную сістэму культуралагічнага перакладазнаўства, у якую ўваходзяць чатыры асноўныя напрамкі: метатэорыя (азначэнне, тэарэтычныя асновы, характарыстыкі дысцыпліны, прадмет, задачы, метады даследавання, дысцыплінарная

сістэма), гістарычныя даследаванні (гісторыя тэорыі перакладу культур, гісторыя ўплыву перакладу культур), базавая тэорыя (апісанне працэсу перакладу культур, інтэрпрэтацыя вынікаў перакладу культур) і прыкладныя даследаванні (крытыка перакладу культур, палітыка перакладу, падрыхтоўка перакладчыкаў). Гэта работа найбольш поўна раскрывае фундаментальную тэарэтычную структуру культуралагічнага перакладазнаўства і садзейнічае не толькі развіццю гэтага напрамку ў Кітаі, але і перакладазнаўства ў цэлым.

У беларускім перакладазнаўстве яшчэ ў 1980-я гады розныя аспекты мастацкага перакладу сталі прадметам сур'ёзных даследаванняў. Так, напрыклад, абагульняльную працу па гісторыі і тэорыі перакладу П. І. Копанева [14] назвалі ў свой час «энцыклапедыяй сусветнай гісторыі перакладу» [15]. У манаграфіі аўтар на аснове найноўшых для таго часу матэрыялаў гуманітарных навук даследуе сацыяльна-гістарычныя, нацыянальна-этнічныя, літаратурна-лінгвістычныя і іншыя заканамернасці працэсу перакладу, а таксама робіць крытычны разбор тэорыі еўрапейскай перакладчыцкай традыцыі, пачынаючы з Цыцэрона. Даследаванне П. І. Копанева ўнесла значны ўклад у развіццё метадалогіі і тэорыі перакладу і стала асновай для далейшых навуковых пошукаў, аднак аўтар не закранае пытанні тэорыі і гісторыі беларускага перакладазнаўства, якое ўжо і на той час дастаткова развівалася, часцей, аднак, у літаратуразнаўчым аспекце (С. Александровіч, Н. Лапідус, Ц. Ліякумовіч, Э. Мартынава, Д. Палітыка, І. Чарота, В. Рагойша, А. Яскевіч і інш.). Даследаванні лінгвістычнага характару ў асноўным прысвечаны перакладу з блізкароднасных моў (часцей у пары беларуская – руская мовы): працы Т. М. Трыпуцінай, А. В. Шыдлоўскага, А. А. Гіруцкага, І. Я. Лепешава і інш.

Спецыяльныя даследаванні перакладу ў культуралагічным аспекце адсутнічаюць, але беларускія даследчыкі, разглядаючы розныя моўныя адзінкі ў арыгінале і перакладзе на іншыя мовы, звычайна звяртаюцца да нацыянальна-культурных пытанняў. Так, даследаванне А. М. Лапцёнак [16] прысвечана лексіка-фразеалагічным асаблівасцям перакладу твораў Івана Навуменкі на рускую мову ў аспекце праблемы эквівалентнасці. У асобнай главе даследавання аўтар аналізуе адлюстраванне нацыянальнай спецыфікі перакладных твораў І. Навуменкі (спосабы перадачы безэквівалентнай лексікі, беларусізмы ў перакладных тэкстах). Этнакультурны аспект фразеалагічных адзінак у мастацкай прозе У. Караткевіча і асаблівасці іх перакладу на рускую мову разглядае В. Т. Іватовіч [17]. Значнасць фактара культуры пры перакладзе адзначае І. В. Галубенка: «Эквівалентны пераклад уключае ў сябе эстэтычны, інфармацыйны і канататыўны аспекты, якія прадвызначаюцца пэўнай культурай і ўказваюць на яе» [18]. На асаблівасцях перадачы арыгінальных лексічных адзінак (безэквівалентная лексіка, тапанімічныя і антрапанімічныя назвы) на рускую мову акцэнтуюцца ўвага ў даследаванні А. М. Астапчук [19]. На захаванасць у перакладзе нацыянальна-культурнай спецыфікі моўнай карціны свету аўтара мастацкага твора звяртае ўвагу А. Я. Мантур [20].

Асобныя раздзелы прысвечаны культуралагічным рэаліям і нацыянальна-культурнаму кампаненту ў працы А. Таболіч, якія, як падкрэслівае аўтар, адлюстроўваюць спецыфічнае бачанне народамі рэалій, якія могуць існаваць і ў іншых народаў, але разумеюцца іншай моўнай супольнасцю па-свойму, таму «такія адзінкі можна перакласці з адной мовы на іншую, але трэба ўлічваць іх месца ў сістэмах мовы перакладу і моўнай карціне свету таго этнасу, на чыю мову робіцца пераклад» [21, с. 113], што ілюструецца прыкладамі паэтычных і празаічных перакладаў з беларускай мовы на англійскую.

Варта адзначыць, што параўнанне моўных адзінак (у тым ліку і ў культуралагічным аспекце) стала дастаткова пашыранай з'явай у беларускіх даследаваннях: дысертатыўныя працы І. Г. Доды, Н. І. Лапцкай, А. В. Кавалені, В. А. Арцёмавай, І. С. Лісоўскай, Т. П. Ключановіч, В. Д. Сіняк, А. В. Тучынскага і інш.

Апошнім часам у Беларусі абаронены шэраг дысертатый, прысвечаных даследаванню пэўных моўных аспектаў у параўнанні з кітайскай мовай. Аднак усе даследаванні праводзіліся на матэрыяле рускай і кітайскай моў (Чжаа Наньнань, Ма Лун, Юй Юань), кітайскай, рускай і англійскай моў (Лю Пэн). Даследаванні на матэрыяле супастаўлення беларускай і кітайскай моў адсутнічаюць.

Зразумела, што параўнальнае вывучэнне дзвюх ці некалькіх моў – актуальнае пытанне для сучаснай беларускай лінгвістыкі. Яно дае магчымасць устанавіць падабенства і адрозненне паміж мовамі, вызначыць агульныя тэндэнцыі ў іх развіцці, а таксама выявіць тое, што складае нацыянальную спецыфіку кожнай з моў. Аднак пры параўнальным даследаванні моў звычайна пад увагу прымаецца прыналежнасць моўных адзінак да аднаго і таго ж узроўню моўнай сістэмы – граматычнага, лексічнага і г. д. – пры ўмове іх пэўнай семантычнай агульнасці. Найбольш жа поўным і самым натуральным параўнаннем моў з'яўляецца мастацкі пераклад, паколькі мовы (у арыгінале і перакладзе) выступаюць з аднымі і тымі ж вобразна-эстэтычнымі задачамі і функцыямі і ў найбольш дасканалай форме свайго існавання – форме мастацкай мовы (П. І. Копанеў). Акрамя таго, вынікі параўнальнага даследавання розных моў – аснова для тэорыі перакладу, параўнанне з'яўляецца першаэлементам усяго перакладчыцкага працэсу.

Такім чынам, культурны паварот у даследаваннях перакладу дазволіў выйсці за рамкі лінгвістычнай тэорыі і асэнсаваць працэс перакладу не толькі як моўнае пераўтварэнне, але і трансплантацыю культуры. Пры гэтым беларускае і кітайскае перакладазнаўства развіваліся пад значным уплывам савецкай школы перакладу з улікам тэндэнцый замежнага перакладазнаўства. Нягледзячы на значныя здабыткі ў галіне тэорыі і практыкі перакладу, да гэтага часу застаюцца актуальнымі перакладчыцкія пошукі, сутнасць якіх у звароце да больш канкрэтных пытанняў перакладу і супастаўляльнага аналізу мовы арыгінала і перакладу.

Аналіз даследаванняў у галіне тэорыі і практыкі перакладу ў Беларусі і Кітаі паказаў, што, нягледзячы на актыўнае развіццё беларуска-кітайскіх літаратурных сувязей і міжкультурнай камунікацыі [22], супастаўляльнае вывучэнне беларускай і кітайскай моў не праводзілася. Разам з тым шматлікія пераклады твораў беларускай літаратуры на кітайскую мову даюць багаты матэрыял для даследавання. Вывучэнне асаблівасцей мовы мастацкага твора і спосабаў іх перадачы на кітайскую мову, выяўленне спосабаў перакладу з беларускай мовы на кітайскую моўных адзінак, у якіх знайшлі адбітак працяўленні культуры, аналіз перакладчыцкіх знаходак і памылак будзе спрыяць не толькі развіццю культуралагічнага перакладазнаўства ў Кітаі і Беларусі, але і эфектыўнаму дыялогу нацыянальных культур, узаемнаму пазнанню народаў абедзвюх краін, дазволіць пазбегнуць непаразумення і канфліктаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Нестерова, Н. М. SKOPOS THEORY (скопос-теория) / Н. М. Нестерова // Основные понятия англоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. – 2011. – С. 178–180. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skopos-theory-skopos-teoriya> (дата обращения: 16.01.2026).*
2. *Фролов, В. И. К вопросу о периодизации переводческой мысли / В. И. Фролов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2020. – № 4 (67). – С. 210–217.*
3. *Translation History and Culture / ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. – London : Pinter Publ., 1990. – 141 p.*
4. *Lefevere, A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame / A. Lefevere. – London, New York : Routledge Publ., 1992. – 184 p.*
5. *Рецкер, Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода : сб. ст. / Академия пед. наук РСФСР ; под ред. К. А. Ганшиной, И. В. Карпова. – М., 1950. – С. 156–178.*
6. *Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Междун. отношения, 1974. – 216 с.*
7. *Зимняя, И. А. Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.*
8. *Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.*
9. *Швейцер, А. Д. Советская теория перевода за 70 лет / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5. – С. 9–17.*

10. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ван Мэняо ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2014. – 19 с.
11. Ян Шичжан. Культурологическое переводоведение в Китае / Ян Шичжан // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 46–61.
12. 刘必庆. 翻译理论研究展望. 中国翻译. 1996年6 (Лю Міцін. Перспективы даследаванняў тэорыі перакладу / Лю Міцін // Кітайскі часопіс па перакладзе. – 1996. – № 6).
13. 杨仕章. 文化翻译学. 北京: 商务印书馆, 2020. 305页 (Ян Шычжан. Даследаванні культурнага перакладу / Ян Шычжан. – Пекін: Выд-ва «Камерцыйная тыпаграфія», 2020. – 305 с.).
14. Копанев, П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : БГУ, 1972. – 296 с.
15. Новицкий, М. Буква и дух перевода / М. Новицкий // Вечерний Минск. – 1973. – 22 авг.
16. Лапцёнак, А. М. Лексіка-фразеалагічныя асаблівасці перакладу твораў Івана Навуменкі на рускую мову ў аспекце праблемы эквівалентнасці : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01; 10.02.02 / Лапцёнак Алена Мікалаеўна ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – 24 с.
17. Иватович, В. Т. Фразеологизмы в художественной прозе В. Короткевича и особенности их перевода на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / Иватович Валентина Тадеушев-на ; БГПУ им. М. Танка. – Минск, 2001. – 20 с.
18. Галубенка, І. В. Лексіка-стылістычная эквівалентнасць беларускіх перакладаў рускай прозы (на матэрыяле рускага савецкага апавядання) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Галубенка Ірына Вячаславаўна ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – 21 с.
19. Астапчук, А. М. Структурна-стылістычная арганізацыя мініяцюр Янкі Брыля і яе адлюстраванне ў рускіх перакладах : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Астапчук Алена Міхайлаўна ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 18 с.
20. Мантур, А. Я. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы ў беларускамоўных паэтычных творах і іх карэляты ў рускамоўных перакладах : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Мантур Алена Яўгеньеўна ; БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2022. – 25 с.
21. Таболіч, А. Таямніцы мастацкага перакладу: English–Belarusian / А. Таболіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 148 с.
22. Рэцэпцыя беларускай літаратуры ў Кітаі (XX–XXI стст.) / М. М. Хмяльніцкі [і інш.] ; пад навук. рэд. М. М. Хмяльніцкага. – Мінск : БДУ, 2024. – 135 с.

Поступила в редакцию 25.04.2026

УДК 811.161.3

Чайка Наталья Владимировна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры языкознания и
лингводидактики

Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Natalia Chaika

Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Belarusian
Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

МЕХАНИЗМЫ МАРКИРОВКИ СЕМАНТИКИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ЭЛЛИПСИСОМ ГЛАГОЛА

Актуальность исследования механизмов регулирования компенсаторной функции компонентов в конструкциях с эллипсисом глагола обусловлена необходимостью установить специфику способов экспликации предикативных значений в эллиптических предложениях и условия их функционирования, а также охарактеризовать компенсаторные свойства парадигмы структурно-синтаксических модификаций в эллипсированных единицах. Языковые механизмы регулируют компенсаторную функцию частей в структуре полипредикативных синтаксических единиц с эллипсисом глагола, замещение эллипсированного сказуемого функционально тождественным компонентом, выступающим в качестве показателя семантики в анализируемых конструкциях, а также структурирование семантических типов эллиптических конструкций в соответствующие модели и схемы.

Ключевые слова: *эллипсис; компенсаторный признак; параметры типологии; инвариантные модели; структурные и семантические модели; тип предиката; темпоральность.*

MECHANISMS OF SEMANTIC MARKING IN CONSTRUCTIONS WITH VERB ELLIPSIS

The relevance of studying the mechanisms regulating the compensatory function of components in constructions with verb ellipsis is determined by the need to establish the specific methods to explicate predicative meanings in elliptical sentences and the conditions of their functioning, as well as to characterize the compensatory properties of the paradigm of structural-syntactic modifications in elliptical units. Linguistic mechanisms regulate the compensatory function of parts in the structure of polypredicative syntactic units with verb ellipsis, the replacement of an elliptical predicate with a functionally identical component serving as an indicator of semantics in the analyzed constructions, and the structuring of semantic types of elliptical constructions into corresponding models and patterns.

Key words: *ellipsis; compensatory feature; typology parameters; invariant models; structural and semantic models; predicate type; temporality.*

Развитие синтаксической системы белорусского языка на современном этапе вызвало значительное расширение единиц динамического синтаксиса: конструкций с эллипсисом глагола, парцеллированных конструкций, конструкций с имплицитной семантикой, с синтаксической редукцией и компрессией, производных конструкций, подчиненных универсальным философ-

ским законам актуализации необходимой информации. Антропоцентрический характер современных языковых процессов вызвал тенденцию к совершенствованию механизмов регулирования языковой системы, что повлияло на корреляцию между развитием мышления и материальными средствами его выражения. В связи с этим типологическое описание единиц динамического синтаксиса с определением специфики языковых явлений и закономерностей их функционирования стало одним из приоритетных направлений отечественного и зарубежного языкознания. Данную работу в полном объеме возможно осуществить только с помощью объяснительного потенциала типологической характеристики объекта и методологии, выявляющей сущность и природу синтаксического феномена.

Развитие синтаксической системы белорусского языка объясняется общими тенденциями современности – экономией языковых средств, дистинктностью высказывания, стремлением к аналитизму и потребностью информационного акцентирования. Названные факторы обуславливают широкое функционирование структурно-синтаксических модификаций – конструкций неполных, эллиптических, производных, редуцированных, парцелированных и сегментированных, а также с имплицитной семантикой. Синтаксическая система белорусского языка стремительно меняет облик – конструкции приобретают структурную фрагментарность, синтаксические связи и отношения нейтрализуются, конструкции сокращаются до размера реплики, предикативность выражается средствами контекста или имплицитно, чаще наблюдается «вторичное предикативное» в предложениях различных структурных типов. Поэтому подобные явления вызывают интерес исследователей на современном этапе.

Механизмы регулирования компенсаторной функции изучались представителями различных школ и направлений – структурной лингвистики (Дж. Арма, М. Вишневский, Е. В. Грудева, А. М. Мухин, Т. Д. Шабанова) [1; 2; 3; 4; 5], семантического направления в языкознании (К. Карлсон, П. А. Лекант, Г. А. Золотова) [6; 7; 8], функционального направления исследования (Т. А. Колосова, Л. В. Лисоченко, С. С. Дикарева, Б. Хаунспергер) [9; 10; 11; 12]. Исследователи делали акцент на явлениях синтаксической неполноты, объяснительным потенциалом при этом служила типологическая характеристика объекта лингвистики с учетом соответствующих параметров упорядочения. В работах также поднимался вопрос дистинктности высказывания, объектом изучения при этом выступали парцелляция и сегментация.

Несмотря на значительное количество работ по актуальным процессам в синтаксических системах различных языков, на белорусском материале подобные исследования не проводились. Актуальность такого анализа обусловлена необходимостью выявить основные механизмы функционирования структурно-синтаксических модификаций.

Цель исследования – выявить механизмы регулирования компенсаторной функции компонентов в конструкциях с эллипсисом глагола.

Система языковых механизмов отражает законы и закономерности, регулирующие функционирование конструкций с эллипсисом глагола. Компенсация эллипсиса осуществляется с помощью языковых средств различных уровней – синтаксического, морфологического, лексического, фонетического; также может быть обусловлена логико-семантическими факторами (имплицитная семантика). Класс языковых механизмов, регулирующих функционирование эллиптических конструкций, по качественному и количественному составу не имеет аналогов в синтаксической системе современного белорусского литературного языка (рисунок).

Механизмы регулирования компенсаторной функции компонентов

Структурно-смысловые языковые механизмы регулируют структурно-системную обусловленность функционирования конструкций с эллипсисом глагола.

Структурные факторы проявляются в компенсации смысла предложения посредством развертывания синтаксических позиций, а также во взаимодействии компонентов в структуре сверхфразового единства. Смысловые факторы реализуются в смысловой сочетаемости или в согласовании структурных компонентов (что зависит от характера синтаксической связи). Выраженный характер механизм структурно-смыслового регулирования приобретает в конструкциях с полифункциональным характером зависимых словоформ, где единственным средством маркировки смысла выступает структурный компонент – однородные сказуемые, обособленные члены, сравнительный оборот, вставная конструкция и др.

Сущность структурно-смыслового регулирования заключается в определении круга лексем, которые могут согласовываться с зависимой словоформой и замещать синтаксическую позицию сказуемого. Смысловое согласо-

ние (в отличие от смысловой сочетаемости, которая реализуется преимущественно на основе подчинительной связи) структурно обусловлено и может осуществляться на основе паратаксической синтаксической связи: *Міхась доўга – на раку за вёскай і адарвацца не можа* (Б. Мікуліч); полупредикативной: *Над вёскай белыя воблачкі, час ад часу спыняючыся* (Янка Брыль); присоединительной: *Трэба было пахаваць паклажу. І Лявон – у хату да дзеда Саўкі, і не што-небудзь, а ваенную маёмасць* (Г. Далідовіч); интродуктивной: *Іван Сідаравіч пра ўсё – з інтарэсам (а слухаць ён любіў)* («Белая Русь»).

Наличие скрытой предикативности в конструкциях с эллипсисом глагола позволяет на основе сравнительной связи «согласовать» возможное лексическое наполнение эллипсированного глагола: *Над намі воблакі, нібы імклівыя белыя лебедзі*. Структурно-смысловым механизмам подчиняется и взаимодействие компонентов в структуре сверхфразового единства на основе логико-семантических или семантико-синтаксических отношений: *Яшчэ ў мяне старэйшая сястра. Без яе цяжка было б пражыць* (Г. Далідовіч).

Функционирование сложных конструкций с эллипсисом глагола обусловлено подключением также синтаксических отношений, на основе которых осуществляется семантическое согласование или сочетаемость. Обязательным условием реализации смыслового согласования выступает синтаксический параллелизм, наблюдаемый в сложных предложениях различных видов с отношениями одновременности, последовательности, несоответствия и др.: *Жыта – у Хведарава гумно, авёс і пшаніцу – у Грыбковае, грэчку і проса – да Алёшы Губатага* (І. Мележ) или в конструкциях с константной маркировкой семантики: *За невялічкай паласой лесу – паляна, і там жа, побач з ёй, – малады дубоўнік* (І. Стадольнік).

Механизм смысловой сочетаемости регулирует функционирование разновидностей полипредикативных единиц с синтаксическим подчинением, то есть с объектными, атрибутивными, обстоятельственными и другими отношениями: *Калі старшыня сказаў, што надзел пойдзе пад калгас, мы не адразу паверылі, што гэта ён нам* (І. Мележ). Аналогичным образом регулируется функционирование самостоятельных синтаксических единиц в структуре сверхфразового единства, основанное на причинных, целевых, условно-следственных и других отношениях: *А я думаў: прыйду з вайны, хату добрую пастаўлю. Каб першыя промні – у нашы вокны* (А. Дударэў).

Различия между частями сложного предложения и компонентами сверхфразового единства проявляются в характере объектов сочетания. При невозможности регулировать функционирование с помощью семантико-синтаксических отношений подключаются логико-семантические, которые, в отличие от синтаксических, предполагают виды референтной соотнесенности предикатов и объектов и изменение их лексико-грамматического класса и синтаксической функции: *Глядзеў на вуліцу і бачыў: па Крывой праязджалі дзве фурманкі. Каля пярэдняй – селянін у зімовай салдацкай шапцы, у суконнай жакетцы, нізенькі. Другі – у адной картовай сарочцы* (С. Баранавых).

Следовательно, базовыми механизмами регулирования их функционирования выступают одновременно сочетаемость и согласование. Сочетаемость реализуется в ограничении лексем на месте незамещенной синтаксической позиции сказуемого относительно локатива *каля прыэдняй* в данном случае. Механизм согласования регулирует отсутствие противоречия между грамматически различным, но семантически сходным предикату компонентом-локативом.

Формальные языковые механизмы регулируют формализацию системы семантических типов конструкций с эллипсисом глагола – построение моделей и структурных схем в строгом соответствии с типом предиката. Формализация играет важную роль в выявлении семантической типологии конструкций с эллипсисом глагола. Типовой характер приобретают не синтаксемы (как считает большинство исследователей), а семантические компоненты и модели.

Например, модель *донатор – предикат – реципиент – донатив* указывает на семантику активного непереходного воздействия, *агенс – предикат – директив-финиш* – на семантику движения. Формализация предоставляет удобный способ анализа и классификации семантических типов конструкций с эллипсисом глагола на уровне моделей без учета конкретного лексического наполнения. Построение структурных схем позволяет систематизировать весь арсенал структурно-синтаксических средств, с помощью которых реализуется та или иная модель. Формализация выступает единственно возможным способом выявления степени частотности и продуктивности моделей.

Смысловые языковые механизмы регулируют замещение эллипсированного сказуемого семантически тождественным компонентом (который и выступает в качестве показателя), действуют исключительно на уровне семантической модели конструкции и обусловлены законами семантической сочетаемости и семантического согласования. Качественный состав модели регулируется типом предиката и не допускает «чужих» компонентов.

Иногда наблюдаются случаи, когда компонент используется в нескольких семантических типах (например, пациентив в конструкциях с семантикой перемещения и активного действия, способ – в конструкциях с семантикой активного действия и движения и др.). Однако семантически тождественный компонент приобретает типизированный характер: например, показателем семантики движения выступает один из локативных компонентов (директив-финиш) или, при его отсутствии, – медиатив: *Я – у вёску* и *Я – пехатой*.

Смысловые языковые механизмы регулируют функциональный диапазон словоформ в парадигме эллиптических синтаксических модификаций с имплицитной семантикой. Сущность такого регулирования заключается в способности компонента приобретать имплицитную семантику на основе логико-семантического взаимодействия. Синкретический характер словоформ (когда их форма и функция не совпадают) значительно расширяет функциональный диапазон базовых конструкций.

Например, словоформа *пасаdзіць (моркву)* может приобретать функцию инфинитива: *Маці пайшла павярнуць сена. Я – пасаdзіць моркву* и темпоратива (имплицитно): – *Ты – надоўга?* – *Толькі пасаdзіць моркву і назад*, второй случай квалифицируется как имплицитный.

Актуализационные языковые механизмы регулируют экспликацию синтаксических значений темпоральности, модальности и персональности в конструкциях с эллипсисом глагола. Предикативные категории квалифицировались как понятийные (Г. А. Золотова), оценочные (Л. И. Бурак), семантико-грамматические (Т. Р. Рамза). Однако отсутствие базового средства выражения названных значений позволяет квалифицировать их как актуализационные в конструкциях с эллипсисом глагола.

Экспликация значений темпоральности, модальности и персональности обусловлена синтаксическими (синтаксический параллелизм и синтаксические отношения), структурными (наличие детерминированного члена предложения), лексическими (лексический способ выражения темпоральности и персональности) и фонетическими (интонация) факторами. Особенность актуализационных языковых механизмов заключается в способности использовать разноуровневые языковые единицы в качестве функционального эквивалента базовому средству – глаголу – и объединять их в систему компенсаторных средств на основе соответствующих параметров.

Интерпретационные языковые механизмы регулируют посредством эллипсирования иерархическую организацию коммуникативно значимых компонентов и синонимические преобразования синтаксической единицы. Они определяют функциональный диапазон словоформ в парадигме эллиптических синтаксических модификаций с категориальными изменениями и синонимическими преобразованиями компонента. Семантическая функция словоформы интерпретируется в соответствии с контекстуальными факторами (категориальные изменения) или трансформационной парадигмой (синонимические преобразования).

Система языковых механизмов отражает закономерности, регулирующие функционирование конструкций с эллипсисом глагола. Компенсация эллипсиса, осуществляемая с помощью языковых средств различных уровней – синтаксического, морфологического, лексического, – может быть обусловлена логико-семантическими и семантико-синтаксическими факторами.

Анализ показал, что языковые механизмы регулируют компенсаторную функцию частей в структуре полипредикативных синтаксических единиц с эллипсисом глагола:

- эксплицитно-паратаксического, имплицитно-паратаксического, эксплицитно-гипотаксического, имплицитно-гипотаксического, комбинированного видов;
- замещение эллипсированного сказуемого функционально тождественным компонентом, выступающим в качестве показателя семантики в конструкциях следующих семантических типов: динамически-локативного, экзистенциально-локативного, локативно-пациентного, акционально-без-

объектного, акционально-делиберативного, акционально-объектного преобразовательного, акционально-объектного непереходного, экзистенциально-темпорального, статального, реляционного;

• структурирование семантических типов эллиптических конструкций в соответствующие модели и схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Harma, J.* Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 août 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. *Wiśniewski, M.* Przegląd równoważników zdania znamienych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. *Грудева, Е. В.* Валентностный класс глаголов и эллипсис приглагольных актантов в современном русском языке : эксперим. и корпус. исслед. / Е. В. Грудева // Мир рус. слова. – 2008. – № 4. – С. 22–29.
4. *Мухин, А. М.* Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
5. *Шабанова, Т. Д.* Предложение и его лимитативные модели : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Д. Шабанова. – М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.
6. *Carlson, K.* Parallelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. *Лекант, П. А.* К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9 : Русский язык и литература. – С. 43–49.
8. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
9. *Колосова, Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.
10. *Лисоченко, Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой : логич., языковой и прагмат. аспекты / Л. В. Лисоченко ; отв. ред. Г. Ф. Гаврилова ; Сев.-Кавказ. науч. центр высш. шк. – Ростов н /Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 152 с.
11. *Дикарева, С. С.* Системная обусловленность имплицитных смыслов текста / С. С. Дикарева // Исследования по семантике : сб. науч. ст. / Симфероп. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Соколов (отв. ред.) [и др.]. – Симферополь, 1987. – С. 84–90.
12. *Hausperger, B.* Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / B. Hausperger. – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.

Поступила в редакцию 16.03.2026

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112

Басовец Ирина Михайловна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры истории
и грамматики английского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of History and Grammar
of the English Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

ССЫЛОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ТЕКСТАХ-ХРОНИКАХ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА

На материале среднеанглийских фрагментов текстов-хроник в статье анализируются способы указания на субъекты сведений, которые сопоставляются с древнеанглийскими. В работе определены структурные, семантико-референциальные и прагматические характеристики ссылочных конструкций среднеанглийского периода. Установлено, что в среднеанглийский период структурно расширились ссылочные конструкции, употребляемые в текстах-хрониках, усложнились способы информирования, стали использоваться конструкции деавторизации.

Ключевые слова: авторизация; деавторизация; ссылочные конструкции; референтный субъект; нереферентный субъект.

REFERENCE CONSTRUCTIONS IN MIDDLE ENGLISH CHRONICLES

Using Middle English fragments of chronicle texts, this paper analyzes methods of referring to subjects of information and compares them with Old English means. The paper identifies the structural, semantic, referential, and pragmatic characteristics of reference constructions in the Middle English period. It is established that during the Middle English period the reference constructions used in chronicles expanded structurally, the methods of information transmission became more complex, and deauthorization constructions began to be used.

Key words: authorization; deauthorization; reference constructions; referential subject; non-referential subject.

Целью статьи является установление характеристик ссылочных конструкций как способов указания на субъекты сведений (источники информации) в текстах среднеанглийского периода по сравнению с древнеанглийскими средствами, а также определение их значимости в эволюции англосаксонской традиции информирования с опорой на разные дискурсивные голоса.

Исследования в области исторического синтаксиса английского языка как в зарубежной [1; 2; 3; 4 и др.], так и отечественной [5; 6; 7; 8 и др.] науке дают понимание основных механизмов построения и использования

ссылочных конструкций в древних памятниках письменности. Как известно из современных работ, посвященных изучению ссылочных конструкций, используемых в сфере массовой коммуникации [9; 10; 11 и др.], субъект, который выступает источником информации, может быть выражен в высказывании определенно (референтное употребление) либо весьма обобщенно или неопределенно (нереферентное употребление).

Разграничение источника информации по принципу референтности / нереферентности, т. е. возможности / невозможности идентификации адресатом и соотнесением / не соотнесением с реальным субъектом в действительности, позволяет учитывать две комплементарные категории: авторизацию и деавторизацию, которые репрезентируются ссылочными конструкциями с разным субъектным наполнением. Авторизация нами трактуется в соответствии с концепцией Г. А. Золотовой [12, с. 265–274], дополненной современными работами по авторизации (см., к примеру, [13]) с учетом возможности идентификации субъекта сведений адресатом. Понимание деавторизации строится на собственных результатах, согласно которым обратный авторизации эффект наступает вследствие использования конструкций с выраженным субъектом тех же семантических разновидностей (речи, мысли, оценки, восприятия), но эксплицированных единицами с обобщенной или неопределенной семантикой, а также бессубъектных конструкций, в которых субъект не выражен, но подразумевается [14].

Мы предполагаем, что современные тенденции информирования в отношении указания источников информации в нереферентном (обобщенном или неопределенном) употреблении зародились именно в текстах периода Средневековья, что привело к значительному расширению структурно-семантических и прагматических характеристик ссылочных конструкций в результате длительного и постепенного развития как языковых явлений, так и радикальных общественно-культурных изменений предыдущих эпох, которые стали влиятельными экстралингвистическими факторами, повлекшими за собой существенные языковые и дискурсивные изменения.

Материалом для данной работы послужили фрагменты текстов-хроник среднеанглийского периода: the Peterborough Chronicle (1140); The Proclamation of Henry III (1258); the Polychronicon (1461). Тексты-хроники среднеанглийского периода выбраны по причине выполнения ими схожих с современными медиатекстами функций информирования и общностью основных способов передачи информации от имени разных источников информации в сфере массовой коммуникации. В статье применялись следующие методы: метод референциального и контекстуального анализа при декодировании референциальных характеристик субъектных компонентов отобранных конструкций, метод анализа словарных дефиниций для перевода среднеанглийских фрагментов на русский язык, сравнительно-сопоставительный метод для сравнения древне- и среднеанглийских ссылочных конструкций.

В одной из работ мы уже обращались к рассмотрению проблемы функционирования ссылочных конструкций в диахроническом срезе, а именно в древнеанглийском периоде в том числе на материале текстов-хроник [15]. Выводы, полученные в результате анализа фрагментов древнеанглийских текстов, подтвердили гипотезу о том, что ссылочные конструкции с нереперентными субъектами, т. е. конструкции деавторизации, являются относительно новым явлением в текстопостроении и не характерны для текстов древнеанглийского периода, в то время как конструкции с реперентными субъектами представляют собой многовековой механизм указания авторства сообщаемого, который, однако, представлен в древних текстах в весьма сокращенном виде как в структурном плане (использовалась лишь одна синтаксическая разновидность конструкций авторизации – двусоставные субъектно-предикатные), так и в референциальном и семантико-прагматическом отношении (в ссылочных конструкциях обнаружены только реперентные субъекты, задействованы не все их семантические разновидности, фиксируется ограниченный дискурсивный функционал).

В ходе анализа отобранных из среднеанглийских хроник контекстов были обнаружены как конструкции авторизации, так и конструкции деавторизации, что принципиально отличает тексты этого периода от древнеанглийских. При этом в текстах-хрониках среднеанглийского периода ссылочные конструкции авторизации демонстрируют сходные как формально-семантические, так и референциально-прагматические черты с конструкциями древнеанглийского периода. Так же, как и в древнеанглийских единицах, субъекты сведений, представленные полными именными группами и редуцированными референциальными средствами в форме анафорических местоимений, употребляются в составе субъектно-предикатных структур референтно с глаголами речи:

Pe tyme Pat Pe prophetic Pat Merlyn saide... ‘Время, когда было сказано то, что сказал Мерлин...’; *it were so as Cadwaladre had seid to him...* ‘случилось так, как сказал ему Кадвальдр’; *kyng Henry ordeynyd hym ouyr the see ayen into Fraunce and Normandy...* ‘король Генрих приказал ему переправиться через море обратно во Францию и Нормандию...’.

Заметным отличием является появление новых для глаголов в исследуемых структурах форм (в частности, перфектной в контексте выше) и диверсификация их иллокуций (например, использование перфомативных глаголов). Подобного рода двусоставные субъектно-предикатные конструкции использовались и в древнеанглийский период и репрезентируют отлаженный способ однослойного информирования, при котором в рамках одного предложения используется одна конструкция авторизации.

Однослойное информирование могло облекаться и в более развернутые формы с единым субъектом сведений и разными (как правило, синонимичными) предикатными компонентами (однородными членами предложения):

Engist went to *Pe kyng*, & **tolde** to him *encheson wher-fore Pai were Pere arryuede in his Pis lande*, and **saide**: “sire! we beth of a contre *Pat is callede Saxoyne*, *Pat is, Ðe Lande of Germainy*, wherin is so miche sorw, at *Pay yf pe peple is so myche at Pe lande may nouȝt ham sustene ne suffice*”. ‘Энгист отправился к королю и рассказал ему о причине своего прибытия в эту землю, и сказал: «Государь! Мы из страны, которая называется Саксония, то есть земля Германии, где столько горя, что людей так много, что земли не хватает, чтобы их прокормить или обеспечить всем необходимым»’.

Такая развернутая форма могла привлекать субъектную референциальную цепочку, т. е. совокупность средств именования одного и того же референта – субъекта сведений при помощи полных и редуцированных языковых средств, совместно с глаголами-синонимами в субъектно-предикатных конструкциях, которые, как правило, находились в близком текстовом расположении:

Than **Cadwaladre called** *Ynor his sone and Ynory his cosyn* and **saide**: “**Taketh**”, **seide he** “*my folk and my navie Pat is here al redy and passith into Walys...*” ‘Затем Кадваладр позвал Инора своего сына и Инира своего двоюродного брата и сказал: «Возьми, – сказал он, – мой народ и мой флот, который уже здесь, и переправься в Уэльс»’.

Наряду с определенным индивидуализированным субъектом в среднеанглийских текстах-хрониках употребляется референтный множественный субъект в сопровождении детерминатива, представленного определенным артиклем (новой для данного периода самостоятельной частью речи):

Pe Saxons hadde herde Pat they come... ‘[Эти] Саксы слышали, что они идут...’

Появление аналитических форм глагола в среднеанглийский период позволило осуществлять не только однослойное информирование, типичное для древнеанглийских текстов, но и многослойное сообщение информации с маркированием хронологического порядка речемыслительных действий одного и того же или разных субъектов сведений. Сравним:

Whan **Cadwaladre had herd Pis answere he meruailled greetly & tolde it to kyng Aleyn al Pat he hadde iherd...** ‘Услышав этот ответ, Кадваладер был крайне удивлен и рассказал королю Алану все, что ранее услышал’;

So **ðei acorded wiP the prophecies Pat Merlyn & Sibille had seide in prophecies...** And whan **kyng Aleyn had knowynge Pat the prophecie Pat Fescome had prophecied of Pe egle and the othere prophecies accorde to Pe dyvine answere Pat Cadwaladre had herd he counseilled hym...** ‘Таким образом, они согласились с пророчествами, которые ранее произнесли Мерлин и Сибилла... И как только король Алан узнал, что пророчество Фескома об орле и другие пророчества соответствуют божественному ответу, который ранее услышал Кадвальдр, то он дал ему совет’.

Любопытно, что в среднеанглийский период появляются не только более разветвленные и темпорально подчиненные способы передачи речевых действий иных субъектов, но и зарождаются способы информирования по-

средством конструкций деавторизации, т. е. конструкций с нереферентными субъектами, которые могли быть выражены в высказывании или только подразумеваться.

Так, в субъектно-предикатных конструкциях нереферентный субъект мог быть эксплицирован:

а) нарицательным существительным в сочетании с местоименным прилагательным со значением множественности:

*In the syxthe yere the kyng besyged the cyte of Roan whiche endured half yere and more. And atte laste the cyte beyng in grete famyne putte oute **moche peple** as women and children whiche deyde for hunger moo than thyrtty thousand & also **seyng** that noo rescowse cam appoynted with the kyng & 3af ouer the toun vnto hym which he receyued* ‘На шестом году король осадил город Руан, осада продолжалась более полугода. И наконец, когда город был охвачен сильным голодом, в результате чего многие люди, включая женщин и детей, умерли от голода – более тридцати тысяч, они сказали, что помощь от короля не была предоставлена, и сдали ему город, который он и принял’;

б) местоимением со значением всеобщности:

*Pæt **witen 3e wel alle** pæt...* ‘Все вы хорошо знаете, что...’ (*The Proclamation of Henry III*, 1258);

в) существительным в единственном числе в сопровождении неопределенного артикля в значении ‘некий’ (который мог быть гипотетическим субъектом в метонимичном значении):

*Whan he in Pis wise had made devoutly his prayer **a voyce** fro heuene to him **saide** Pat he [saide and bade him P] leue Pat iournay &. way into Engeland and Pat he goo to Pe pope of Rome and counsail pere with him...* ‘После того как он искренне помолился, некий голос с небес сказал ему, что он должен оставить это путешествие и путь в Англию, и что он должен отправиться к Папе Римскому и посоветоваться там с ним’.

Наряду с вербально выраженными нереферентными субъектами двух видов – обобщенными и неопределенными – стали использоваться конструкции, в которых наличие субъекта сведений лишь подразумевалось: безличные и пассивные конструкции. Сравним:

it is i-knowe how meny manere peple beep in pis ilond... ‘известно, как много модных людей есть на этом острове...’;

*And certaynly **it was wreton** in suche wyse that...* ‘И, конечно же, это было написано таким образом, что’;

*...alswo also **hit is biforen iseid**...* ‘также еще до этого было сказано...’;

*they steadfastly hold and swear to hold and to defend the settlements that are made and are to be made, by the aforesaid councillors, or by the greater part of them, even as **it is said** before* ‘они твердо придерживаются и клянутся придерживаться и защищать соглашения, заключенные и которые будут заключены вышеупомянутыми советниками или большей их частью, как было ранее сказано...’.

Анализ контекстов среднеанглийских текстов-хроник и их сопоставление с исследованными ранее контекстами древнеанглийского периода показали существенную эволюцию способов информирования и расширение многообразия формальных структур в среднеанглийский период по сравнению с древнеанглийскими текстами. Даже в отношении общей разновидности – субъектно-предикатных конструкций авторизации, которые продолжали активно использоваться и в среднеанглийский период, фиксируется более широкое разнообразие в части наполнения: субъектные компоненты стали привлекать детерминативы и местоименные прилагательные, а предикатные компоненты стали демонстрировать более разнообразные иллокуции. Наиболее заметная разница в формальных структурах связана с трансформацией языковой системы английского языка и его переходом от синтетического к аналитическому типу, чем и объясняется появление конструкций деавторизации, а именно отсутствовавших в древних текстах пассивных и безличных конструкций с подразумеваемым субъектом. Любопытно при этом следующее: несмотря на то, что роль предлогов в среднеанглийский период значительно возросла ввиду измененной системы связи слов в предложении по сравнению с древнеанглийским периодом, в котором их представленность была минимальной по числу и значимости, в анализируемых фрагментах текстов-хроник среднеанглийского периода наличие предложно-падежных конструкций как авторизации, так и деавторизации обнаружено не было, равно как и не было обнаружено номинализированных конструкций. Таким образом, структурно ссылочные конструкции, используемые в текстах-хрониках в среднеанглийский период, шире в отношении древних текстов, но все еще демонстрируют некоторую формальную ограниченность: употребляются субъектно-предикатные и предикатные конструкции, при этом не встречаются предложно-падежные и номинализированные структуры, свойственные современным текстам.

Что касается референциальных характеристик субъектов ссылочных конструкций, то в среднеанглийских текстах-хрониках продолжают активно использоваться референтные субъекты, которые выражены именными частями речи, но при этом они употребляются не только автономно, но и в сочетании с детерминативом – определенным артиклем. Новым для текстов-хроник данного периода является функционирование нереферентных субъектов сведений, репрезентированных местоименными прилагательными со значением всеобщности и собирательности, а также существительными с неопределенным артиклем в значении 'некий / один'. В отношении распределения семантических разновидностей субъектов, характерных для ссылочных конструкций авторизации, следует отметить, что в анализируемых текстах обнаружены все четыре разновидности с очевидным преобладанием субъекта речи. Субъект восприятия, который в древнеанглийский период был представлен личным местоимением третьего лица единственного числа в да-

тельном падеже в конструкциях типа *him ðūhte* ‘ему казалось’, в среднеанглийский период не использовался, что связано с упразднением падежной системы у именных частей речи и постепенным введением фиксированного порядка слов.

Прагматические функции ссылочных конструкций среднеанглийского периода демонстрируют общие черты с ссылочными конструкциями древнеанглийского периода, в которых акцентируется способ подачи информации: со слов, по мнению, оценке или в результате личной засвидетельствованности субъекта, отличного от автора текста. Однако с появлением нереферентных субъектов прагматическая палитра ссылочных конструкций этого периода не только расширяется, но и демонстрирует зависимость от референциальных характеристик субъектов. Так, ссылочные конструкции с определенными субъектами обеспечивают достоверность, персонализируют описываемые события и структурируют дискурс (в том числе с привлечением многослойного информирования). Конструкции с подразумеваемыми нереферентными субъектами выполняют функцию констатирования или дистанцирования автора текста-хроники от сообщаемого, конструкции с эксплицитными субъектами со значением всеобщности придают высказываниям характер универсальности или распространенности, а конструкции с гипотетическими субъектами позволяют автору хроники предполагать или объяснять ход событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baugh, A. C. A History of the English Language* / A. C. Baugh, Th. Cable. – 5th ed. – London : Routledge, 2002. – 405 p.
2. *Blake, N. F. A History of the English Language* / N. F. Blake. – London : Macmillan Press, 1996. – 382 p.
3. *Hogg, R. An Introduction to Old English* / R. Hogg. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. – 163 p.
4. *The Oxford History of English* / ed. by L. Mugglestone. – Norfolk : Oxford University Press, 2006. – 485 p.
5. *Мухин, С. В. История английского языка (Enȝliscre Spræce Stær. Historie of the Englishe Tonge. History of the English Language): учебник* / С. В. Мухин, Е. Б. Морозова. – М. : ЛЕНАНД, 2020. – 264 с.
6. *Рассторгуева, Т. А. История английского языка : учебник* / Т. А. Рассторгуева. – 2-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 348 с.
7. *Теренин, А. В. История английского языка : учебник и практикум для вузов* / А. В. Теренин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 212 с.
8. *Шапошникова, И. В. История английского языка : учебник* / И. В. Шапошникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 508 с.

9. *Курьянович, А. В.* Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – Вып. 11 (176). – С. 9–16.
10. *Осадчий, М. А.* Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Осадчий Михаил Андреевич ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2012. – 73 с.
11. *Осетрова, Е. В.* Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Осетрова Елена Валерьевна ; Сибир. федер. ун-т. – Красноярск, 2010. – 42 с.
12. *Золотова, Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
13. *Гричин, С. В.* Авторизационная модель научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2017. – 347 л.
14. *Басовец, И. М.* Субъектная референция и медиатекстовые категории / И. М. Басовец. – Минск. : МГЛУ, 2025. – 200 с.
15. *Басовец, И. М.* Древнеанглийские способы указания на субъект сведений / И. М. Басовец // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; под ред. А. В. Зиньковской [и др.]. – Краснодар, 2025. – С. 12–20.

Поступила в редакцию 02.03.2026

УДК 811.111'42:070:[551.515.9+17.026.2+64.012.612](045)

Биюмена Анна Александровна

доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
речеведения и теории коммуникации
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Speechology
and Theory of Communication
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
a_mesyats@mail.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КРИЗИСНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются стратегии англоязычного кризисного медиадискурса на примере публикаций о стихийном бедствии. Выделены стратегии ориентации, нейтрализации и интеграции, при этом отмечается ведущая роль интегрирующих текстов, направленных на формирование солидарности в обществе. Выявлены основные направления солидаризации в кризисном медиадискурсе, определены группы лексики, выступающие в роли ключевых в публикациях англоязычных медиа о природном бедствии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс; кризис; кризисный медиадискурс; стратегия интеграции; стратегия ориентации; стратегия нейтрализации; языковые средства.*

MEANS OF REPRESENTING SOLIDARITY IN THE ENGLISH-LANGUAGE CRISIS MEDIA DISCOURSE

The article examines strategies of English-language crisis media discourse using publications about natural disasters as an example. Strategies of orientation, neutralization, and integration are highlighted, noting the leading role of integrating texts aimed at fostering social solidarity. The main areas of solidarity in crisis media discourse are identified, and key vocabulary groups are defined in English-language media publications about natural disasters.

Key words: *media discourse; crisis; crisis media discourse; integration strategy; orientation strategy; neutralization strategy; language means.*

В современном мире кризисы становятся всё более частыми и масштабными, существенно влияя на экономику, общественную жизнь и политическую ситуацию в различных регионах. Иногда они затрагивают не только отдельные страны, но и целые континенты. Феномен кризиса изучается различными научными дисциплинами, такими как экономика, история, теория коммуникации, менеджмент. Он представляет собой сложный процесс, характеризующийся непредсказуемостью и нестабильностью [1, с. 35].

Кризисы могут быть классифицированы по различным критериям, таким как сфера проявления, причина возникновения, характер последствий, масштаб и др. По уровню влияния на мировые события выделяют кризисы локальные, охватывающие отдельные страны или группы стран, глобальные, влияющие на большую часть стран мира, и сетевые, которые начинаются в одном регионе и распространяются на остальные. По сфере проявления

различают экономические, социальные, культурные, гуманитарные, естественные, техногенные, психологические кризисные ситуации. В зависимости от источника и последствий выделяют разрушительные и неразрушительные, а также преднамеренные и непреднамеренные кризисы. По времени воздействия кризисные ситуации бывают краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. По возможности преодоления кризисы делятся на преодолимые с помощью уже имеющихся ресурсов; преодолимые с внешней помощью; кризисы, которые невозможно полностью устранить, или их последствия неизбежны [2, с. 18].

Кризисные ситуации могут возникать по самым разным причинам. Внутренние проблемы появляются внутри системы и проявляются через слабое управление, низкий уровень развития экономики или неэффективное использование ресурсов. Наряду с этим внешние факторы, такие как глобальные экономические процессы, изменение климата или международные события, создают дополнительные препятствия для преодоления кризисов. В результате многие кризисы формируются под влиянием одновременно внутренних трудностей и внешних вызовов, что делает их последствия сложными, многогранными и трудно прогнозируемыми [3, с. 10].

Кризисы стали неотъемлемой частью повседневной жизни общества. Любое неожиданное событие мгновенно вызывает у людей чувство тревоги и страх потери контроля над ситуацией. Эмоциональное состояние общества в период кризиса охватывает широкий спектр отрицательных эмоций – от растерянности и замешательства до раздражения и гнева. Кризисные события создают не только чувство нестабильности, но и заметно влияют на психологический климат общества в целом.

Несмотря на частотность кризисов, люди постепенно привыкают к ним, особенно если события происходят в отдаленной точке мира. Это свидетельствует о том, что кризисы становятся нормой жизни, при этом неотъемлемой частью их преодоления является коммуникация [1, с. 35].

В кризисные периоды ключевую роль в обеспечении стабильности в обществе играет кризисный дискурс как совокупность дискурсивных практик, которые фокусируются на описании конфликта общественных интересов или влияния окружающей среды на разных этапах преодоления кризиса [4, с. 103].

Дискурс в кризисных ситуациях выполняет несколько ключевых функций [2]. Во-первых, он регулирует поведение общества, направляет социальные процессы и формирует взгляды людей, определяя, как они воспринимают события и реагируют на них. Второй важный аспект – социальная солидарность и интеграция в рамках общества или отдельных социальных групп и одновременная социальная дифференциация в соответствии с базовой семиотической оппозицией «свои – чужие», что может усиливать социальные различия и закреплять стереотипы в общественном сознании. Кроме того, в нем реализуются акциональная, воздействующая, информационно-ориентационная и ценностно-формирующая функции, что способствует фор-

мированию осмысленного отношения к информации и может побуждать к определенным действиям или решениям, соответствующим целям автора дискурса [2, с. 26].

Исследователь Е. В. Пильгун предлагает разделять сообщения в рамках кризисного дискурса на те, которые способствуют объединению населения, информируют о кризисной ситуации и направлены на сопротивление и, соответственно, выделяет три ведущие стратегии этого дискурса. Стратегия интеграции предполагает сотрудничество и сближение, направленное на объединение общества, солидарность перед лицом надвигающегося кризиса. Стратегия ориентации представлена в виде заявлений, обозначающих позицию власти, научного сообщества либо авторитетного источника, помогающих выстроить четкую аргументацию и объяснить происходящие события. Стратегия нейтрализации направлена на умиротворение, уменьшение паники, снятие напряжения и формирование психологически нейтральной среды для коммуникации [Там же, с. 68].

Целью исследований является выявление доминирующих стратегий кризисного дискурса в англоязычных медиа, посвященного освещению стихийного бедствия – урагана в США в 2024 г, а также определение ведущих средств репрезентации солидарности в нем. Материал исследования составили 50 публикаций из англоязычных СМИ: «The New York Times», «New York Post», «The Washington Post», «The Independent», «Chicago Tribune», «Newsweek», «The Texas Tribune», «Good Morning America», «Chron», «Community Impact», «Hoodline», «New York Daily News», «International Herald Tribune».

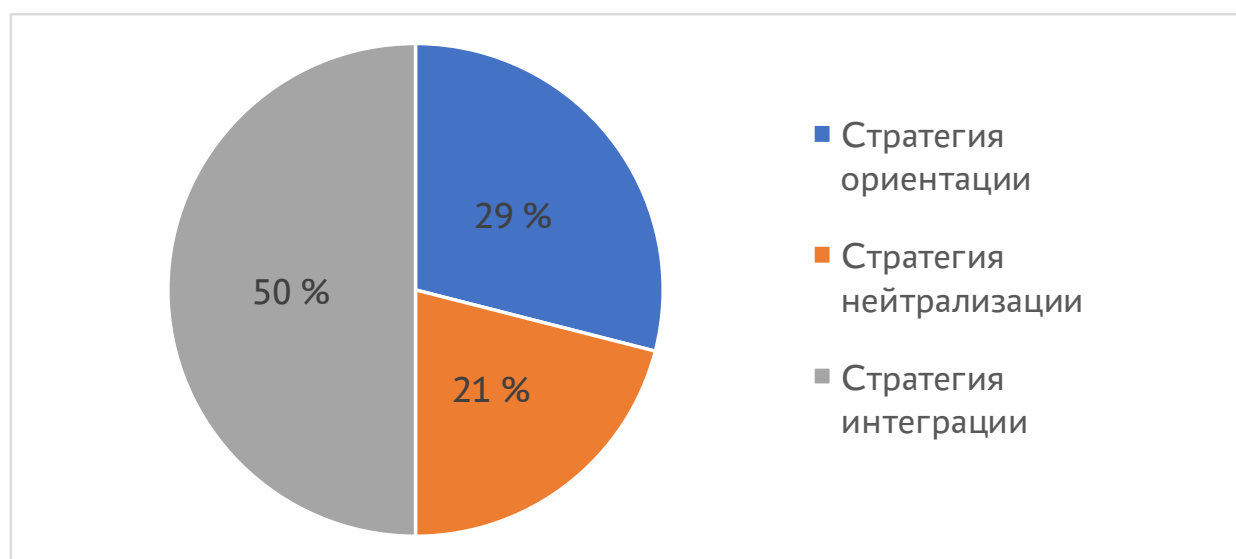
Ураган «Берил» обрушился на штат Техас 8 июля 2024 года. Наиболее пострадали прибрежные районы, включая город Хьюстон. Более 2,5 миллионов потребителей по всему штату остались без электричества, 10 человек погибли, более 100 получили ранения. Последствия кризиса затронули в первую очередь один штат, но также вызвали перебои в цепочках поставок и повлияли на энергорынок страны, следовательно, данную кризисную ситуацию можно охарактеризовать как локальную. По сфере проявления ураган относится к природным (естественным) кризисам. Его результатом стали человеческие жертвы, массовые разрушения инфраструктуры и экономический ущерб, исчисляемый миллиардами долларов, соответственно, этот кризис является разрушительным. Данная кризисная ситуация охватывает широкий спектр проблем (энергетика, ЖКХ, транспорт, здравоохранение), следовательно, является макрокризисом. По времени воздействия ураган, несмотря на кратковременность основного удара, из-за масштабных последствий по восстановлению относится к среднесрочным кризисным ситуациям. По возможности преодоления – преодолимый, однако для ликвидации последствий, помимо внутренних сил штата и федерального правительства, привлекались ресурсы других штатов и частных компаний.

Сильный ветер и проливные дожди привели к масштабным повреждениям инфраструктуры. В прибрежных районах были повреждены жилые дома, коммерческие здания и линии электропередачи. Ураган вызвал крупнейшие за последние годы перебои в электроснабжении, что привело к длительным отключениям света, перебоям в подаче воды и нарушению работы связи. В сложившейся ситуации возросла роль СМИ, которые своевременно информировали граждан о жертвах стихийного бедствия, разрушениях и устранении последствий трагедии.

В период урагана СМИ ставили перед собой несколько ключевых задач. Прежде всего, предоставление актуальной информации об угрозе, распространение рекомендаций по соблюдению мер безопасности. В этой роли СМИ выступали в качестве посредника между государственными органами, экстренными службами и обществом, способствуя оперативному распространению проверенной информации и снижению паники среди населения. Помимо этого, СМИ освещали способы помощи пострадавшим, не только информируя общественность, но и способствуя укреплению чувства единства в кризисный период.

Для достижения этих задач в медиатекстах были реализованы стратегия ориентации (формирование понимания кризисной ситуации), стратегия нейтрализации (сглаживание негативного восприятия кризиса) и стратегия интеграции (взаимопомощь и объединение общества).

Стратегия интеграции используется наиболее часто (50 % проанализированных текстов), что указывает на стремление авторов объединить общество в условиях кризиса. Стратегия ориентации представлена в 29 % публикаций. Наименее востребованной оказалась стратегия нейтрализации (21 % газетных статей), что говорит о второстепенности акцента на фактах и статистике для кризисного дискурса. Соотношение указанных стратегий в материале исследования представлено на рисунке.

Стратегии кризисного дискурса в англоязычных СМИ

Стратегия **ориентации** заключается в информировании населения о сложившейся ситуации, количестве пострадавших и погибших, предоставлении актуальных сведений о продвижении урагана. Реализующие ее медиатексты содержат детальные рекомендации о мерах предосторожности – предоставляется информация о факторах опасности при урагане, сильном ветре, грозе, ливне, приводятся правила поведения во время природных бедствий, даются комментарии официальных представителей различных организаций, специалистов центра по реагированию в чрезвычайных ситуациях: *Here's what to do in case of flooding: avoid walking or driving through flood waters. Just six inches of water can make a person fall, while one foot of water is enough to sweep up a vehicle during a flood* (Texas Tribune, 09.07.2024).

В таких материалах акцентируется обеспечение безопасности населения в условиях экстремальной жары, рисков обезвоживания и случаев отравления угарным газом, характерных для данного региона в период ураганов, также приводятся рекомендации по поведению в период отключений электроснабжения: *Early symptoms of carbon monoxide poisoning can include flu-like symptoms like headaches, dizziness and nausea; if you lose power and have perishable food items, keep refrigerator and freezer doors closed to maintain the cold temperature; if they remain unopened, a refrigerator will keep food cold for about 4 hours, while a full freezer will maintain its temperature for approximately 48 hours* (Texas Tribune, 09.07.2024). В прессе предоставляется информация о доступных источниках и организациях, к которым население может обращаться за получением необходимой помощи: *Organizations like the American Red Cross, Salvation Army and local volunteer organizations can help you find food, shelter and supplies, as well as assist you with clean-up efforts* (Texas Tribune, 09.07.2024).

Стратегия **нейтрализации** проявляется в детальном изложении мер, принимаемых для смягчения последствий урагана, и направлена на уменьшение уровня паники, предотвращение распространения дезинформации и минимизацию негативных социальных последствий природного бедствия: *The county had opened close to 20 cooling centers, mostly in public libraries. As of Wednesday, TDEM crews had assessed about 70 percent of the county, its roads and bridges department had cleared all the county roads within 30 hours of the storm, save a handful still under high water* (Chron, 18.07.2024).

Важнейшим направлением в прессе в период бедствия является **интеграция**. В проанализированных публикациях были выделены следующие направления формирования солидарности в рамках данной стратегии: институциональная помощь (поддержка от правительства, общественных организа-

ций), солидарность и взаимопомощь (объединение усилий для преодоления кризиса). Для достижения этих задач авторы статей используют ряд лексических языковых средств, представленных в таблице.

Направления солидаризации и языковые средства их экспликации
в англоязычной прессе в кризисной ситуации

Направление солидаризации	Лексемы
Институциональная помощь	<i>Assistance, aid, emergency services, authorities, relief organizations, Red Cross, charities, nonprofit organizations, aid distribution, relief efforts, volunteers, support, efforts, helping, donation, contributions, distribute supplies, resources</i>
Солидарность и взаимопомощь	<i>Solidarity, community, unity, together, resilience, courage, mutual aid, collective effort, rebuild, lend a hand, pitch in, stand together, come together, join</i>

Основное направление солидаризации, выделенное в англоязычной прессе, – **помощь пострадавшим от урагана**. Данная группа людей в текстах маркируется следующими словами и выражениями: *victims, survivors, affected residents, affected communities, those impacted, people seeking shelter, aid, community members struggling with recovery, residents facing hardships*.

Акцент делается на материальной помощи, которая поступает со стороны государства, общественных и коммерческих организаций: *The American Red Cross has opened several disaster shelters throughout the region* (Community Impact, 09.07.2024); *Federal Emergency Management Agency's (FEMA) Public Assistance provides supplemental grants to state, tribal, territorial, and local governments when communities need help to cover their costs for debris removal, lifesaving emergency protective measures, and restoring public infrastructure* (Newsweek, 05.09.2024).

Поддержка, оказываемая различными институтами, маркируется с помощью лексем и сочетаний *assistance, aid, emergency services, authorities, relief organizations, Red Cross, charities, nonprofit organizations, aid distribution, relief efforts, volunteers, support, helping, donation, contributions, distribute supplies, resources*.

В процесс ликвидации последствий природного бедствия активно вовлечены волонтеры, оказывающие поддержку пострадавшим и содействующие восстановлению инфраструктуры: *According to a KENS5 report, more than 300 volunteers have converged on the local Red Cross chapter in San Antonio to aid in relief operations* (Hoodline, 12.07.2024).

Добровольный характер помощи подчеркивается с помощью лексем и сочетаний *volunteers, initiatives, selfless efforts, goodwill, lend a hand, donate time*.

Авторы статей акцентируют внимание на общности взглядов и ценностей в условиях кризиса, в статьях неоднократно приводятся примеры того, как люди самостоятельно справляются с кризисом и помогают друг другу: *Texans were banding together and making do; “the community has come together”, Cantu said. “I didn’t have a generator. Somebody brought me a generator. So we’re all just kind of working, trying to make it through this horrible situation* (Texas Tribune, 11.07.2024); *Collaboration is more critical than ever as the continuous pace of extreme weather continues to worsen and shortens the time we have to prepare for major storms* (Hoodline, 12.07.2024).

В текстах, акцентирующих солидарность и взаимопомощь, в роли ключевых слов выступают следующие языковые единицы: *solidarity, community, unity, together, resilience, courage, mutual aid, collective effort, rebuild, lend a hand, pitch in, stand together, come together, join*.

На основе проведённого анализа можно заключить, что англоязычные СМИ в освещении последствий урагана «Берил» в Техасе реализуют комплексный подход к коммуникации с населением. Медиа предоставляют подробную информацию о развитии урагана, факторах риска и правилах безопасного поведения, о конкретных мерах по ликвидации его последствий. В то же время они акцентируют внимание на поддержке пострадавших со стороны государственных и общественных организаций, волонтеров, подчеркивая ценности солидарности, взаимопомощи и коллективных усилий для преодоления кризиса.

Во время природного бедствия ведущей стратегией кризисного медиадискурса становится стратегия интеграции, отражающая стремление объединить общество перед лицом опасности и подчеркнуть значимость солидарности. Медиа фокусируются на помощи жертвам стихии и необходимости объединения в рамках общества или отдельных его групп.

Кризисный дискурс представляет собой важную составляющую современного медиaprостранства, в котором информация о кризисных событиях становится особенно актуальной и востребованной. Он не только отражает текущие социальные, экономические и политические события, но и формирует их общественное восприятие. Данный дискурс характеризуется специфическими языковыми средствами и стратегиями воздействия, направленными на формирование общественного мнения и мобилизацию совместных усилий граждан. В условиях информационного давления и высокой конкуренции за внимание аудитории кризисный медиадискурс не только информирует аудиторию, но и активно способствует мобилизации населения на борьбу с кризисом, влияет на восприятие кризисов и реакцию общества на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биюмена, А. А.* Направления солидаризации в кризисном дискурсе белорусской районной прессы в период пандемии коронавируса / А. А. Биюмена // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2021. – № 1. – С. 33–40.
2. *Пильгун, Е. В.* Семантика и прагматика кризисного дискурса / Е. В. Пильгун. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – 203 с.
3. *Багрова, Е. В.* Типологизация кризисов современного социального бытия / Е. В. Багрова // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманит. исследования. – 2019. – № 1 (22). – С. 9–12.
4. *Пильгун, Е. В.* Особенности отражения кризисных ситуаций в британской и российской качественной прессе / Е. В. Пильгун // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. – 2017. – № 38. – С. 96–107.

Поступила в редакцию 11.05.2026

УДК: 811.111'37:811.133.1'37(045)

Скоробогатый Вадим Валерьевич

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры
германского языкознания
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Vadzim Skarabahaty

MA in Philology, Lecturer
of the Department of Germanic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
vadzimskarabahaty@gmail.com

ФРЕЙМОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ СТРАХ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается когнитивно-семантический фрейм базовой эмоции страха (англ. *fear*, фр. *peur*) в английском и французском языках. Выявляются структурные и содержательные особенности фрейма СТРАХ в сопоставляемых языках на материале словарных дефиниций и ассоциативных данных национальных корпусов и ассоциативных словарей. Методология включает дефиниционный анализ лексикографических источников, концептуальный анализ ассоциативных полей эмоции страха и контрастивный анализ для установления межъязыковых различий. Подтверждается инвариантная шестислотная модель фрейма СТРАХ в обоих языках. Англоязычный фрейм FEAR акцентирует индивидуальное переживание угрозы и утраты контроля, тогда как франкоязычный фрейм PEUR отражает страх как социально и культурно опосредованный феномен с потенциалом активного преодоления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *фрейм; концепт; базовая эмоция; фреймовая семантика; английский язык; французский язык.*

FRAME REPRESENTATION OF THE EMOTION OF FEAR IN ENGLISH AND FRENCH: A CONTRASTIVE ANALYSIS

This article examines the cognitive-semantic frame of the basic emotion of fear (English *fear*, French *peur*) in the English and French languages. Hence, the aim of the study is to identify the structural and content-specific characteristics of the FEAR frame in the compared languages. The material includes dictionary definitions and associative data from national corpora and associative thesauri. The methodology comprises definitional analysis of lexicographic sources, conceptual analysis of the associative fields of the emotion, and a contrastive analysis to establish cross-linguistic differences. The results confirm an invariant six-slot model of the frame FEAR in both languages, but reveal significant distinctions. The English FEAR frame accentuates the individual experience of threat and loss of control, whereas the French PEUR frame construes fear as a socially and culturally mediated phenomenon with potential for active overcoming.

K e y w o r d s : *frame; concept; basic emotion; frame semantics; English; French.*

Эмоции представляют собой сложный междисциплинарный объект исследования, объединяющий физиологические, когнитивные, социальные и культурные аспекты человеческого опыта. Базовые эмоции рассматриваются как врожденные универсалии, распознаваемые во всех культурах по характерным мимическим проявлениям [1; 2]. К числу таких эмоций относят

счастье, грусть, злость, страх, удивление и отвращение [3]. Однако последние эмпирические данные показывают, что надежно различимы лишь четыре первичных эмоциональных сигнала – *счастье, грусть, страх и злость* [4]. Эмоция страха занимает особое место среди них, поскольку является ключевым эволюционным механизмом выживания: страх предупреждает организм о потенциальной опасности, позволяя человеку среагировать на угрозу еще до ее сознательного осмысления [5]. Такая биологическая запрограммированность обеспечивает активацию защитных реакций без детального когнитивного анализа ситуации.

Несмотря на определенную универсальность базовых эмоций, их восприятие и интерпретация существенно зависят от лингвокультурного контекста. Как отмечает Дж. Рассел, эмоции нельзя считать фиксированными биологическими сущностями: различия в их концептуализации определяются культурными сценариями и языком описания эмоционального опыта [6]. В русле когнитивной лингвистики представляется продуктивным рассматривать эмоции как фреймы – сложные когнитивные структуры, организующие накопленные знания об определенных ситуациях или явлениях [7].

Лексикографические дефиниции базовых эмоций в английском и французском языках содержат инвариантный набор семантических компонентов: эмоциональное состояние, причину, физиологические проявления, поведенческие реакции, участников ситуации и образы/символы [8]. Эти компоненты могут интерпретироваться как слоты фрейма эмоции. Фреймовая модель позволяет интегрировать аффективные, когнитивные, языковые и культурные аспекты эмоционального концепта, создавая целостную эмоционально-когнитивно-лингвокультурную структуру. Однако системный анализ фрейма отдельной базовой эмоции в сопоставительном аспекте до сих пор остается редкостью. Лексемы *fear* англ. ‘страх’ и *peur* фр. ‘страх’, номинирующие эмоцию страха в английском и французском языках, представляют особый интерес как «точки доступа» к соответствующим концептосферам. Их сопоставительное исследование через призму фреймовой семантики позволяет выявить как универсальные черты когнитивной организации эмоции страха, так и специфические особенности ее языковой репрезентации, обусловленные различиями в культурно-социальных установках рассматриваемых лингвокультур.

Настоящее исследование направлено на выявление структурной и содержательной организации фрейма базовой эмоции страха в английском и французском языках, а также на установление общих и уникальных характеристик его репрезентации в упомянутых лингвокультурах. Исследование отвечает на следующие вопросы:

1. Какие семантические слоты формируют фрейм эмоции страха в английском и французском языках?
2. Как распределяются ассоциативные реакции носителей языка по выделенным слотам фрейма?

3. Какие сходства и различия обнаруживаются в концептуализации страха между английской и французской лингвокультурами?

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: (1) провести дефиниционный анализ лексикографических источников с целью определить базовый набор семантических признаков эмоции страха; (2) сформировать ассоциативные поля для стимулов *fear* и *peur* на материале ассоциативных словарей и корпусов; (3) классифицировать полученные единицы по слотам фрейма; (4) выявить содержание каждого слота фрейма СТРАХ в английском и французском языках и количественные соотношения между слотами; (5) сопоставить фреймы FEAR и PEUR, установив сходства, различия и лингвокультурную специфику.

В статье описаны процедуры сбора и анализа данных, представлены полученные фреймовые структуры для английского и французского языков, проанализированы выявленные межъязыковые сходства и различия, сформулированы основные выводы и перспективы дальнейших исследований.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, совмещающий методологический инструментарий когнитивной лингвистики, лексикографии и корпусного анализа. В процессе работы использованы следующие методы.

Этимологический анализ применялся для прослеживания происхождения и исторической семантики ключевых лексем *fear* англ. 'страх' и *peur* фр. 'страх', что проливает свет на эволюцию концепта СТРАХ.

Дефиниционный анализ осуществлялся путем изучения словарных статей, описывающих *fear* англ. 'страх' и *peur* фр. 'страх' в толковых и исторических словарях английского и французского языков (в частности, Shorter Oxford English Dictionary [9]; Le Robert. Dictionnaire Historique de la langue française [10]; Concise Oxford English Dictionary [11]; Dictionnaire de l'Académie française [12]). Это позволило выявить инвариантный набор семантических слотов эмоционального концепта.

Ассоциативный и контекстуальный анализ включал сбор и классификацию слов-ассоциатов, связанных с концептом «страх», из авторитетных ассоциативных ресурсов: Edinburgh Associative Thesaurus (EAT) [13] для английского языка и Большого аннотированного французского ассоциативного словаря (БАФАС) [14] для французского, а также из данных веб-корпусов enTenTen2021 и frTenTen2023 [15]. В совокупности рассмотрено 451 ассоциативная реакция на стимул *fear* англ. 'страх' и 417 реакций на стимул *peur* фр. 'страх', что обеспечило репрезентативность эмпирического материала.

Концептуальный фреймовый анализ заключался в интерпретации собранных ассоциативных единиц через призму слотов, выделенных на основе дефиниций. Все реакции распределены по шести тематическим слотам фрей-

ма СТРАХ: (1) причина (каузатор), (2) эмоциональное состояние, (3) физиологические проявления, (4) поведенческие реакции, (5) метафоры и символы, 6) участники ситуации.

Контрастивный анализ осуществлялся путем сопоставления полученных данных по английскому и французскому языкам для выявления сходств и различий в наполнении слотов фрейма, а также особенностей концептуализации эмоции страха.

Такое сочетание методов обеспечивает комплексное и репрезентативное изучение лексико-семантической структуры фрейма СТРАХ в английском и французском языках, а также позволяет выявить межъязыковую и культурную специфику его осмысления.

Фрейм FEAR в английском языке

Эмоция страха в английской языковой картине мира репрезентируется как комплексное переживание угрозы, сопровождаемое предчувствиями, телесными реакциями и символическими проекциями. Исторические источники свидетельствуют, что в древнеанглийском языке слово *fear* 'страх' обозначало не столько субъективное чувство, сколько саму ситуацию опасности (например, значение *sudden calamity, danger* 'внезапное бедствие, опасность'). В качестве эмоции *fear* 'страх' изначально описывался как *pain or uneasiness caused by impending danger* 'боль или тревога, вызванные надвигающейся опасностью', причем уже на ранних этапах фиксировались крайне интенсивные, ужасающие проявления страха. В современных определениях доминирует понимание страха как *an unpleasant emotion caused by the threat of danger, pain, or harm* 'неприятное чувство, вызванное угрозой опасности, боли или вреда'. Таким образом, концепт СТРАХ в английском сознании изначально связан с нарушением чувства безопасности, тревогой перед угрозой и необходимостью мобилизации ресурсов для защиты.

Анализ ассоциативного поля *fear* 'страх' выявил, что наиболее заполненным в фрейме FEAR оказался слот 'причина' – он включает 102 единицы. Причины страха в английских данных чрезвычайно разнообразны и охватывают как физические угрозы (например, *attack* 'атака', *firearm* 'огнестрельное оружие', *snakes* 'змеи', *spider* 'паук', *drown* 'утонуть', *fire* 'огонь'), так и социальные и экзистенциальные источники тревоги (*failure* 'неудача', *exam* 'экзамен', *war* 'война', *injustice* 'несправедливость', *old age* 'старость', *pregnancy* 'беременность'). Присутствуют и абстрактные причины, такие как *future* 'будущее', *unknown* 'неизвестность', *oppression* 'угнетение', что отражает когнитивную сложность концепта СТРАХ: он направлен не только на конкретную угрозу, но и на неконтролируемые изменения и неопределенность бытия.

Слот 'эмоциональное состояние' включает 62 ассоциата, представляющих сложный спектр аффективных реакций – от панического ужаса до чувства тревожности и неуверенности. К ключевым реакциям относятся *afraid* 'испуганный', *fright* 'испуг', *terror* 'ужас', *panic* 'паника', *paranoia*

‘паранойя’, что демонстрирует интенсивность переживаемого страха. Наряду с ними зафиксированы состояния неопределенности и внутреннего беспокойства: *uneasy* ‘тревожный’, *worried* ‘обеспокоенный’, *insecurity* ‘неуверенность’. Примечательно присутствие антонимичных реакций (*fearless* ‘бесстрашный’, *calm* ‘спокойный’), указывающее на тенденцию англоязычного сознания воспринимать страх через противопоставление контролю над эмоциями.

Физиологические проявления страха отражены 35 ассоциатами, связанными с телесными маркерами активации стрессовой реакции: *gasp* ‘резкий вдох’, *heart* ‘сердце’ (учащенное сердцебиение), *tremble* ‘дрожать’, *sweat* ‘потеть’, *shock* ‘шок’, *startle* ‘вздрагивание’. Эти ассоциации показывают, что страх осмысливается как глубоко телесный феномен, мгновенно вовлекающий вегетативную нервную систему и запускающий каскад физиологических реакций.

Поведенческие реакции страха репрезентированы 40 ассоциативными единицами, организованными вокруг стратегий избегания и защиты. Типичные действия в состоянии страха – *flee* ‘бежать, спасаться’, *hide* ‘прятаться’, *cower* ‘съёживаться’ от угрозы. Одновременно отмечаются и ответные активные действия: *struggle* ‘сражаться, отбиваться’, *oppose* ‘противостоять’. Кроме того, присутствуют импульсивные вокальные и моторные реакции (*startle* ‘встрепенуться; испугнуть’, *cry* ‘кричать, плакать’), а также компенсаторные стратегии, направленные на поиск опоры: *support* ‘поддержка’, *help* ‘звать на помощь’ или уход от реальности (*escapism* ‘эскапизм’).

Особое место в концепте страха занимает метафорический слой: слот ‘метафоры и символы’ включает 196 (≈ 43 %) ассоциаций – почти половину от всего материала исследовательского корпуса. Страх осмысливается через образы потери контроля и разрушения порядка (*collapse* ‘крах, обвал’, *conflict* ‘конфликт’, *crisis* ‘кризис’), неизвестности (*dark* ‘темнота’, *shadow* ‘тень’, *future* ‘будущее’) и психической дезинтеграции (*madness* ‘безумие’, *frenzy* ‘неистовство’). Фиксируются также культурно маркированные символы страха: *ghost* ‘призрак’, *monster* ‘монстр’, *spooky* ‘жуткий’, что подчеркивает укорененность мифологических элементов в коллективном сознании.

Наконец, слот ‘участники’ представлен 18 единицами, среди которых названы как реальные агенты угрозы (*terrorist* ‘террорист’, *gang* ‘банда’, *foe* ‘враг’), так и персонифицированные или мистические фигуры (*ghost* ‘дух, привидение’, *ghoul* ‘вурдалак’, *self* ‘самость, собственное “я”’, *god* ‘бог’). Наличие последней группы указывает на то, что английское сознание воспринимает страх не только как реакцию на внешние опасности, но и как экзистенциальное чувство, связанное с внутренними «демонами» и вопросами идентичности.

Фрейм PEUR во французском языке

Эмоция *peur* ‘страх’ во французской языковой картине мира репрезентуется как многомерное переживание, объединяющее ощущение угрозы, утрату контроля, телесную мобилизацию и культурно символизированное

осмысление опасности. Этимологически *peur* ‘страх’ восходит к латинскому *pavor* ‘трепет, страх’ и уже в старофранцузском обозначало одновременно эмоциональную реакцию и факт опасности. В старофранцузских источниках *peur* описывается как *l'émotion qui saisit et fait perdre le sang-froid* ‘эмоция, которая захватывает и лишает хладнокровия’. Современные словари определяют *peur* как *émotion pénible que produit la vue ou la conscience d'un danger* ‘мучительное чувство, вызываемое осознанием угрозы или опасности’. Таким образом, с самого начала во французской концептуальной модели страх представлен и как внутреннее потрясение, и как нарушение нормального функционирования психики и тела.

Во фрейме PEUR одним из наиболее объемных является слот ‘причина’, включающий 91 реакцию. Причины охватывают физические угрозы (*araignée* ‘паук’, *chien* ‘собака’, *requin* ‘акула’, *serpent* ‘змея’, *hôpital* ‘больница’), а также социальные и экзистенциальные страхи (*guerre* ‘война’, *violence* ‘насилие’, *racisme* ‘расизм’, *solitude* ‘одиночество’, *vieillir* ‘старение’). Существенное место занимают абстрактные угрозы: *inconnu* ‘неизвестность’, *menace* ‘угроза’, *pression* ‘давление’, *névrose* ‘невроз’. Это свидетельствует о том, что во французском сознании страх воспринимается не только как реакция на непосредственную физическую опасность, но и как ответ на подрыв устойчивости внутреннего мира личности или социальной среды.

Слот ‘эмоциональное состояние’ во французском фрейме содержит 49 единиц, среди которых представлены как классические проявления страха (*angoisse* ‘тревога, тоска’, *panique* ‘паника’, *frayeur* ‘испуг’, *effroi* ‘ужас’), так и различные состояния беспокойства и внутреннего смятения (*anxiété* ‘тревожность’, *inquiétude* ‘волнение’, *souci* ‘беспокойство, забота’, *trouble* ‘смятение’). Примечательно присутствие реакций с положительной коннотацией либо обозначающих преодоление страха (*espoir* ‘надежда’, *confiance* ‘уверенность, доверие’, *calme* ‘спокойствие’). Их наличие указывает на то, что во франкоязычном понимании страх может рассматриваться как процесс, допускающий внутреннюю переработку и трансформацию переживания – то есть страх осмысливается не только в негативном ключе, но и через призму его преодоления.

Физиологические проявления страха во французской выборке представлены 33 ассоциатами, фокусирующимися вокруг типичных симптомов паники и тревожного возбуждения: *battre* ‘биться (о сердце)’, *frisson* ‘дрожь’, *sueurs* ‘холодный пот’, *blême* ‘бледный’, *claquer des dents* ‘стучать зубами’, *tétaniser* ‘оцепенеть’. Эти реакции подчеркивают специфику восприятия страха как состояния, вызывающего непосредственный физиологический отклик и нарушающего нормальное функционирование организма.

Поведенческие проявления страха охватывают во французском 47 единиц и демонстрируют широкий диапазон реакций – от бегства до противостояния. С одной стороны, зафиксированы типичные действия избегания: *fuir* ‘убегать’, *cacher* ‘прятаться’, *frein* ‘тормозить (останавливаться)’,

flipper ‘паниковать, терять голову’. С другой стороны, отчетливо представлены стратегии преодоления угрозы: *affronter* ‘противостоять’, *dépasser* ‘преодолеть’, *vaincre* ‘одолеть, победить’, *surmonter ses peurs* ‘преодолеть свои страхи’. Отдельное место занимают коммуникативные реакции в ситуации страха: зов о помощи (*aide* ‘помощь’, *appel* ‘зов’), а также крик (*cri* ‘крик’, *crier* ‘кричать’). Наличие таких реакций указывает на социальную природу переживания страха и ориентацию на поиск поддержки окружающих.

Метафорический слот фрейма PEUR включает 182 ассоциации. Концептуализация страха во французском языке осуществляется через образы падения (*chute* ‘падение’), разрушения (*saccagé* ‘разрушенный’), мрака (*obscurité* ‘темнота’, *ténèbres* ‘тьма’), исчезновения (*vide* ‘пустота’), а также посредством культурно значимых символов (*fantôme* ‘привидение’, *sorcière* ‘ведьма’, *monstre* ‘чудовище’). Таким образом, символическая репрезентация страха во французской культуре опирается на богатую мифопоэтическую традицию, укорененную в коллективном бессознательном.

Слот ‘участники’ во французском фрейме включает 15 ассоциатов, среди которых отмечены как агенты угрозы (*ennemi* ‘враг’, *monstre* ‘монстр’, *requin* ‘акула’, *serpent* ‘змея’), так и объекты или фигуры защиты (*ami* ‘друг’, *parent* ‘родитель’, *mère* ‘мать’, *enfant* ‘ребенок’). Это отражает двойственную природу страха: с одной стороны, он направлен на внешнего врага, с другой – вызывает стремление к поиску защиты и поддержки внутри социальной группы.

В количественном отношении распределение ассоциативного материала по слотам в английском и французском языках сходно: на долю метафорического слоя приходится наибольший процент реакций – 43 % в английском и 44 % во французском; затем следуют причины страха – 23 % и 22 %; эмоциональные состояния – 14 % и 12 %; поведенческие реакции – 9 % и 11 %; физиологические проявления – 8 % и 8 %; участники – 4 % и 4 % (таблица). Таким образом, оба фрейма характеризуются единой шестислотной структурой с доминирующей ролью метафорико-символического компонента.

Наполнение слотов фрейма СТРАХ ассоциативными единицами

Слот	% от общего количества в англ. яз.	% от общего количества во франц. яз.
Причина (каузатор)	23 (n = 102)	22 (n = 91)
Эмоциональное состояние	14 (n = 62)	12 (n = 49)
Физиологические проявления	8 (n = 35)	8 (n = 33)
Поведенческие проявления	9 (n = 40)	11 (n = 47)
Метафоры и символы	43 (n = 196)	44 (n = 182)
Участники	4 (n = 18)	4 (n = 15)

Сопоставление результатов по английскому и французскому языкам показывает, что в обоих случаях фрейм СТРАХ представляет собой сложную когнитивную структуру, интегрирующую эмоциональные, физиологические, поведенческие и символические компоненты переживания. Однако между англоязычной и франкоязычной концептуализацией страха выявляются существенные различия в акцентах и содержании слотов, что отражает различные культурно-исторические традиции осмысления эмоции.

В английском языке страх осмысляется прежде всего как состояние внутреннего кризиса и утраты контроля. Ассоциативные единицы акцентируют переживание хаоса и неопределенности. Такая концептуализация, вероятно, коррелирует с англосаксонской культурной установкой на индивидуализм и личную автономию. Страх воспринимается как угроза индивидуальному контролю над ситуацией и собственной безопасности. Эмоциональное состояние репрезентируется преимущественно через интенсивные формы ужаса и тревоги, а физиологические реакции указывают на мгновенную активацию стрессового ответа организма. Поведенческая сцена страха в английских данных фокусируется на стратегиях избегания и немедленной самозащиты, что согласуется с эволюционной моделью реакции «бей или беги». Символический слот насыщен образами угрозы, разрушения и безумия, что указывает на восприятие страха как деструктивной силы, разрушающей психическую стабильность.

Во французском языке страх предстает более социально и культурно окрашенным переживанием. Помимо физических опасностей, значительную роль играют страхи социального плана, отражающие коллективные исторические и культурные травмы французского общества. Это может быть связано с франкоязычной культурной традицией, в которой большее значение придается социальным связям, солидарности и общественным ценностям. Эмоциональные состояния во французском фрейме варьируются от острых всплесков ужаса до длительного внутреннего беспокойства, что свидетельствует о более дифференцированной эмотивной палитре. Примечательно присутствие антонимичных реакций, указывающих на то, что франкоязычное сознание рассматривает страх не как тупиковое состояние, а как эмоцию, допускающую преодоление и трансформацию.

Физиологические проявления фиксируются через соматические реакции, схожие с английскими, что подтверждает универсальность телесного выражения базовой эмоции. Однако поведенческие реакции во французском языке включают не только избегание, но и активное сопротивление угрозе, что указывает на культурную ценность преодоления страха и активной борьбы с опасностью. Эта особенность может отражать французскую политическую и культурную традиции сопротивления и революционной борьбы.

Особое различие наблюдается в области символики страха. Английская модель склонна символизировать страх через абстрактные образы хаоса и опасности, тогда как французская опирается на конкретные культурные мифологемы. Это говорит о том, что французская картина мира интегрирует страх в систему традиционных культурных символов, укорененных в фольклоре и коллективной памяти, тогда как англоязычная придает больше значения самому ощущению дезориентации и потери контроля как индивидуальному переживанию.

Наконец, различия касаются и ролей участников эмоциональной сцены. В английском фрейме угрозы чаще обезличены, в то время как во французском присутствует акцент на социальных связях и защите через фигуры близких. Франкоязычная модель страха тем самым подчеркивает взаимозависимость индивида и общества при переживании и преодолении этого чувства, что согласуется с франкофонной культурной установкой на коллективизм и социальную солидарность.

Таким образом, несмотря на единый базовый механизм страха как эволюционной эмоции, способы его концептуализации в английском и французском языках различаются. Английский фрейм FEAR акцентирует индивидуальное, внутренне хаотичное переживание угрозы и утраты контроля, тогда как французский фрейм PEUR оформляет страх как феномен, тесно связанный с социальной принадлежностью, культурной интерпретацией опасности и возможностью активного преодоления эмоционального потрясения. Эти различия отражают лингвокультурные ценности и доминантные стратегии эмоциональной регуляции в англо- и франкоязычном сообществах.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о единой инвариантной структуре фрейма эмоции страха в английском и французском языках, включающей шесть ключевых слотов, при существенных различиях в их содержательном наполнении. Количественное распределение ассоциативного материала демонстрирует доминирование метафорико-символического слоя (43–44 %), что указывает на образно-символическую природу концептуализации базовой эмоции в обеих лингвокультурах. Англоязычный фрейм FEAR акцентирует индивидуальное переживание утраты контроля и дезориентации, тогда как франкоязычный фрейм PEUR характеризуется социальной окрашенностью и ориентацией на преодоление страха через коллективную поддержку.

Результаты вносят вклад в развитие когнитивной лингвистики и фреймовой семантики эмоциональных концептов, демонстрируя продуктивность междисциплинарного подхода. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных данных в межкультурной коммуникации, преподавании иностранных языков и литературном переводе.

К ограничениям работы относятся фокус на субстантивных номинантах страха и объем ассоциативного материала, ограниченный доступными ресурсами. Перспективы дальнейших исследований включают сопоставительный анализ других базовых эмоций, расширение эмпирической базы за счет глагольных и адъективных форм, а также экспериментальную верификацию выявленных закономерностей на дискурсивном материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изард, К.* Психология эмоций / К. Изард. – СПб. : Питер, 2006. – 464 с.
2. *Ekman, P.* What is meant by calling emotions basic / P. Ekman, D. Cordaro // *Emotion Review*. – 2011. – Vol. 3, iss. 4. – P. 364–370.
3. Dynamic facial expressions of emotion transmit an evolving hierarchy of signals over time / R. E. Jack, O. G. Garrod, H. Yu, R. Caldara, P. G. Schyns // *Current Biology*. – 2014. – Vol. 24, no. 2. – P. 187–192.
4. *Ekman, P.* An argument for basic emotions / P. Ekman // *Cognition and Emotion*. – 1992. – Vol. 6, no. 3/4. – P. 169–200.
5. *Солодилова, И. А.* К вопросу о соотношении понятий ‘эмоция’ и ‘когниция’ / И. А. Солодилова // *Вестник Башкирского университета*. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-emotsiya-i-kognitsiya> (дата обращения: 16.03.2025).
6. *Russell, J. A.* A circumplex model of affect / J. A. Russell // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1980. – Vol. 39. – No. 6. – P. 1161–1178.
7. *Лещёва, Л. М.* Лингвистическое моделирование концепта радость / Л. М. Лещёва // *От слова к дискурсу : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–17 мая 2025 г. / редкол. : Ю. В. Овсянчик (отв. ред.) [и др.]*. – Минск : МГЛУ, 2025. – С. 15–17.
8. *Скоробогатый, В. В.* Репрезентация фрейма СЧАСТЬЕ в английском и французском языках / В. В. Скоробогатый // *Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации = Language, culture, creativity in a transdisciplinary dimension: traditions and innovations : тез. докл. II Междунар. науч. конф., приуроч. к 95-летию со дня рождения проф. В.Н. Телия, Минск, 24–26 окт. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; редкол.: М.С. Гутовская (гл. ред.), И. В. Зыкова, М.И. Киосе [и др.]*. – Минск : БГУ, 2025. – С. 317–318.
9. *Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by Lesley Brown*. – 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 2 vols. – 3742 p.
10. *Rey, A.* Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2022. – 3 vol. – 4672 p.

11. Concise Oxford English Dictionary / ed. by A. Stevenson, M. Waite. – 12th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 1696 p.
12. Dictionnaire de l'Académie française. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr> (дата обращения: 01.06.2025).
13. Edinburgh Associative Thesaurus (EAT). – URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения: 01.06.2025).
14. Большой аннотированный французский ассоциативный словарь (БАФАС). – URL: http://dictaverf.nsu.ru/pages/dict_gfasa.php (дата обращения: 01.06.2025).
15. Sketch Engine. – URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 01.06.2025).

Поступила в редакцию 12.11.2025

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК [811.161.1'37'27:811.111'37'27]:366.648:001.53

Швец Галина Геннадьевна

аспирант кафедры фонетики
и практики английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Halina Shvets

PhD Student of the Department
of Phonetics and Practice
of English Speech
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lili-70@inbox.ru

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНФОКОММУНИКАЦИОННОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены принципы лексикографического моделирования терминосистемы инфокоммуникационного дискурса в английском, русском и белорусском языках. Описываются типы межъязыковой терминологической эквивалентности. Представляется макроструктура и микроструктура контекстологического трехъязычного терминологического словаря с зонами номинации, орфографии, грамматики, семантики, эквиваленции, иллюстративных контекстов и паспортизации.

Ключевые слова: *инфокоммуникационный дискурс; лексикографическое моделирование; терминография; межъязыковая эквивалентность.*

THE PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHICAL MODELING OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF INFOCOMMUNICATION DISCOURSE IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

This article presents the principles of lexicographic modeling of the terminology of infocommunication discourse in English, Russian, and Belarusian. The types of interlingual terminological equivalence are described. The macrostructure and microstructure of the contextual trilingual terminological dictionary with the areas of nomination, spelling, grammar, semantics, equivalence, illustrative contexts and bibliographic metadata are presented.

Key words: *infocommunication discourse; lexicographic modeling; terminography; interlingual equivalence.*

Инфокоммуникационный дискурс в начале XXI века стал одной из наиболее интенсивно развивающихся сфер профессиональной коммуникации. Его формирование обусловлено стремительным развитием телекоммуникационных сетей, программных платформ, цифровой инфраструктуры и систем кибербезопасности. Внутри данной сферы язык выполняет не только номи-

нативную, но и нормативно-регулирующую функцию: термин фиксирует границы понятия, определяет процедурные рамки и обеспечивает технологическую воспроизводимость.

В условиях глобального взаимодействия профессиональных сообществ особую значимость приобретает сопоставление англо-, русско- и белорусскоязычного сегментов инфокоммуникационного дискурса. Английский язык выступает основным источником инновационной терминологии, тогда как русско-белорусскоязычные традиции стремятся к нормативной систематизации и унификации через стандарты. Возникает необходимость не просто перевода терминов, а их лексикографического моделирования с учетом дискурсивных, функциональных и нормативных факторов.

Инфокоммуникационная сфера в настоящее время занимает стратегически важное место в общественной и профессиональной жизни. Она охватывает телекоммуникации, информационные технологии, сетевую инфраструктуру, кибербезопасность, цифровые платформы и сервисы. Функционирование экономики, государственного управления и частного сектора непосредственно связано с устойчивостью сетей передачи данных, корректностью протоколов и надежностью информационных систем. Современная деятельность – от межгосударственного взаимодействия до повседневной коммуникации – невозможна без развитых средств связи и цифровых решений.

Актуальность предпринимаемого исследования также обусловлена требованиями к специалистам, предъявляемыми образовательным стандартом высшего образования (ОСВО 1-45 01 02-2021) специальности 1-45 01 02 «Инфокоммуникационные системы (по направлениям)», согласно которым выпускник должен обладать рядом универсальных и общепрофессиональных компетенций, среди которых важное место занимает осуществление коммуникации на иностранном языке для решения задач межличностного, профессионального и межкультурного взаимодействия. Таким образом, основной целевой аудиторией данного словаря являются: преподаватели и студенты технических и лингвистических специальностей, а также специалисты и переводчики в области инфокоммуникационных технологий. Данный словарь может быть интересен для исследователей терминологических систем и профессионального дискурса.

Цель исследования заключается в разработке принципов лексикографического моделирования терминологии инфокоммуникационного дискурса в английском, русском и белорусском языках и создании контекстуального англо-русско-белорусского словаря инфокоммуникационных терминов. Объектом исследования выступают инфокоммуникационные термины в английском, русском и белорусском языках, предметом – принципы контекстуального лексикографического описания данных терминов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые обоснованы и применены принципы паспортизации источников и контекстологического описания, формирующие трехуровневую модель межъязыковой эквивалентности инфокоммуникационных терминов.

Как и любая область научного знания и профессиональной практики, инфокоммуникационная сфера обслуживается системой специальных терминов слов или словосочетаний, которые обозначают строго определенные понятия в пределах конкретной области знания, фиксируют результаты концептуализации профессионального опыта и служат инструментом передачи специализированной информации.

Фундаментальные основы профессионального терминоведения были заложены в работах Д. С. Лотте [1], В. М. Лейчика [2], С. В. Гринёва-Гринёвича [3], Э. А. Сорокиной, М. А. Молчановой [4] и К. А. Кинжаевой [5] и др. Однако англоязычная инфокоммуникационная терминология в сопоставлении с системами русского и белорусского языка до настоящего времени не получила комплексного лексикографического описания за исключением «Толкового русско-англо-белорусского словаря по информатике» (1994) [6] под редакцией профессора М. К. Бузы, изданного более 30 лет назад, и «Русско-белорусского словаря: информатика, телекоммуникации и связь, физика» [7] под редакцией Г. А. Артёмёнка, опубликованного в 2022 году.

Тем не менее, развитие инфокоммуникаций сопровождается постоянным обновлением понятийного аппарата, что обуславливает необходимость создания полиязычного лексикографического справочника нового поколения – «Контекстуального англо-русско-белорусского словаря инфокоммуникационных терминов» на основе анализа корпуса международных и национальных стандартов, а именно: материалом исследования послужил корпус объемом более 250 технических документов, включающий международные стандарты ISO, IEC, ITU, национальные стандарты, технические регламенты, патенты, руководства по эксплуатации и техническую документацию на английском, русском и белорусском языках, что позволяет проследить формирование терминологии на всех этапах жизненного цикла продукта или технологии от постановки требований и проектирования до внедрения и введения в эксплуатацию.

Основными критериями для отбора терминов являются: принадлежность к инфокоммуникационной предметной области; регулярное употребление в нормативно-технической документации; наличие дефиниции или устойчивой профессиональной интерпретации; воспроизводимость в профессиональном дискурсе; межъязыковая релевантность для английского, русского и белорусского языков. Материал исследования охватывает терминологию следующих предметных областей: телекоммуникационные сети; системы передачи данных; информационная безопасность; сетевые протоколы; облач-

ные технологии; программно-аппаратная инфраструктура; цифровые сервисы и платформы.

Макроструктура словаря представляет собой упорядоченную по алфавитному принципу совокупность всех словарных статей, обеспечивающую навигацию и доступ к содержащейся в нем информации.

Микроструктура определяет состав и последовательность элементов внутри одной словарной статьи с разделами номинации, орфографической, грамматической, семантической информации, эквиваленции, иллюстраций, паспортизации.

Зона номинации вводит англоязычный инфокоммуникационный термин в корпус словаря.

Орфографический компонент репрезентирует варианты его написания. В разделе грамматической информации представляются сведения о структурно-языковых свойствах терминологической единицы [8].

В разделе **семантической информации** представляется значение термина. Одним из ключевых положений контекстологического подхода является фиксация типовой терминологической сочетаемости (коллокаций), отражающей устойчивые связи термина с другими единицами профессионального дискурса. Термин не существует изолированно; его значение раскрывается в устойчивых словосочетаниях: например, *risk assessment* 'оценка рисков', *security controls* 'меры защиты', *compliance requirements* 'требования соответствия' [9], *distributed denial-of-service (DDoS)* 'распределенная атака отказа в обслуживании' [16], *advanced persistent threat (APT)* 'целевая долговременная атака' [16], *phishing* 'фишинг' [10]; *incident response plan* 'план реагирования на инциденты'; *security incident* – 'инцидент информационной безопасности' [9], *IoT security challenges* 'проблемы безопасности Интернета вещей', *attack surface* 'поверхность атаки' [11]. Фиксация подобных коллокаций в словаре позволяет не только уточнить перевод, но и показать функциональные связи терминов.

Зона эквиваленции включает русскоязычные и белорусскоязычные соответствия англоязычного термина. На основе анализа работ [1–5], затрагивающих вопрос межъязыковой эквивалентности, были выделены три устойчивых типа межъязыковых терминологических параллелей [5]:

1. Полная эквивалентность, предполагающая полную идентичность смыслового содержания и функционально-стилистических характеристик. Например, *5G core network (5GC)* 'базовая сеть 5G' [12], *access point* 'точка доступа' [13], *aerial fiber optic cable* 'воздушный волоконно-оптический кабель' [14]. Полные эквиваленты образуют ядро словаря. Они требуют минимального комментария, однако, даже в этом случае, целесообразно указывать источник их нормативной фиксации [9, 17, 18].

2. Функциональная эквивалентность предполагает частичное совпадение компонентов значения терминов. Например, *advanced persistent threat (APT)* – 'целевая долговременная атака' [16] – активно используется в про-

фессиональном инфокоммуникационном сообществе, но его перевод на русский язык может варьироваться в зависимости от источника. Подобные единицы требуют в словаре прагматические пометы об их функционально-прагматическом статусе (научный, публицистический, профессионально-технический, просторечный) и прагматический статус (терминологическая нормативность, профессиональный жаргон, сленговое употребление, профессиональный узус).

3. Экспликативная эквивалентность обуславливает необходимость контекстуального комментария, так как буквальный перевод не исчерпывает содержания термина. Данная типология имеет принципиальное значение для построения словаря, поскольку определяет структуру словарной статьи и объем необходимого комментария. Например, термин *control* в стандарте ISO 27001 [9] обозначает совокупность мер, направленных на снижение риска. Русский вариант *контроль* отражает лишь часть значения, тогда как перевод *мера защиты* точнее передает управленческий аспект. Следовательно, словарная статья должна фиксировать двойную интерпретацию и указывать на связь термина с процессом управления рисками [9]. Подобная ситуация наблюдается и с термином *compliance* ‘соответствие требованиям’ [9]. В нормативном дискурсе данное понятие включает процедуру аудита, доказательность и документальное подтверждение. Без контекстуального комментария перевод не отражает весь объем профессионального значения термина.

Иллюстративные контексты демонстрируют образцы употребления англоязычного термина, его русско- и белорусскоязычных аналогов. Согласно Т. А. Беяковой, терминологическое значение не исчерпывается дефиницией: оно формируется через контекст и систему сочетаемости [21, с. 99]. Исследователь подчеркивает, что именно контекстологический словарь выполняет обучающую функцию и позволяет устранить ложные эквиваленты [21, с. 100–101]. Например, нетерминологическая лексема *plan* ‘это предварительно обдуманный порядок действий, мероприятий, проект или чертеж для достижения цели’ в результате процесса терминологизации в словосочетании *incident response plan* – ‘план реагирования на инциденты’ [15] – обозначает не просто план действий, а структурированный документ: ***Incident Response Plan. The documentation of a predetermined set of instructions or procedures to detect, respond to, and limit consequences of a malicious cyber attacks against an organization’s information systems(s). Source: CNSSI 4009-2015 (NIST SP 800-34 Rev. 1)*** ‘План реагирования на инциденты. Документ, содержащий заранее определенный набор инструкций или процедур для обнаружения, реагирования и ограничения последствий злонамеренных кибератак против информационных систем организации. Источник: CNSSI 4009-2015 (NIST SP 800-34 Rev. 1)’ [15].

Раздел паспортизации содержит информацию об источниках языкового материала. Словарная статья выглядит следующим образом:

ACCESS CONTROL LIST (ACL)

ACL (Access Control List – список контроля доступа) – таблица, которая определяет правила фильтрации входящего трафика на основании передаваемых в пакетах протоколов, TCP/UDP портов, IP адресов или MAC-адресов. ACL-списки на базе IPv4 и MAC не должны иметь одинаковые названия. На один интерфейс можно назначить по одному типу access-list. Каждый access-list может содержать до 20 правил (Станционные оптические терминалы LTP-8X, LTP-4X Руководство по эксплуатации, Issue 21 (13.12.2021) [22].

= список контроля доступа

= спіс кантролю доступу (ACL) [beltelecom.by]

*When creating an **ACL**, you must assign it a number or name for identification. You can specify an existing **ACL** by its number or name. Each **ACL** type has a unique range of **ACL** numbers. For basic or advanced **ACLs** with the same number, you must use the *ipv6* keyword to distinguish them. For **ACLs** with the same name, you must use the *ipv6*, *mac*, and *user-defined* keywords to distinguish them. (08-**ACL** and QoS Configuration Guide New H3C Technologies Co., Ltd.)* ‘При создании **ACL**-списка необходимо присвоить ему номер или имя для идентификации. Вы можете указать существующий **ACL**-список по его номеру или имени. Каждый тип **ACL** имеет уникальный диапазон номеров **ACL**. Для базовых и расширенных **ACL**-списков с одинаковым номером необходимо использовать ключевое слово *ipv6*. Для **ACL**-списков с одинаковым именем необходимо использовать ключевые слова *ipv6*, *mac* и *user-defined*’ [23].

Списки контроля доступов играют важную роль в обеспечении соблюдения политик безопасности, защите конфиденциальных данных и поддержании целостности компьютерных систем и сетей [24].

«Бацькоўскі кантроль» па падпісцы ўяўляе сабой дадатковую паслугу, у рамках якой абанентам пастаяннага доступу ў сетку Інтэрнэт (byfly тм) прадастаўляецца падпіска на ліцэнзійнае праграмнае забеспячэнне для смартфонаў і планшэтаў, якое выконвае функцыі абароны дзяцей ад Інтэрнэт-пагроз і спажывання непажаданага кантэнту. (<https://beltelecom.by/be/private/internet/additional-service/parental-control-for-mobile>) [25].

Таким образом, представленный комплекс принципов лексикографического моделирования терминосистемы инфокоммуникационного дискурса в английском, русском и белорусском языках, положенный в основу трёхязычного контекстологического словаря инфокоммуникационного дискурса, формирует лексикографический инструмент нового типа. Проектируемый словарь, основанный на аутентичных источниках, корпусных данных, многоуровневой репрезентации терминов и их контекстуальном межъязыковом

сравнении, будет способствовать укреплению позиций русского и белорусского языков в сфере инфокоммуникационных технологий, обеспечивая их органичную интеграцию в современный профессиональный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотте, Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.
2. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 3-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 256 с.
3. *Гринев-Гриневиц, С. В.* Введение в терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
4. *Гринёв-Гриневиц, С. В.* Ещё раз к вопросу об определении термина / С. В. Гринёв-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 610–628. – DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-610-628.
5. *Кенжаева, К. А.* Вопросы обучения профессиональной терминологии / К. А. Кенжаева // Вестник науки и образования. – 2024. – № 2 (104). – С. 45–52. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 22.04.2026).
6. Толковый русско-англо-белорусский словарь по информатике / [М. К. Буза и др.] ; под общ. ред. проф. М.К. Бузы. – Минск : Вышэйшая школа, 1994. – 168 с.
7. *Артемёнок, Г. А.* Русско-белорусский словарь: информатика, телекоммуникации и связь, физика / Г. А. Артемёнок [и др.] ; под ред. В. И. Несеровича. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – 250 с.
8. *Артёмова, О. А.* Семантика и прагматика дейксиса в белорусском и английском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Артёмова Ольга Александровна ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Мн., 2022. – 43 с.
9. Information technology – Security techniques – Information security management systems – Requirements : ISO/IEC 27001. – Geneva : International Organization for Standardization ; International Electrotechnical Commission, 2022. – URL: <https://km.thainsw.net/kmdcs/images/File/ISO%2027001-2022%20rm.pdf> (date of access: 23.01.2026).
10. Cybersecurity from A to Z : Your Key to Mastering Cybersecurity Lingo. 2025 edition. – [Б. м.] : Barracuda Networks, 2025. – 33 p. – URL: https://assets.barracuda.com/assets/docs/dms/ebk-cyber-dictionary.pdf?utm_source=chatgpt.com (date of access: 23.01.2026).

11. Special Section Editorial: Internet-of-Things Attacks and Defenses: Recent R. Lu // IEEE Access. – 2021. – Vol. 9. – P. 108846–108850. – DOI: 10.1109/ACCESS.2021.3101889. – URL: https://backend.orbit.dtu.dk/ws/portalfiles/portal/263889253/IEEE_Access_Special_Section_Editorial_Internet_of_Things_Attacks_and_Defenses_Recent_Advances_and_Challenges.pdf?utm_source=chatgpt.com (date of access: 23.01.2026).
12. Recommendation ITU-R M.2150-1. Detailed specifications of the terrestrial radio interfaces of International Mobile Telecommunications-2020 (IMT-2020) : ITU-R Recommendation : approved 2022-02 : in effect / International Telecommunication Union, Radiocommunication Sector. – Geneva : ITU, 2022. – 316 p. – (M Series : Mobile, radiodetermination, amateur and related satellite services).
13. Wireless Nd1 Router: Руководство пользователя беспроводного маршрутизатора. – URL: <https://support.usr.com/support/5464/5464-ru-ug/wireless.html> (дата обращения: 01.03.2026).
14. Aerial Installation Guidelines for Fiber Optic Cable : Installation Practice IP-003 / A Furukawa Company. – 2018. – URL: <https://fiber-optic-catalog.ofsoptics.com/documents/pdf/IP-003.pdf> (дата обращения: 29.12.2025).
15. Common cybersecurity terminology : version 2.0 / U.S. Election Assistance Commission. – Washington, 2023. – URL: https://www.eac.gov/sites/default/files/document_library/files/Glossary_Cybersecurity_Terms%28v.2.0%29.pdf (date of access: 23.02.2026).
16. Allot. Cybersecurity terms glossary / Allot Ltd. – Hod Hasharon, 2023. – URL: https://www.allot.com/resources/Allot_Cybersecurity_Terms.pdf (date of access: 23.02.2026).
17. Characteristics of a single-mode optical fibre cable : ITU-T G.652. – Geneva : International Telecommunication Union, 2016. – 24 p.
18. Кабели оптические. Термины и определения : ГОСТ Р 57139–2016. – Дата введения 01.02.2017. – Москва : Стандартинформ, 2020. – IV, 10 с. – URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293751/4293751446.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).
19. NIST glossary of key information security terms : NIST IR 7298 Rev. 2 / National Institute of Standards and Technology. – Gaithersburg, 2013. – URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2013/nist.ir.7298r2.pdf> (date of access: 21.02.2026).
20. Cybersecurity dictionary. – Campbell, CA : Barracuda Networks, 2022. –URL: <https://assets.barracuda.com/assets/docs/dms/ebk-cyber-dictionary.pdf> (date of access: 23.02.2026).
21. Беякова, Т. А. Контекстологический словарь как обучающий инструмент / Т. А. Беякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования, языки и специальность». – 2006. – № 1 (3). – С. 99–102.

22. OLT LTP-8X, LTP-4X : руководство по эксплуатации / Eltex. – Версия 3.44.0 (13.12.2021). – 120 с. – URL: https://www.eltexalatau.kz/upload/iblock/2ad/ltп_x_user_manual_3.44.0.pdf (дата обращения: 31.01.2026).
23. OLT LTP-8X, LTP-4X : User Manual 3.46.0 / Eltex. – Nov 2, 2022. – 200 p. – URL: https://old.eltex-co.com/upload/iblock/e39/wxu9lfwhsdxcс07n5vu38va-332yk1ly5/OLT%20LTP-8X%2C%20LTP-4X.%20User%20manual%203.46.0_en.pdf (дата обращения: 31.01.2026).
24. Список контроля доступа (ACL) в сетевых технологиях – URL: <https://vasexperts.ru/blog/dpi/spisok-kontrolya-dostupa-acl-v-setevyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 22.03.2026).
25. Бацькоўскі кантроль / РУП «Белтэлекам». – URL: <https://beltelecom.by/be/private/internet/additional-service/parental-control> (дата обращения: 31.01.2026).

Поступила в редакцию 28.04.2026

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2313.2+82.09=112.2«19»(045)

Боричевская Татьяна Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Barycheuskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the German Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
tatsiana.syrayezhka@gmail.com

Щербо Божена Юрьевна

преподаватель кафедры
фонетики и грамматики немецкого языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Bozhena Shcherbo

Lecturer of the Department of Phonetics
and Grammar of the German Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
boshena.schtscherbo@gmail.com

АНТИУТОПИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА
КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В статье исследуется противоречивый социально-политический контекст развития немецкоязычной антиутопии в XX веке, анализируются ее основная мотивика и проблематика, а также сюжетные и стилистические приемы на материале самых значимых произведений данного жанра, отражающих критическую репрезентацию различных кризисных аспектов современности и прогнозируемого будущего человечества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *антиутопия; немецкоязычный; жанр; кризис; общество; развитие.*

DYSTOPIA IN GERMAN-LANGUAGE LITERATURE
OF THE 20th CENTURY AS A REFLECTION
OF THE CRISIS OF HUMANITY

The article explores the controversial sociopolitical context of the development of German-language dystopia in the 20th century. It analyzes the genre's core motifs and central questions, as well as narrative and stylistic techniques, based on the most significant dystopian works, which reflect a critical representation of various crisis aspects of modernity and the projected future of humanity.

K e y w o r d s : *dystopia; German-language; genre; crisis; society; development.*

Двадцатый век можно по праву назвать веком потрясений, ведь он подарил человечеству множество противоречий, часть из которых не разрешена и по сей день. Всего сто лет смогли изменить облик планеты сильнее, чем

предыдущее тысячелетие: люди изобрели антибиотики и атомную бомбу, развернули движение за права человека и начали две мировые войны, совершили полет в космос и провели первые генетические эксперименты, разрушили старые империи и создали на их руинах новые государства. Однако эти достижения едва ли приблизили нас к созданию желанного Рая на земле: развитие технологий по-прежнему поднимает сложные этические вопросы, соблюдение прав человека часто ставится под сомнение, а политические и экономические кризисы являются серьезным вызовом для общества.

В рамках литературного дискурса столь парадоксальная динамика нашла свое отражение в бурном развитии жанра антиутопии, окончательно сформировавшемся в начале XX века и существенно опередившем по популярности утопию, являющуюся одновременно его «материнским» жанром и жанром-антагонистом. Как писал Николай Бердяев в своем предисловии к знаменитому роману О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932): «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [1, с. 587].

На протяжении всего столетия антиутопия, отрицавшая возможность создания идеального государства и критиковавшая уже сложившиеся системы, продолжала эволюционировать в рамках различных литературных направлений: «Антиутопические элементы придавали своеобразие самым различным жанрам: роману, поэме, пьесе, рассказу. Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты, как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье» [2, с. 38].

По мнению польского ученого Е. Шацкого, «антиутопии активно создаются в эпоху кризисов с целью описания общества будущего» [3, с. 44], и следует признать, что драматические изменения различных сфер жизни до сих пор дают авторам обширный материал для описания мрачных перспектив человечества. Однако несмотря на то, что данный жанр представляет интерес как для массового читателя, так и для исследователей, антиутопии часто подвергаются анализу лишь с политической и/или философской точки зрения, в то время как литературоведческая интерпретация способна раскрыть дополнительные смысловые и культурные аспекты затронутой в них острой социальной проблематики.

Заметим также, что, хотя жанр антиутопии разнообразен и имеет свою специфику в каждой национальной литературе, произведения немецкоязычных авторов – в отличие от большинства канонических образцов, созданных на английском языке, – образуют в отечественном литературо-

ведении достаточно малоисследованную категорию, в то время как изучение их художественных особенностей представляется весьма актуальным, учитывая уникальность факторов, повлиявших на становление этого жанра в немецкоязычном литературном пространстве.

Указанное пространство охватывает преимущественно литературу Австрии, Швейцарии и Германии, то есть стран, напрямую связанных с глобальными потрясениями XX столетия и последовавшим за ними кризисом человечности – своеобразным экзистенциальным сломом социума, характеризующимся потерей идентичности и прежних моральных ориентиров, переоценкой ценностей, общей эмоциональной нестабильностью, дегуманизацией и страхом перед будущим.

На первый взгляд, каждое из этих государств избрало собственный путь исторического развития: Австрия, в начале прошлого века входившая в состав Австро-Венгрии и воевавшая на стороне Германской империи, после Второй мировой войны объявила себя жертвой нацизма и долгое время отрицала всякую причастность к его преступлениям, Швейцария смогла сохранить нейтралитет, а Германия закрепила в общественном сознании как агрессор, развязавший два крупнейших мировых конфликта. И тем не менее данные конфликты безусловно затронули все ипостаси этого трехликого Януса, и проблемы, поднятые немецкоязычными авторами-антиутопистами, во многом были схожи. Разочарование в веке перемен, который отнюдь не привел мир к всеобщему счастью, сочеталось в их работах с недовольством в отношении высоких принципов, которыми прикрывались политики, принимая фатальные для страны решения.

В результате немецкая «Dystopie» часто отображает в своем кривом зеркале не только безрадостное будущее нации врагов, увязшей в репарациях и на долгие годы разделенной на два государства, но и иллюстрирует крах социальной модели, построенной на утопических идеалах свободы и лучшей жизни. Авторы немецкоязычных антиутопий охотно затрагивают любые аспекты псевдоидеального общества, одновременно вскрывая нарывы существующего на момент повествования строя, поэтому исследователи часто рассматривают антиутопию как жанр-реакцию на популярные концепции и ложные идеи: «Огромное место в немецкоязычных антиутопиях XX столетия занимает критика собственно утопий, в частности таких их элементов, как «принцип справедливости», коллективизм и эгалитаризм» [4, с. 105].

Еще одной характеристикой, объединяющей творческие изыскания немецкоязычных авторов-антиутопистов, является склонность к футуристическим декорациям. При этом писатели начала века предпочитали не заглядывать далеко вперед, описывая события и технические открытия, вызывавшие наибольший энтузиазм у их современников. Так, роман немецкого писателя Бернхарда Келлермана (Bernhard Kellermann, 1879–1951) «Туннель» (*Der*

Tunnel, 1913), относящийся к жанру технотриллера, прекрасный пример того, как утопия на бумаге перерождается в антиутопию на практике: «Даже научная фантастика, всеми силами отгораживающая себя от современного мира, неизменно возвращается к несовершенству человеческого общества» [5, с. 174].

Протагонист романа Мак Аллан, инженер-идеалист и изобретатель уникального сверхпрочного сплава, мечтает построить на дне Атлантического океана туннель, соединяющий Северную Америку с Европой. Однако финансовые махинации и череда крупных аварий останавливают проект, а Аллан теряет семью и свободу. И хотя ему удается-таки завершить строительство, инженерный шедевр устаревает сразу после открытия, поскольку самолеты теперь пересекают Атлантику за несколько часов. Келлерман иронически заканчивает свое произведение словами *Sie waren mit zwölf Minuten Verspätung in Europa eingetroffen* [6, S. 403] ‘Они прибыли в Европу, опоздав на 12 минут’¹, подчеркивая таким образом, что мечта, за которую пришлось заплатить огромную цену, оказывается тщетной, а идеалы протагониста – повергнутыми в прах амбивалентностью того самого прогресса, который изначально вдохновил Аллана на великие свершения.

«Туннель» обретает широкую популярность у читателей, что указывает на спад «научной эйфории» в социуме и становится маркером структурных изменений общественного сознания, подлинным катализатором которых выступают события Второй мировой войны. Именно в период послевоенной разрухи немецкоязычные авторы, глубоко разочарованные в доктринах, навязанных национал-социализмом, и не верящие больше в потенциал НТР, создают произведения, гиперболизирующие страхи обывателей и посвященные стремлению тоталитарного общества подчинить каждого в угоду якобы прогрессивному развитию.

Иллюстрацией такого подхода являются романы немецкого писателя Эрнста Юнгера (Ernst Jünger, 1895–1998) «Гелиополь» (*Heliopolis. Rückblick auf eine Stadt*, 1949) и «Стеклянные пчелы» (*Gläserne Bienen*, 1957). «Гелиополь», воплощающий аллегорию политической борьбы в Германии 30-х годов, сочетает в себе элементы антиутопии, научной фантастики, социального романа и философской притчи, а также содержит аллюзии к Холокосту и деятельности политических режимов Советского Союза и фашистской Италии. В отличие от персонажей Замятина и Оруэлла, главный герой романа Юнгера с говорящим именем Люциус (от лат. *lucius* – «светлый, сияющий») де Геер выступает скорее в роли наблюдателя, чем бунтовщика, и признает собственное бессилие перед подавляющей мощью Системы: «*Ja, ich verstehe*», sagte Lucius. «*Der Schmerz kann nicht erspart werden*» [7, S. 14] ‘«Да, я понимаю, – сказал Люциус. – Боли избежать нельзя»’.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т. Б., Б. Щ.

Командор де Геер во многом – альтер эго автора, героя Первой мировой и идеолога немецкой «консервативной революции», поначалу приветствовавшего идеи НСДАП, но впоследствии отделившегося от них. Эрнст Юнгер не выступал против политики Гитлера открыто, однако уже с 1933 г. во многих работах писателя сквозит разочарование в прежних убеждениях, а потому автобиографические элементы в квазифантастическом «Гелиополе» ценны еще и тем, что отражают внутренний кризис значительной части консервативного немецкого общества, столкнувшегося с ужасными последствиями очередной попытки построить лучший мир.

Протагонист романа Юнгера «Стеклянные пчелы» отставной ротмистр (а ныне безработный) Рихард в своем бессилии подобен персонажам «Гелиополя», хотя и вынужден взаимодействовать с угрозой иного типа – махинациями в области биотехнологий. Упомянутые в названии пчелы представляют собой рой насекомых-автоматов, которые подчиняются строгой внутренней иерархии, и это изобретение фабриканта Дзаппарони, потенциального работодателя Рихарда, лишь на первый взгляд выглядит безопасным.

Используя пчел как метафору, автор, не скрывающий своих антипрогрессивистских взглядов, поднимает вопрос взаимодействия в сфере человек-природа-техника: *Wer über solche Völker verfügte, war ein mächtiger Mensch. Er war vielleicht mächtiger als ein anderer, der über die gleiche Zahl von Flugzeugen gebot* [8, S. 124] ‘Тот, кто управляет подобным роем, могущественный человек. Может быть, даже более могущественный, чем тот, кто волен распоряжаться таким же числом самолетов’.

Любые технологии могут стать оружием – к такому выводу приходит главный герой, который видит в стеклянных пчелах своего рода самоуправляемые дроны с ужасающим военным потенциалом. Рихарда подобная перспектива угнетает, но его главным оппонентом в итоге оказывается не сам Дзаппарони, а технический прогресс, за которым не поспевает бывший кавалерист. В финале романа протагонист проигрывает своему страху, и «Стеклянные пчелы» с необычайной точностью отражают принцип молчаливого согласия, способствующего триумфу чудовищных технологий: *Menschliche Vollkommenheit und technische Perfektion sind nicht zu vereinbaren. Wir müssen, wenn wir die eine wollen, die andere zum Opfer bringen* [8, S. 137] ‘Человеческое совершенство и технический идеал несовместимы. Если мы стремимся к одному, то должны принести в жертву другое’.

Автор использует антиутопические декорации, чтобы продемонстрировать механизм социального компромисса, при котором «сложность сохранения ценностей и прерывистость из-за частой смены политических режимов вынуждают людей формировать особую систему взглядов» [9, с. 36], противоречащую привычным моральным нормам. Эрнст Юнгер не столько стре-

мится предсказать будущее (хотя во многих аспектах ему это удается), сколько «показывает разрыв между человеком старой закалки и новейшими технологиями, которые прямо или косвенно противоречат консервативной морали» [10, с. 146].

Как подчеркивает российский историк Д. А. Смирнов, «послевоенные условия давали богатую пищу для осмысления сущности индивидуального духовного мира» [10, с. 146], и результатом подобного осмысления часто являются экзистенциальный кризис и последующая дегуманизация социума. Именно такие темы поднимает в своем романе-аллюзии «Республика ученых» (*Die Gelehrtenrepublik*, 1957) немецкий писатель и переводчик Арно Шмидт (Arno Otto Schmidt, 1914–1979). В гротескной манере автор демонстрирует читателям мир после ядерной катастрофы, где Европа «аннигилирована», а Америка частично заселена различными мутантами.

На мобильном искусственном острове (идея, отсылающая к произведениям Жюль Верна) силами противоборствующих стран создано идеальное убежище для выживших величайших умов человечества – IRAS, «International Republic for Artists and Scientists» («Международная республика художников и ученых»). Однако, как выясняет попавший в святая святых американский репортер Чарльз Уайнер, даже катастрофа мирового масштаба не смогла остановить Холодную войну, чьей новой локацией и выступает остров.

Борьба культур и научных школ, шпионаж Западного и Восточного блоков приводит к тому, что человек воспринимается здесь лишь в качестве материала для экспериментов, что, к слову, мало удивляет протагониста: *Vielleicht wurde ich doch durch irgendwelche Löchelchen überwacht: wo kann man das heutzutage schon verhindern?! [11, S. 286]* ‘Возможно, за мной следили через какие-то маленькие отверстия: но где же сегодня можно избежать подобного?!’. Используя такие типично постмодернистские приемы, как монтаж, пастиш и двойное кодирование текста, Арно Шмидт на мета-уровне иронизирует над собственным творением, где, пока люди истребляют друг друга все более изощренными способами, самыми человеческими кажутся угнетаемые «генетически чистыми» соседями кентавры-мутанты.

Эпоха постмодерна внесла значительный вклад в дальнейшее развитие жанра антиутопии в немецкоязычной литературе, что связано не только с экзистенциальным, но и экономическим кризисом, в котором оказался мир после окончания Второй мировой войны: тогдашняя австрийская литература, как замечает немецкий литературовед Ник Бюшер, была «полна сценариями конца света» [12, S. 13]. При этом чрезвычайно популярная среди антиутопистов-футурологов тема ядерного Апокалипсиса часто дополнялась мрачными прогнозами касательно поствоенного общества потребления, что напрямую отсылает к морально неоднозначному феномену «Wirtschaftswunder», западногерманскому экономическому чуду 50-х годов.

Данные идеи развивает в своем романе «Клетка для орхидей» (*Der Orchideenkäfig*, 1961) известный австрийский ученый и писатель-фантаст Герберт Вернер Франке (Herbert Werner Franke, 1927–2022). Автор описывает изучение далекой планеты группой молодых людей, для которых вылазка на неизведанные территории и борьба за них – лишь азартная игра. Сражаясь друг с другом в фальшивой войне, где невозможно умереть по-настоящему, главные герои обнаруживают, что землян и загадочных местных жителей объединяет схожий паттерн эволюции постъядерного общества, хотя инопланетяне и ушли в своем развитии далеко вперед.

Венец их эволюции (вернее, деградации) предстает перед героями в финале, когда роботы-«дроиды», обслуживающие то, что осталось от иной цивилизации, приводят друзей Ала и Рене в подземную часть древнего города. Там некогда антропоморфные существа, ныне напоминающие жуткие цветы, вечно живут в клетках из проводов, труб и пластиковых оболочек: *Darin, in Abständen von je zwei Metern, saßen rosarote, fleischige, vielfach zerlappte Gebilde, angestrahlt von violetten Lampen* [13, S. 211] ‘Внутри, на расстоянии около двух метров друг от друга, сидели ярко-розовые, мясистые создания с многочисленными отростками, освещенные фиолетовыми лампами’.

Возложив все заботы на самопрограммирующихся роботов-слуг, «цивилизация орхидей» заплатила за бессмертие полным расчеловечиванием, в прямом и переносном смысле перейдя в растительное существование. Доведенные до абсурда праздность, гедонизм и инфантильное мировосприятие персонажей романа отсылают как к сюжету «Дивного нового мира», так и к бытовавшей в ФРГ после войны идеологии «искупления через потребление». Подобные мотивы не только помогают Герберту Франке создать негативный социальный портрет человека нового типа, но и не позволяют читателю обмануться соблазнами «потребительского рая», ведь автор недвусмысленно предупреждает современников: *Es ist nämlich das, was auch aus uns einst werden wird* [13, S. 109] ‘Ведь это то, что однажды произойдет и с нами’.

Еще один – довольно нетипичный – постапокалиптический сценарий-предупреждение отражен в популярном романе австрийской писательницы Марлен Хаусхофер (Marlen Haushofer, 1920–1970) «Стена» (*Die Wand*, 1963). В произведении идет речь о женщине, отрезанной от погибшего мира невидимой стеной, которая выросла за одну ночь. Стена одновременно защищает героиню от странного оцепенения, в которое погрузились окружающие, и заставляет выживать в тяжелых для городской женщины условиях. На фоне пасторальных горных пейзажей безымянная протагонистка из последних сил сражается за себя и нескольких прибавшихся к ней домашних животных, что привносит в сюжет как феминистическую повестку, так и элементы робинзонады.

В то же время катастрофа дает героине возможность осознать тщетность всего, что более сорока лет она называла своей жизнью: *Sie war in keiner Hinsicht eine Riesin, immer nur eine geplagte, überforderte Frau von*

mittelmäßigem Verstand, obendrein in einer Welt, die den Frauen feindlich gegenüberstand und ihnen fremd und unheimlich war [14, S. 77] 'Ничего великого в ней вообще не было, она всегда была измученной, задерганной женщиной среднего ума, живущей к тому же в мире враждебном, чуждом и жутком для женщин'.

Парадокс в том, что причины тотального одиночества героини как в мире, так и в собственной семье были заложены патриархальным строем задолго до появления Стены, и сейчас, запертая в новой клетке, но свободная от социальных предрассудков, протагонистка наконец способна мыслить, не боясь чужого осуждения. Постапокалиптический антураж и неведомый кататизм периодически кажутся лишь фоном, необходимым писательнице для изучения души человека, оказавшегося в безвыходной ситуации.

При этом матрешечное повествование, атмосфера страха, замкнутая модель мира с особенным хронотопом и парадоксальный антропоцентризм наряду с деперсонификацией главной героини сближают данный роман с другими образцами жанра. Героиня «Стены» изолирована не только внешне, но и внутренне, и благодаря этой глобальной метафоре М. Хаусхофер удалось отразить пессимистичное мировосприятие, присущее многим гражданам внешне благополучных стран Западной Европы второй половины XX столетия.

Схожим образом использует мотив ядерной катастрофы знаменитый швейцарский писатель и драматург Фридрих Дюрренматт (Friedrich Dürrenmatt, 1921–1990). В своей абсурдистской антиутопической повести «Зимняя война в Тибете» (*Der Winterkrieg in Tibet*, 1981), имеющей для нашего анализа ключевое значение, автор сатирически описывает планету после Третьей мировой войны: весь мир лежит в радиоактивных руинах, люди фанатично уничтожают остатки цивилизации и друг друга, однако ядерные взрывы кажутся протагонисту, фанатичному наемнику Гансу, скорее частью пейзажа, чем центральным событием.

Психически нестабильный главный герой, поначалу верный некой по-кафкиански обезличенной «Администрации», в полном одиночестве ездит на кресле-каталке по лабиринту внутри горы и выцарапывает на его стенах философские максимы, в итоге убеждаясь в бессмысленности не только войны, но и существования человечества в целом: *Das Tier Mensch hat keinen Sinn, sein Dasein auf Erden hat kein Ziel mehr. Wozu Mensch überhaupt? ist eine Frage ohne Antwort* [15, S. 455] 'Животное Человек бессмысленно, его существование на земле теперь не имеет цели. Для чего человек вообще? Вопрос, на который нет ответа'.

Подобный экзистенциальный нигилизм является своего рода финальной точкой в рассуждениях антиутопистов прошлого столетия относительно прогрессирующего кризиса гуманизма и перспектив нашего вида. Искусно играя с повествованием, используя аллюзии к греческой мифологии и классической литературе, нелинейность сюжета и самореференциальность ненадеж-

ного рассказчика, Дюрренматт раздвигает рамки жанра и аккумулирует в своей повести весь спектр затронутых ранее его коллегами проблем современности. В их числе – потенциал новейших технологий, индивидуальный и коллективный опыт пережитых войн, консюмеризм, искажение морального баланса личности в пограничных условиях и социальная энтропия как следствие всего вышеперечисленного.

Творческое осмысление данных вопросов в рамках немецкоязычной литературы XX века послужило основой для возникновения как типичных мотивов антиутопии (страх перед НТР, свобода индивида vs тоталитаризм, счастливое рабство, конец света), так и специфической тематики – преодоление прошлого, комплекс вины/жертвы, экологическая катастрофа, дихотомия Восток/Запад, изоляция, бюрократический контроль и шпионаж. В целом, несмотря на особенности национального культурно-исторического контекста, авторы немецкоязычных антиутопий концентрировались на общечеловеческих социальных противоречиях, поэтому их произведения с высокой степенью достоверности предсказали последствия кризиса человечности, с которыми предстоит иметь дело и нам, и нашим потомкам. Благодаря своей функции социального зеркала, а также вариативности и художественному многообразию антиутопия оказала значительное влияние на современную литературную традицию Германии, Австрии и Швейцарии, что заложило базис для дальнейшего развития жанра в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев, Н. А.* Философия неравенства / Н. А. Бердяев ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин ; РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М. : Интелвак, 2001. – 1600 с.
3. *Шацкий, Е.* Утопия и традиция / Е. Шацкий – М. : Прогресс, 1990. – 456 с.
4. *Черепанова, Р. С.* Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения / Р. С. Черепанова // Вестник Челябинского университета. Серия 1, История. – 1999. – № 1. – С. 96–108.
5. *Воробьева, А. Н.* Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах / А. Н. Воробьева. – Самара : Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2006. – 268 с.
6. *Kellermann, B.* Der Tunnel / B. Kellermann. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/44489/pg44489-images.html> (дата обращения: 30.01.2026).
7. *Jünger, E.* Heliopolis. Rückblick auf eine Stadt / E. Jünger – URL: <https://archive.org/details/werkejun10jnuoft/page/n15/mode/2up> (дата обращения: 30.01.2026).
8. *Jünger, E.* Gläserne Bienen / E. Jünger. – Stuttgart : Ernst Klett Verlag, 1990. – 180 S.

9. Казаков, С. О. Метаморфозы консерватизма на исходе XX века / С. О. Казаков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 3. – С. 32–36.
10. Смирнов, Д. А. Национальное поражение глазами интеллектуала-консерватора: Эрнст Юнгер о человеческих трагедиях в оккупированной Германии / Д. А. Смирнов // Интеллигенция и мир. – 2017. – № 4. – С. 136–150.
11. Schmidt, A. Die Gelehrtenrepublik. Kurzroman aus den Roßbreiten / A. Schmidt. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 1991. – 356 S.
12. Büscher, N. Apokalypse als Utopie. Anthropofugalität in der österreichischen Nachkriegsliteratur / N. Büscher. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2014. – 492 S.
13. Franke, H. Der Orchideenkäfig / H. Franke. – München : Goldmann, 1982. – 223 S.
14. Haushofer, M. Die Wand / M. Haushofer. – Berlin : List Taschenbuch, 2013. – 275 S.
15. Dürrenmatt, F. Der Winterkrieg in Tibet / F. Dürrenmatt // Erzählungen. – Berlin, 1985. – S. 397–458.

Поступила в редакцию 25.02.2026

УДК 821.112.2.09(092)

Курилов Юрий Геннадьевич
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Yury Kurylau
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
kurilau87@gmail.com

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ СТЕФАНА ГЕОРГЕ «ГИМНЫ»

На материале цикла стихотворений Стефана Георге «Гимны» (*Hymnen*, 1890) предпринята попытка раскрыть особенности ранней лирики немецкого поэта с точки зрения интермедиальности. Выявлены экфрастические описания природных объектов, драгоценных камней и предметов искусства, которые автор «пересоздает» в своем воображении. Показано, что Георге обращается к картинам Диего Веласкеса и Фра Беато Анжелико для переосмысления барочной темы *memento mori*, предвосхищения мифа о Максимине («Инфант») и смещения акцентов с религиозного содержания на инициацию творца («Анжелико»). Продемонстрированы особенности импрессионистской техники, которая служит для создания экфрасисов.

Ключевые слова: экфрасис; живопись; декаданс; импрессионизм; пейзаж; *memento mori*; преобразование.

PAINTERLY EKPHRASIS IN THE POETIC CYCLE OF STEFAN GEORGE *HYMNEN*

Based on the material of the cycle of poems *Hymnen* (1890) by Stefan George, an attempt is made to reveal the features of the early lyric poetry of the German poet in terms of intermediality. Ekphrastic descriptions of natural objects, precious stones, and art objects are revealed, which the author “recreates” in his imagination. It is shown that George references to the paintings of Diego Velázquez and Fra Beato Angelico to rethink the baroque topic *memento mori*, anticipate the myth of Maximin (*Der Infant*), and shift the focus from religious themes to the artist’s initiation (*Ein Angelico*). The features of impressionistic techniques, which serve to create ekphrasis, are demonstrated.

Key words: ekphrasis; painting; decadence; impressionism; landscape; *memento mori*; transformation.

Стефан Антон Георге (Stefan Anton George, 1868–1933) – выдающийся представитель немецкого символизма, неоромантизма, импрессионизма, эстетизма и югендстиля, в поэтическом наследии которого отразились художественные поиски декаданса и модернизма. Он стал главной фигурой символистского движения в Германии и вернул немецкой поэзии общемировое значение, продолжив традиции Фридриха Гёльдерлина, Иоганна Вольфганга Гёте, Новалиса, Фридриха Ницше и других мастеров слова. Творчество Георге – значительный феномен в европейской литературе рубежа XIX–XX вв.,

поэтому поэзия вождя символистского движения достаточно полно изучена в западном литературоведении. Иначе обстоит дело в белорусском и российском литературоведении, где его творчество изучено на уровне отдельных обзорных статей и компаративистских исследований, хотя актуальность лирики Георге подтверждена многочисленными переводами на русский язык, среди которых следует выделить «Седьмое кольцо» (2009) В. М. Летучего и «Альгабал» (2014) Н. Г. Пилявского. Кроме того, обращение к ранней лирике немецкого символиста и неоромантика позволит уточнить художественную парадигму декаданса, в контексте которой можно полнее исследовать творческую эволюцию Р. М. Рильке, Г. фон Гофмансталя и представителей экспрессионизма.

Ранние циклы Георге созданы в соответствии с канонами «искусства для искусства» (фр. *l'art pour l'art*), когда будущий классик находился под влиянием французской поэзии символизма, в особенности эстетических взглядов Стефана Малларме и художественных открытий Поля Верлена. Именно автор «Иродиады» стал для Георге ярким примером «поэта-пророка» («*Seherdichter*»), для которого творчество – сакральное действо. Однако не стоит забывать и о немецком влиянии (Ф. Гёльдерлин, Новалис, Р. Вагнер, Ф. Ницше), так как поэт «на окольных французских путях вновь отыскал традицию своей страны» [1, S. 51].

В качестве эстетической основы «Круга Стефана Георге» стал своеобразный культ Мастера, который оформился не только в поэзии, но и в изобразительном искусстве. Сохранилось огромное количество портретов, скульптур и фотографий Георге и его учеников. Изображения поэта «героизировали», т. е. его делали похожим на выдающихся художников слова, культурных героев, святых, рыцарей и императоров: Данте Алигьери, Зигфрида, Святого Георгия, Бартоломео Коллеони, Цезаря и Максимилиана I. Поэтому неслучайно исследователь Р. Бёрингер (Robert Boehringer) пытался понять специфику творчества и общественной деятельности Георге через призму визуального (*Mein Bild von Stefan George* [2]), а А. Аурнхаммер (Achim Aurnhammer) и вовсе констатировал создание «георгеанской иконографии» [3, S. 241] по образцам христианской традиции. Кроме того, поэт придумал особый шрифт, где буквы округлялись и «были как бы нанизаны на одну магистральную нить» [4, S. 178]. Эта особенность и оформление художника М. Лехтера (Melchior Lechter) превращали страницы георгеанских книг в картины или ковры, что нашло подтверждение и на концептуальном уровне: один из циклов так и назывался – «Ковер жизни» (*Teppich des Lebens*, 1899). Если же вспомнить ницшеанскую концепцию аполлонийского и дионисийского, то поэта можно назвать почитателем визуального и пластического Аполлона (подробнее в нашей статье «Аполлонийское и дионисийское в цикле Стефана Георге “Седьмое кольцо” («*Der siebente Ring*»)» [5, с. 25]).

«Гимны» (*Hymnen*, 1890) – дебютный стихотворный цикл Георге, который создан в русле поэтики югендстиля, где, как отмечает литературовед В. Г. Власов, «копировались природные формы, прежде всего растительные, с подчеркиванием их динамики, движения, роста – линии вьющихся, волнистых растений: лилий, камыша, цикламенов, ирисов» [6, с. 335]. В цикле преобладает статичность и умиротворенность, и, несмотря на оживленные формы, все пребывает, по мысли исследователя К. Давида (Claude David), «в окаменении и вязкости, безжизненности и стерильности» [1, S. 214]. Нельзя не отметить нарочитую декоративность, когда поэт живописует драгоценные камни (*Rubinen perlen schmücken die fontänen. / Zu boden streut sie fürstlich jeder strahl. / In eines teppichs seidengrünen strähnen / Verbirgt sich ihre unbegrenzte zahl* [7, S. 14] ‘Рубины, жемчужины украшают фонтаны. / К земле царственно устремляется каждый луч. / В ковре прядей из зеленого шёлка / сокрыто неимоверное количество’¹), фонтаны (*Der versiegten brunnen kunst versagt* [7, S. 21] ‘Иссякших фонтанов искусство бессильно’), различные артефакты (*Der göttin schatten rastet auf der vase* [7, S. 40] ‘Тень богини покоится на вазе’). Часто в роли экфрасиса выступает пейзажная зарисовка: *Schon scheinen durch der zweige zackenrahmen / Mit sternenstädten selige gefilde. / Der zeiten flug verliert die alten namen / Und raum und dasein bleiben nur im bilde* [7, S. 13] ‘Уже виднеются сквозь зубчатые рамки / блаженные поля со звездными городами. / Полет времен теряет старые названия, / И пространство, и бытие остаются только в образе’. Для указанных случаев релевантной становится мысль литературоведа Г. К. Косикова, высказанная при анализе творческого наследия Теофиля Готье: «<...> поэт, имея перед глазами вполне реальный пейзаж, первым делом как бы уничтожает его первозданность, превращает – с помощью собственной фантазии или за счет художественных реминисценций – в живописное полотно и лишь затем переписывает получившуюся картину словами, переводит ее на холст собственного стихотворения» [8, с. 16]. Так и Георге «уничтожает первозданность» и «пересоздает» пейзаж, пропуская его через сознание лирического героя.

Особый интерес в ранней поэзии Георге представляет «чистый» живописный экфрасис, т. е. описание реальных картин. Таким образом будущий классик хотел избавиться от гнета повседневности, что он подчеркнул в стихотворении «В галерее» (*In der Galerie*, 1889): *In der welt der farben beschloss ich / Vom staub des alltags mich zu befreien* [9, S. 121] ‘В мире красок я решил / от пыли быта освободиться’. В более поздних циклах (начиная с «Ковра жизни») живопись становится для Георге сакральным искусством, цель которого – провозглашение будущего в рамках мифа о Максимине.

В цикле «Гимны» показательными примерами живописного экфрасиса являются стихотворения, которые выделены и объединены автором под названием «Картины» (*Bilder*): «Инфант» (*Der Infant*) и «Анжелико» (*Ein Angelico*).

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ю. К.

Первое произведение отсылает к портрету или, возможно, серии портретов испанского художника Диего Веласкеса (*Diego Rodríguez de Silva y Velázquez*, 1599–1660), изобразившего принца Бальтазара Карлоса (*Baltasar Carlos de Austria*, 1629–1646). На юношу возлагали большие надежды, так как у Филиппа IV не было других сыновей. Это отчетливо видно на первой картине, написанной в 1631 г.: двухлетний мальчик, облаченный в роскошный костюм, перевязанный красной лентой, гордо смотрит на живописца, паж держит в руках скипетр и яблоко, символизирующее земной шар. На картине 1633 г. уже нет слуги, но сохраняются атрибуты власти и королевские одеяния. Через два года Веласкес вновь решил подчеркнуть особый статус Бальтазара, изобразив его в роли завоевателя на лошади, которая кажется огромной на фоне шестилетнего мальчика, размахивающего саблей. В 1640 г. появляется еще один портрет возмужавшего юноши, который столь же гордо взирает на нас, как и девять лет назад. Однако на этой картине можно заметить предзнаменование трагического конца: мебель и занавески красного цвета, а задний фон и вовсе черный. Бальтазар Карлос умер от чумы в возрасте семнадцати лет, а его судьба стала еще одним напоминанием о скоротечности и тщете бытия.

Образ инфанта появляется уже в первой строфе стихотворения Георге, однако сложно сказать, какую именно картину Веласкеса поэт подразумевает. На наш взгляд, речь идет не о попытке точной передачи живописного произведения, а о том же «уничтожении первозданности» и «пересоздании». Поэтому мысль К. Давида представляется вполне логичной: «Вместо изображения Веласкеса Георге описывает чахоточного инфанта, тень которого резвится среди русалок в лунном сиянии» [1, S. 50]. Действительно, уже в начальных строках акцент ставится на болезненности, безысходности и избранности: *mit weissem antlitz lächelt der infant / In dunklem goldumgürtetem oval* [7, S. 46] ‘с бледным ликом улыбается инфант / В темном опоясанном золотом овале’. Затем описание портрета резко прерывается, и на авансцену выходит образ инфанта – *ein zwillingsbruder* ‘брат-близнец’: мир чистого искусства (картина) противопоставляется мрачной повседневности (умерший Бальтазар).

Георге обыгрывает тему *memento mori*, однако делает это весьма своеобразно. Если для барочного мировидения характерны напоминания о бренности бытия и необходимости ценить каждый миг скоротечной жизни, то в стихотворении «Инфант» эта тема оказывается в орбите декаданса и видоизменяется. Земная жизнь описывается нарочито безрадостно в первой и второй строфах, и герой может не сожалеть о том, что никогда не станет ‘мрачным человеком’ *finstern mann*, т. е. не повзрослеет. Смерть же становится не только избавлением, что в целом типично для барочной поэзии, но и воротами в мир фантазии и великолепия, что подчеркивается при помощи импрессионистской техники: *glasgranaten blühn* ‘стеклянно-гранатовое цветение’, *rosenfarben* ‘цвета розы’, *olivengrün* ‘оливково-зеленого

цвета'. Как мы видим, тема *memento mori* «переворачивается» и служит для декадентской эстетизации. Кроме того, стихотворение «Инфант» предвосхищает ключевой для Георге мотив, который найдет наиболее полное воплощение в его поздней лирике: в цикле «Седьмое кольцо» поэт начнет создавать миф о Вечной Юности и гипостазировать культ Мастера и его учеников. В центре георгеанской утопии в творчестве и деятельности Круга окажется фигура обожествленного юноши Максимилиана Кронбергера (Maximilian Kronberger, 1888–1904).

Сонет «Анжелико» (*Ein Angelico*) отсылает к картине флорентийского художника раннего Ренессанса Фра Беато Анжелико (Fra Beato Angelico, 1400–1455) «Коронация Девы Марии» («The Coronation of the Virgin», 1434–1435). Георге несколько раз присутствовал на поэтических вечерах Стефана Малларме в Париже, где немецкому символисту представилась возможность посетить Лувр и увидеть знаменитое произведение итальянского живописца, мастерски соединившего мировидение эпохи Возрождения с духом Средних веков. Фра Анжелико запечатлел момент, когда Иисус осторожно вкладывает в корону сверкающий драгоценный камень, что превращает торжественный ритуал в глубоко личное, даже интимное действо. В центре произведения – божественное сияние и потоки света, расходящиеся во все стороны. Особенность перспективы заключается в том, что Иисус и Дева Мария изображаются, с одной стороны, возвышенными и недостижимыми, с другой – земными и близкими. Таким образом Фра Анжелико указывает на неразрывность вечного и преходящего и намекает на возможность диалога души и Бога.

Картина итальянского живописца перегружена деталями, которые, впрочем, не вызывают дополнительных сложностей у Георге, так как поэт не пытается зафиксировать все до мельчайших подробностей. Первое четверостишие – пролог, где акцентируется возвышенность и избранность: *zierliche kapitel der legende* [7, S. 47] 'изысканная глава легенды', *grosse tat* 'великое деяние'. Основные события происходят во втором четверостишии: *Er nahm das gold von heiligen pokalen. / Zu hellem haar das reife weizenstroh / Das rosa kindern die mit schiefer malen. / Der Wäscherin vom bach den indigo* [7, S. 47] 'Он взял золото из священных кубков. / Светлым волосам – пшеничную солому. / Розовый цвет – детям, что рисуют мелом. / Прачке – индиго из ручья'. И вновь Георге не «реконструирует» полотно Фра Анжелико: сюжет сонета соотносится с картиной лишь через неожиданные цветовые ассоциации. Прилагательные субстантивируются, а различные артефакты, растения и природные объекты как бы «отдают» свои цвета, которые становятся абстрактными категориями: золотой цвет священных кубков символизирует изящество и величественность, цвет спелой соломы – естественность, розовый – невинность, индиго – мимолетность (интересно, что на картине мы видим насыщенный синий цвет, а Георге выбирает индиго, возможно, из-за мистических коннотаций). В процитированном отрывке цвета связывают фрагменты реальности и показывают, как материальная реальность «распы-

ляется» и превращается в едва уловимый «пейзаж души». Подобный прием станет отличительной чертой художественного мира Георге. Например, в знаменитом стихотворении из цикла «Год души» (*Jahr der Seele*, 1898) «Приходи в парк, названный мертвым, и смотри» (*Komm in den totgesagten park und schau*) можно найти характерный пример экфрастических описаний: *Dort nimm das tiefe gelb. Das weiche grau / Von birken und von buchs... / Vergiss auch diese letzten astern nicht. / Den purpur um die ranken wilder reben / Und auch was übrig blieb von grünem leben* [10, S. 12] 'Возьми насыщенную желтизну. Нежный серый цвет берез и буков... / А также не забудь эти последние астры. / Пурпур дикого винограда / И также все, что осталось от зеленой жизни'.

Действие достигает апогея в терцетах, где поэт запечатлевает коронацию: *Empfängt aus seiner hand die erste kröne* [7, S. 47] 'Получает из его руки первую корону'. Георге делает акцент не на религиозном откровении, что было целью итальянского живописца, а на ритуальном действии – кульминации инициации творца, посвящение его в тайны поэзии. Поэтому автор сознательно заменяет драгоценный камень, который был на картине Фра Анжелико, короной и включает античные образы для подчеркивания торжественности момента, что усиливается заглавными буквами: *sieger der Chariten und Medusen* [7, S. 47] 'победитель Харит и Медуз'. В этом контексте многое проясняет мысль А. Аурнхаммера: «Картина раннего Ренессанса становится для Георге поводом для того, чтобы представить образ сакрального господства, отделенного от догматов христианства» [3, S. 243]. А тезис В. Браунгарта (Wolfgang Braungart), главы исследовательского общества «Stefan-George-Gesellschaft», фиксирует интерес Георге к внешним формам религии и подводит итог: «эстетический католицизм без католической догматики» [11, S. 183].

Творчество Стефана Георге отмечено разнообразными интермедияльными связями, в особенности взаимодействием поэзии и живописи. Ранний цикл «Гимны» показателен в этом отношении, так как стихотворения изобилуют экфрастическими описаниями природных объектов, драгоценных камней, фонтанов и скульптур. Также Георге обращается к некоторым реальным картинам, которые он «пересоздает» в своем воображении. Показательным примером является стихотворение «Инфант», в котором, с одной стороны, обыгрывается тема *memento mori* и доминирует декадентское мироощущение, с другой стороны, предвосхищается миф Вечной Юности, нацеленный на преобразование действительности в духе идей Просвещения и воплощение идеи бессмертного искусства. В сонете «Анжелико» Георге вольно воссоздает картину итальянского мастера Ренессанса, смещая акцент с религиозных догматов на инициацию творца. Немецкий автор обновляет средства поэтической выразительности для создания экфрасисов, используя неожиданные цветовые ассоциации и импрессионистскую технику в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *David, C.* Stefan George. Sein dichterisches Werk / C. David. – München : Carl Hanser Verlag, 1967. – 531 S.
2. *Böhringer, R.* Mein Bild von Stefan George / R. Böhringer. – München ; Düsseldorf : Georg Bondi, 1967. – 314 S.
3. *Aurnhammer, A.* Stefan George in Heldenportraits / A. Aurnhammer // Jahrbuch der deutschen Schiller-Gesellschaft. – 2015. – № 59. – S. 240–267.
4. *Reuß, R.* Industrielle Manufaktur. Zur Entstehung der «Stefan-George-Schrift» / R. Reuß // Stardust. Post für die Werkstatt. KD Wolff zum Sechzigsten / hrsg. von D. Kern und M. Leiner. – Frankfurt am Main ; Basel : Strömfeld, 2003. – S. 166–191.
5. *Курилов, Ю. Г.* Аполлонийское и дионисийское в цикле Стефана Георге «Седьмое кольцо» (“Der siebente Ring”) / Ю. Г. Курилов // Вестник ГрГУ им. Янки Купалы. – Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2025. – № 1 (Т. 15). – С. 19–26.
6. *Власов, В. Г.* Стили в искусстве: в 3 т. / В. Г. Власов. – СПб. : Кольна, 1995–1997. – Т. 1 : Словарь: Архитектура. Графика. Декоративно-прикладное искусство. Живопись. Скульптура. – 1995. – 672 с.
7. *George, S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin : Georg Bondi, 1928. – Bd. 2 : Hymnen, Pilgerfahrten, Algabal. – 137 S.
8. *Косиков, Г. К.* Теофиль Готье, автор «Эмалей и Камей» / Г. К. Косиков // Готье Т. Эмали и камеи: сборник / сост. Г. К. Косиков. – М. : Радуга, 1989. – С. 5–28.
9. *George, S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin : Georg Bondi, 1928. – Bd. 1 : Die Fibel. – 127 S.
10. *George, S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin : Georg Bondi, 1928. – Bd. 4 : Das Jahr der Seele. – 136 S.
11. *Braungart, W.* Ästhetischer Katholizismus. Stefan Georges Rituale der Literatur / W. Braungart. – Tübingen : Niemeyer, 1997. – 382 S.

Поступила в редакцию 23.03.2026

УДК 10.01.03

Лянь Хайбо

аспирант кафедры белорусской
филологии и зарубежной
литературы
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Lian Haibo

PhD Student of the Department
of Belarusian Philology
and World Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lhb1020425313@gmail.com

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРЫ ФАКТА В КИТАЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Статья посвящена сопоставительному анализу подходов белорусских, российских и китайских литературоведов к теоретическому осмыслению феномена «литературы факта». В работе рассматриваются ключевые понятия (достоверность, документальность, границы вымысла) и методологические принципы исследования данного типа прозы. Особое внимание уделяется взглядам исследователей на роль автора, природу факта и его трансформацию в литературном тексте. В статье фиксируются терминологические расхождения в разных национальных традициях, а также определяются общие точки соприкосновения в научных дискуссиях о соотношении факта и вымысла.

Ключевые слова: *литература факта; достоверность; вымысел; эффект достоверности; документальность; проверяемость; нарративные стратегии; китайская литература; белорусская литература.*

THE PHENOMENON OF LITERATURE OF FACT IN CHINESE AND BELARUSIAN LITERARY CRITICISM

The article is devoted to a comparative analysis of the approaches of Belarusian, Russian, and Chinese literary scholars to the theoretical understanding of the “literature of fact” phenomenon. The paper examines key concepts (authenticity, documentality, the boundaries of fiction) and the methodological principles of researching this type of prose. Special attention is paid to researchers’ views on the role of the author, the nature of the fact, and its transformation within a literary text. The article identifies terminological discrepancies across different national traditions and defines common points of contact in scholarly discussions about the correlation between fact and fiction.

Key words: *literature of fact; authenticity; fiction; the effect of authenticity; documentary; verifiability; narrative strategies; Chinese literature; Belarusian literature.*

Литературоведение второй половины XX века демонстрирует большой интерес к феномену «литературы факта», который в разных национальных литературных традициях переживает заметную жанровую эволюцию: расширяется поле документальной прозы, усиливается интерес к свидетельству, репортажному письму и произведениям «нон-фикшн», а вместе с этим обостряется вопрос о соотношении достоверности и вымысла как ключевой методологической проблеме. В современных межкультурных исследованиях

данного поля неизбежно возникает проблема терминологических несоответствий. В то время как в китайском литературном пространстве для обозначения рассматриваемого феномена используются термины «репортажно-публицистическое письмо» (报告文学), «литература факта» (纪实文学/事实文学) или «нон-фикшн» (非虚构写作) (часто выполняющие функцию издательского или медийного маркера для определения категории прозы), в белорусской и русскоязычной традиции мы сталкиваемся с более широким спектром понятий: от «литературы факта» и «документальной прозы» до «репортажа», «очерка», «свидетельства» и «эго-документа».

При формальном переводе этих понятий их функционально-семантические поля не совпадают: одни термины закреплены за литературоведческой типологией, другие — за журналистскими жанрами или публицистикой; «документальность» может пониматься как характеристика материала (архив, интервью, дневник), как способ его текстовой организации и как эстетическая установка автора. В результате сравнительного анализа есть риск механического переноса одной классификационной схемы на другую. Исходя из этого, данная статья — это попытка осознать различия и сходства в процессах изучения литературы факта в китайском и белорусском литературоведении.

Проблема определения степени «истинности» (фактографичности) в литературе неизменно остается одной из ключевых и наиболее дискуссионных. В целом связь литературы с социальной реальностью и культурным опытом, из которого она произрастает, как правило, не вызывает принципиальных возражений. Однако при обращении к литературе факта фокус обсуждения смещается с вопроса о том, отражает ли литература реальность, на уточнение того, что следует считать фактом и что понимать под реальностью/истинностью в пределах текста. Для литературы факта существенна не только установка на репрезентацию действительности, но и степень ее верификации, а также механизмы текстового конструирования «истинного» и условия его признания реципиентом. Именно поэтому критерии литературной достоверности, а также жанрово-стилистические границы литературы факта и ее типологические признаки по-прежнему характеризуются заметной неопределенностью, неоднородностью и требуют дальнейшего понятийного уточнения и дифференциации.

В связи с отмеченной неоднозначностью критериев «истинности» ниже предлагаются рабочие определения ключевых терминов, используемых в статье. Под *достоверностью* понимается не абстрактная «правдивость» высказывания, а совокупность признаков проверяемости фактуального каркаса: идентифицируемость источников (документ, свидетельство, интервью, дневниковая запись), возможность верификации ключевых утверждений и событийных связей, а также прозрачность отбора и представления материала. В свою очередь, *эффект достоверности* трактуется как рецептивно-прагматический результат нарративной организации текста — впечатление «реаль-

ности» и «правдоподобия», создаваемое сценизацией, детализацией, фокализацией, монтажом свидетельств и иными художественными приемами; данный эффект может усиливать убедительность повествования, но сам по себе не равен проверяемости и не может ее подменять. Термины *правда* и *истина* в настоящей работе обозначают не единичный факт, а обобщающую мысль и ценностно-смысловой вывод, выстраиваемые на основании фактов и их авторского осмысления. Тем самым «правда/истина» выступает горизонтом смыслообразования литературы факта, тогда как «достоверность» функционирует как ее минимальное условие, а различие проверяемости и эффекта достоверности позволяет уточнять границы допустимого вымысла и способы его служения факту.

Белорусская литературовед О. Н. Губская, занимаясь вопросом литературы факта, апеллирует к трудам Ф. М. Достоевского, считая, что благодаря его размышлениям о роли газетных фактов, в XIX веке обострился интерес к факту в литературе. Следующий этап актуализации интереса к факту она связывает «с расцветом в XX в. авангарда и возникновением творческого объединения “Левый фронт искусств” (ЛЕФ), который начал выпускать сборник “Литература факта” (1929). Статьи сборника демонстрируют осознание факта как контрпозиции художественного образа и, по сути, предлагают методологию фактографии» [1, с. 137]. При этом О. Н. Губская подчеркивает, что «“литература факта” в начале XX века – явление авангардное, поэтому в некотором смысле ограниченное (не универсальное), хотя и важное для развития литературы» [1, с. 138]. В своих размышлениях она обращается к научным исследованиям П. В. Палиевского, который акцентировал внимание на том, что свою настоящую, естественную жизнь факт получил «вместе с мировым потрясением последней войны. Ее течение отодвинуло от людей все прошлое далеко назад и привело к новому ощущению жизни. <...> Стали вскрываться поверхности, обнажая на изломе мир, превосходящий своей насыщенностью любые предположения» (цит. по: [1, с. 139]). Исходя из этого исследовательница делает вывод о том, что «в русской литературе факт выступил готовым образом после событий Второй мировой войны». В то же время белорусская фактография как отдельное самостоятельное направление в литературе сформировалась как «ответ на острую потребность правдиво отразить в искусстве бытие белорусов в условиях абсолютной идеологической цензуры, что, безусловно, ограничивало кругозор писателя во всей первой половине XX в., который начался с геополитического разлома. Но <...> осмыслить ту реальную динамику с минимизацией влияния цензуры было возможным именно через минимальную “обработку фактов”. Этим путем пошел М. Горецкий. Второе дыхание фактография приобрела в белорусской литературе, начиная с 60-х гг. XX века в произведениях А. Адамовича, Я. Брыля...» [1, с. 139]. Таким образом, становится очевидно, что белорусская литература факта рассматривает реальное (задокументированное) событие как основополагающий, сюжетообразующий элемент литературного

произведения. Безусловно, и в других национальных литературных традициях наблюдаются подобные процессы, однако именно в белорусской литературе второй половины XX века сформировалась такая форма нарратива, как «проза голосов». В книге А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я из огненной деревни» именно факт сожженных деревень и геноцида белорусского народа стал основообразующим элементом произведения. Кроме того, этот факт верифицируется благодаря голосам очевидцев этих трагических событий белорусской истории. Таким образом, белорусская литература факта прочно связана с темами национальной идентичности и исторической памяти.

На современном этапе исследователей интересует способ подачи реального факта (тип нарратива) в тексте литературного произведения. Так, Е. В. Пономарёва, размышляя над ролью факта в литературе, отмечает, что «общественная ситуация потребовала от писателей новой эстетики – сосредоточения внимания на закономерном, сближения литературы с исторической правдой, с самой жизнью». Ссылаясь на слова Л. Гинзбург «требование истинности литературы существовало всегда», она утверждает, что в эпоху расцвета реализма «произошла непосредственная пересадка жизни в литературу» [2, с. 76]. Все это не могло не сказаться на развитии мемуарно-биографических жанров, «литературы правды», основополагающим стержнем которых становится индивидуальность, личность, ее мысли, переживания, оценки действительности, преломленные сквозь вереницу невымышленных исторических событий. В литературно-исторической и жанрово-эволюционной перспективе вывод Е. В. Пономарёвой состоит в том, что «литература правды» / «документально-художественная литература» обретает эстетическую легитимность внутри реалистической традиции именно благодаря опоре на цепь нефикциональных исторических событий: мысли, чувства и оценочные суждения субъекта не «подвешены» над вымышленной фабулой, а предъявляются и преломляются в ряду «невымышленных исторических событий». Тем самым индивидуальность/личность становится принципиально важным входом в понимание истории и современности. Следовательно, основанием «литературы правды» выступает не особое построение сюжета, а устойчивое обращение к исторической правде и жизненному опыту как к основному материалу произведения.

Таким образом, Е. В. Пономарёва фиксирует эстетическую установку эпохи реализма на сближение литературы с исторической правдой и самой жизнью, выявляя исходный тезис: литература факта (в широком понимании – документально-ориентированное письмо) не может формироваться вне опоры на материал действительности. Идентифицируемая фактуальная основа, исторический контекст и дискурс доказательности выступают необходимыми условиями ее типологической идентичности.

Однако при всей продуктивности указанных подходов в них недостаточно прояснен иной, не менее принципиальный вопрос: при признании незаменимости фактуальной основы каким образом внутри литературы факта

проявляется «вымысел» и появляется ли вообще? где проходят границы между фактом и вымыслом? какими средствами возможно повысить нарративную выразительность текста, не разрушая его фактуальной основы? Иными словами, существующие концепции в большей мере демонстрируют, что факт является первоосновой, но еще не предлагают целостной аналитической модели, объясняющей, как именно вымысел и факт взаимодействуют. В частности, требуется уточнить, как в конкретных текстах «эффект достоверности» соотносится с проверяемой фактуальной структурой, и какая роль при этом отводится таким повествовательным стратегиям, как сценизация, реконструкция диалогов, психологизация и нарративная фокализация.

С точки зрения творческой практики граница «достоверность–вымысел» во многом определяется авторской установкой, то есть тем, как именно, по замыслу автора, историческое событие переводится в режим литературного повествования. П. Рикёр обосновывал принципиально новое отношение к фактам истории и к возможностям их толкования, отмечая следующее: «Первое допущение «поэтики» исторического дискурса состоит в том, что вымысел и история принадлежат – под углом зрения нарративной структуры – к одному и тому же классу. Допущение второе: сближение истории и вымысла влечет за собой и другое сближение – между историей и литературой. История по сути своей – это историография, или выражаясь в откровенно провоцирующем стиле, – артефакт литературы (a literary artifact)» [3, с. 187].

Позиция П. Рикёра позволяет утверждать, что историческое повествование и художественная литература не имеют принципиального различия на уровне нарративной структуры: как только «факт» оказывается рассказанным как «история/сюжет», он включается в литературно организованную форму и, тем самым, в сферу литературности. Отсюда возникает специфическое противоречие документального повествования: с одной стороны, литература факта опирается на историческую тематику и исторические события; с другой – прошлое как таковое не подлежит прямому воспроизведению и неизбежно дается через опосредование повествовательными формами. Трудность для автора литературы факта состоит в том, чтобы, принимая во внимание нарративную «сконструированность» истории, заново выстроить образ «фактуального прошлого» и при этом различить исторический факт и «литературный факт», то есть факт, функционирующий внутри художественно организованного дискурса.

Обращаясь к проблематике творческого процесса в литературе факта, О. Н. Губская формулирует ряд принципиальных вопросов: «Факт из реальности – катализатор литературного творчества, откуда берет начало любая творческая авторская идея, фантазия. Может ли исторический факт быть феноменом с элементами иносказательности, означать больше, чем его непосредственное, явное содержание? В чем уникальность реального и документального факта в литературном контексте?» [4, с.105]. Ключевым ходом в ее аргументации становится перевод «реального/исторического факта» в плос-

кость «художественного факта»: в этом случае факт внутри текста перестает выполнять исключительно референциальную (указательную) функцию и начинает работать как эстетический объект и механизм порождения смысла. В рамках данного подхода исторический факт, проникая в литературный дискурс и проходя через авторское восприятие и нарративную организацию, преобразуется в художественный образ, обладающий эстетической функцией.

Сходный акцент на авторской субъектности обнаруживается и у китайского исследователя Сунь Чуньмина (孙春旻), который подчеркивает, что автор в литературе факта выступает не «пассивным регистратором», а ключевым субъектом смыслоконструирования. По его мнению, на основании исторической достоверности автор вводит в текст собственное ценностное видение, осуществляет отбор и композиционную перестройку материала. Творческое осмысление истории и современности в таком случае, представляет собой синтез фактографичности и художественной рефлексии. При столкновении с трудно проверяемыми лакунами прошлого допустимы рационально мотивированные воображение и предположение, призванные компенсировать разрывы в повествовательной связности. Тематическим ядром литературы факта он считает восстановление и рефлексия истории, а «историчность» – ее первостепенным свойством в современной ситуации [5, с. 48].

На уровне жанрово-стилистической организации Сунь Чуньмин (孙春旻) далее предлагает рассматривать литературу факта как коммуникативную систему, включающую пять элементов: говорящего (автора), адресата (читателя), текст (языковую конструкцию, то есть конкретное произведение), коммуникацию (соотнесение автора и читателя) и контекст (специфическое языковое поле, в котором совместно пребывают автор и читатель) [6, с. 99]. В данном контексте «жанрово-стилистическая организация» у Сунь Чуньмина подразумевает структурную модель, которая выходит за пределы простого набора формальных признаков текста и рассматривает произведение как коммуникативную систему. Это означает, что жанр и стиль здесь понимаются не как застывший перечень правил, а как динамический механизм взаимодействия между автором, читателем и реальностью. Среди указанных элементов, на наш взгляд, именно «коммуникация» и «контекст» выступают ключевыми условиями конструирования «истинного факта» в литературе факта: достоверность факта не может быть верифицирована посредством одностороннего авторского утверждения, а требует рецептивного принятия и признания со стороны читателя в процессе чтения. В отличие от художественной прозы в широком смысле, оценка читателем достоверности в литературе факта обычно опирается на два параллельно действующих принципа. Во-первых, это литературная рецепция: читатель воспринимает текст как произведение литературы, а не как протокол, стенограмму или архивный массив. Во-вторых, это эффективность эстетического конструиро-

вания: автор должен суметь преобразовать фактуальный материал в убедительную художественную форму/образ. Лишь при одновременном соблюдении обоих условий произведение может быть признано литературой факта в строгом смысле.

Из изложенного следует, что как в отношении исторического фактуального повествования, так и в отношении нарративов литературы факта большинство исследователей и практиков письма сходятся в одном: отвергается крайняя позиция, предполагающая полное исключение вымысла, литературной обработки из творческого процесса. Вместе с тем одной из ключевых норм письма в литературе факта выступает применение в тексте принципа документальности (документализма).

Кроме того, в основе применения символического обобщения при литературной обработке фактов лежит подход, который можно назвать «фактоцентричным». Это значит, что отправной точкой анализа служит не абстрактная идея, рожденная в воображении, а вполне конкретный, реально произошедший случай или событие. Здесь прослеживается существенное отличие от художественного вымысла, где автор, отталкиваясь от общей концепции, постепенно детализирует и воплощает ее в частностях. В литературе факта, напротив, движение мысли разворачивается от частного, отдельного факта к формулированию общих, обобщающих выводов. Иными словами, единичный случай, зафиксированный в реальности, наделяется более широким социально-историческим и концептуальным смыслом, выходя за рамки простого констатирования произошедшего. Л. Гинзбург отмечает: «В документальной литературе художественный символ имеет особую структуру. Он как бы содержит независимое знание читателя о предмете изображения. В соизмерении, в неполном совмещении двух планов, плана жизненного опыта и плана его эстетического истолкования, — особая динамика документальной литературы» [7, с. 11].

Систематизируя вышесказанное, перейдем к выводам. Белорусские исследователи прочно связывают актуализацию литературы факта с конкретными историческими катастрофами, в особенности со Второй мировой войной. Для них факт — это способ осмысления национальной травмы (геноцид, сожженные деревни) и сохранения исторической памяти. Минимальная обработка фактов и обращение к свидетельствам очевидцев (как в книге «Я из огненной деревни») стали способом донести правду. Именно эта правда и вызывает интерес к таким формам, как литература факта и эго-документ.

В китайском литературоведении предлагается рассматривать литературу факта не только как текст с высокой степенью фактографизма, но как целостную коммуникативную систему, которая включает автора, читателя, текст и контекст. В этом подходе «истинность» факта не является раз и навсегда заданной автором. Она конструируется и подтверждается в процессе

рецепции. Достоверность произведения требует признания со стороны читателя, который одновременно воспринимает текст как литературу и оценивает убедительность художественной обработки фактов автором. Сунь Чуньминь решительно отвергает представление об авторе как о простом «регистраторе» фактов. Он утверждает, что, даже работая с документальным материалом, автор остается ключевым субъектом творческого процесса. Писатель не просто фиксирует реальность, а привносит в текст собственное ценностное видение, осуществляет строгий отбор материала и его композиционную перестройку. Именно авторское осмысление превращает голый факт в элемент литературы. В качестве примера можно обратиться к повести китайского писателя Цю Дунпина «Седьмая рота», основанной на его опыте военного корреспондента и посвященной Шанхайской кампании 1937 года. Реконструируя в тексте боевые эпизоды и гибель подразделения, автор сохраняет проверяемый исторический контекст, но на уровне персонажей использует типизацию и «сводные» образы: командир, связист и тяжелораненый боец объединяют черты нескольких реальных участников событий. Эта стратегия не фиксирует реальные факты в чистом виде, а усиливает выразительность реконструированных (сценизация, внутренняя фокализация) и формирует эффект достоверности, превращая документальный материал в литературный текст при сохранении его верифицируемой основы.

Таким образом, понимание литературы факта в китайской и белорусской традициях в целом опирается на общую логику — диалектику проверяемого факта и приемов повествования, создающих эффект достоверности. Важно различать проверяемую фактическую основу текста и эффект достоверности: художественные приемы допустимы тогда, когда они делают рассказ более убедительным и выразительным, но не подменяют факты и не разрушают то, что можно проверить. При этом видно, что при общих исходных установках (в том числе при признании активной роли автора) акценты различаются: в белорусской традиции на первом плане — память и национальная травма, а в китайской — понимание литературы факта как системы «автор – текст – читатель – контекст», где достоверность во многом подтверждается тем, как текст воспринимает читатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губская, В. М. «Літаратура факта» як адметная з’ява ў беларускай і рускай мастацкіх традыцыях / В. М. Губская // Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 3(113). – С. 136–141.
2. Пономарёва, Е. В. Документально-художественная литература: к вопросам исторического развития / Е. В. Пономарёва // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Филологические науки. – Нальчик, 2015. – № II (7). – С. 74–76.

3. *Рикёр, П.* Время и рассказ / Поль Рикёр ; [пер. с фр. Т. В. Славко]. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — Т. 1: Интрига и исторический рассказ. — 313 с.
4. *Губская, О. Н.* Литература факта и эго-документ как два самостоятельных явления в белорусской литературе / О. Н. Губская // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. — 2022. — № 1(116). — С. 104–112.
5. *孙春旻*, 当代事实文学文体概况, 华北水利水电学院学报, 1999. — № 1. — С. 45–51页. = *Сунь, Чуньминь*. Обзор стилевых особенностей современной литературы факта / Чуньминь Сунь // Журнал Хуабэйского института водных ресурсов и гидроэнергетики. — 1999. — № 1. — С. 45–51.
6. *孙春旻*, 纪实文学: 寻找真实的坐标, 郑州大学学报, 1999. — № 1. — С. 97–102页. = *Сунь, Чуньминь*. Документальная литература : в поисках координат истинного / Чуньминь Сунь // Вестник Чжэнчжоуского университета. — 1999. — № 1. — С. 97–102.
7. *Гинзбург, Л. Я.* О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Л.: Худож. лит., 1976. — 448 с.

Поступила в редакцию 02.04.2026

УДК 821.161.1.09"19/20" (092)Хвостенко А.Л.

Скоропанова Ирина Степановна

доктор филологических наук, профессор,
 профессор кафедры русской литературы
 Белорусский государственный
 университет
 г. Минск, Беларусь

Irina Skoropanova

Habilitated Doctor of Philology,
 Professor, Professor of the Department
 of Russian Literature
 Belarusian State University
 Minsk, Belarus
 e-mail: SkoropanovaI@bsu.by

НЕОАВАНГАРДИСТСКИЕ НОВАЦИИ АЛЕКСЕЯ ХВОСТЕНКО

Статья посвящена представителю ленинградского андеграунда А. Хвостенко, игравшего активную роль в возрождении и развитии авангардистской традиции Серебряного века – кубофутуризма, сюрреализма, супрематизма и их наследников – младоавангардистов ОБЭРИУ и представителей лианозовской школы. Раскрывается его вклад в обновление авангардизма посредством верпотворчества, приобщения к неообэриутству и конкретизму. Характеризуется присущая творчеству А. Хвостенко специфика реализации авангардистских принципов слово- и образотворчества, жанрово-стилевой и структурно-композиционной организации произведений, типа используемого стиха, воплощения авторского «я».

К л ю ч е в ы е с л о в а : *А. Хвостенко; андеграунд; неоавангардизм; верпотворчество; игра; традиция В. Хлебникова; «вакуумные» тексты; неообэриутство; конкретизм; синтез.*

NEO-AVANT-GARDE INNOVATIONS OF ALEXEI KHVOSTENKO

The article is devoted to A. Khvostenko, a representative of the Leningrad underground who played an active role in the revival and development of the avant-garde tradition of the Silver Age – cubofuturism, surrealism, suprematism and their successors – the young avant-gardists of OBERIU and the representatives of the Lianozovo school. The study reveals his contribution to the renewal of avant-gardism through verp creativity, engagement with neo-OBERIU tendencies, and concretism. It characterizes the specificity inherent in A. Khvostenko's work in the realization of avant-garde principles of word- and image-making, the genre-stylistic and structural-compositional organization of his works, the type of verse employed, and the embodiment of the authorial «I».

Key words: *A. Khvostenko; underground; neo-avant-gardism; verp creativity; play, the tradition of V. Khlebnikov; «vacuum» texts; neo-OBERIU; concretism; synthesis.*

На волне либерализации оттепельных лет в русской литературе начинается возрождение запрещенного авангардизма как самой радикальной ветви модернистского искусства Серебряного века. В печать, однако, удалось пробиться немногим, в основном – представителям «социалистического авангардизма», расценивавшегося как своеобразное ответвление социалистического реализма. Сложившаяся социокультурная ситуация инициировала возникновение и разрастание андеграунда.

В андеграунде авангардизм обрел новую жизнь, постепенно трансформируясь в неоавангардизм и поставангардизм, подготовившие появление неомодернистской и постмодернистской русской литературы, и, таким образом, сыграл значимую роль в ее обновлении и обогащении.

К настоящему времени заслуги андеграундного поколения в целом признаны. Вместе с тем фигуры конкретных авторов изучены с разной степенью полноты и убедительности. Недостаточно внимания уделено литературоведческой наукой и творческому наследию Алексея Хвостенко – талантливое представителя ленинградского андеграунда малосадовского круга, соединявшего в себе художника, барда, поэта, драматурга, прозаика, нацеленного на раскрепощение и обновление русской культуры. Наиболее интересен он как «чистый поэт» (Г. Сапгир), что подтверждает посмертно изданная книга «Алексей Хвостенко. ВЕРПА» (2005), подготовленная к печати еще им самим. В оформлении книги использованы рисунки А. Хвостенко и С. Есаяна. Показательно, что на обложке в фамилии автора жирным выделено «Хвост» (таково приятельское прозвище Алексея), а набросок его портрета дан немногими условными штрихами и сопровождается столь же условно-подпорченной надписью «вестник», в помещенном же рядом с гитарой в ногах зеркалом отражается недописанное слово «ВЕРПА». Все это изначально указывает на игровое начало творчества А. Хвостенко, подчеркивает раскрепощенно-неформальный характер преподносимого читателю. Заглавие же книги – «ВЕРПА» – воспроизводит название андеграундной группы «Верпа», созданной в 1963 году Алексеем Хвостенко, Анри Волохонским и дружившим с ними востоковедом Иваном Стеблин-Каменским.^{*} Она оказалась ультраавангардной, и А. Хвостенко даже было воспринят как создатель нового литературного течения – аналога абстрактной и полуабстрактной живописи, каковой этот автор в то время увлекался.

Главным ориентиром для А. Хвостенко был кубофутуризм, и прежде всего В. Хлебников, о чем он сказал так:

От Пушкина во мне

лишь Хлебников остался [9, с. 434], –

хотя есть в его экспериментах и нечто родственное сюрреализму, супрематизму, со временем – и абсурдизму, и конкретизму.

Как ни на что не похожую декларацию можно рассматривать текст А. Хвостенко «Приговор Верпы», основанный на принципе семантической зауми. Наряду с общеизвестными, нечто обозначающими словами в текст включены вымышленные, наделенные лишь означающим и не имеющие означаемого, так что их семантика восстанавливается реципиентом совершенно произвольно, в силу понимания контекста. Слабо связаны между

^{*} Большие буквы, по-видимому, были использованы по аналогии с ОБЭРИУ, намекая на то, что это будто бы аббревиатура; в литературоведении же закрепилось наименование «Верпа».

собой в некоторых случаях словосочетания, могут отсутствовать знаки препинания, что усиливает алогизм сообщения. Требуется разгадки и используемая метафорика. Игра с читателем, каковую ведет А. Хвостенко, активизирует самостоятельный характер интерпретации текста, прививает насмешливое отношение к шаблону.

Невозможно не ощутить в этом воздействие В. Хлебникова, из общего корня производившего множество выразительных окказионализмов, – вспомним хотя бы «Заклятие смехом» и «Могатство могачей» [10, с. 484], не говоря уже о созданном им «звездном языке». И у А. Хвостенко входящая в книгу «ВЕРПА» «Поэма эпитафий» состоит из эпитафий-изречений известных писателей, философов, ученых, начиная с Декарта и Рабле, кончая Кафкой и Камю, но следующие за этим тексты выполнены в «заумном» ключе либо вообще состоят из одной буквы в строке или одного корня, из которого произведены разные формы слова. В сущности, как и у обэриутов, это комедийная игра с бессмыслицей, функция каковой двойственна: 1) с одной стороны, А. Хвостенко трагедизирует возможную белиберду в трактовке классиков, 2) с другой – предупреждает о том, что и высказывание известного человека может быть спорным, даже ошибочным, с ходом времени устаревшим, и не нужно слепо доверять любому авторитету.

Подобную версию игры встречаем и в «Приговоре Верпы», основанном на пародировании непомерно заносчивых манифестов и деклараций.

Общий смысл, который несет в себе «Приговор Верпы», – потребность в обновлении художественного творчества, осуждение запретов в культуре, косвенное обозначение круга своих интересов. Конкретика же так и остается «заумной», придавая декларации комическую окрашенность:

«Направленность Верпы и отравленность ее антов определяются временными кадогами. Засим Трева. Вокруг художеств и ргобин собираются первоначально в том чтобы клубиться и петь. Клуспиты поддерживают Верпу и защищают ее от Рпанга. Но...» [9, с. 30]. От «прописных истин», упрощающих мир, формирующих стереотипы мышления, автор побуждает двигаться к более сложной и стереоскопической системе мировосприятия, чему служит устанавливающая новые связи и отношения, побуждающая принимать во внимание неизвестное, оттачивать интеллект авангардистская, в сущности, уже неоавангардистская поэтика, т. к. принципы различных авангардистских течений, групп, школ у А. Хвостенко скрещиваются и развиваются.

Значение самого слова *Верпа* А. Хвостенко раскрывает в «Верпаузе для математиков». В заглавие входит окказионализм, созданный путем сложения корней слов *верпа* и *пауза*. Последнее, по-видимому, – указание на передышку в поэтическом творчестве, переход к попытке его объяснения особого рода «прозой». Используется рукописный (самиздатский) вариант оформления материала, имитирующий вырванную откуда-то страничку с неровными краями, на которой печатными буквами написано:

«Верпа – крайне заносчивая муза. Первоначально она была ВЕРПом – маленьким якорем, с помощью которого выводили в море большие корабли. ВЕРП мог быть и камнем. Из камня он превратился в камену. ВЕРПА выводит в поэтическое море корабли, на которых в былые времена никто и не помыслил бы пуститься в плавание. Новая муза родилась на берегах Невы в начале 60-х годов <...> Присматривалась к деятельности адептов свысока, и предпочитала, вместо отведенного ей академического кресла, шляться со всякого рода повесами по кабакам» [9, с. 226].

Складывается впечатление, что Верпа – муза новаций, проб, экспериментов, в общем, муза авангардистов. Это подтверждает уже нетрадиционное оформление текста, ориентированное на авторские книги футуристов, отрицающие стандарт, соединяющие в себе литературу и живопись (здесь – графику), характеризующиеся – каждая – шрифтом, особенностями расположения строк, обладающие своим собственным лицом. У А. Хвостенко одна страница перевернута вверх ногами, и это привлекает к ней особое внимание, на что и рассчитывает автор: здесь обозначены задания, каковые позже будут исполняться, и «Несколько задач с различными значениями Я». Предваряющий эту часть текста эпиграф из романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна проясняет цель А. Хвостенко: «Скажите мне, господа ученые, вечно мы будем прибавлять так много к объему – и так мало к содержанию? Вечно мы будем изготавливать новые книги, как аптекари изготавливают новые микстуры, лишь переливая из одной посуды в другую?» [8, с. 264]. Вместе с предшественником автор настраивает на совершение пусть маленького, но чуда – создание чего-то принципиально нового. А. Хвостенко предлагает с помощью математических методов более точно уяснить, что собой может представлять человеческое «я». Отталкивается автор от хлебниковской «математической истории» – его работ «Учитель и ученик», «Закон поколений», но свой метод применяет не к истории, а к феномену человека и во многом – в пародийно-ироническом ключе, высмеивая массового человека массового общества (Не исключено и знакомство А. Хвостенко с числовыми операциями К. Малевича, «умными числами» В. Брюсова и Н. Гумилёва да и с музыкальным произведением Д. Кейджа «4'33'»). Но хотя А. Хвостенко апробирует алгебраический принцип структурно-композиционной организации произведения (трудно наверняка сказать: стихи это или проза) и сокращения слов, как бы имитирующие математические знаки, он явно «прикалывается», создает полузаумный / полуабсурдистский текст. Авторское «я» у него в разных позициях может быть равно и Д, и С, и О, и Яме, значения которых большинству читателей так же непонятны, как формула А. Эйнштейна $e = mc^2$, но в подтексте содержит намек на его многогранность. Обезличенного же, лишённого собственной индивидуальности, руководствующегося стереотипами массового сознания субъекта автор обозначает буквой Ч, приводя формулу:

«Здесь Ч ≠ Ч» [9, с. 230].

Принять стирания индивидуальности человека А. Хвостенко не может, заявляет: «Пифагор прав. Смерть предпочтительней отступления, попирающего самое сокровенное, к чему может прикоснуться душа» [9, с. 230]. Отсылка к Пифагору указывает на возрождаемую и развиваемую философскую традицию, допускающую использование числового кода для объяснения мира и человека. Завершает построение вопрос «что?». Скорее всего, имеется в виду «что делать?». Ответ должен дать реципиент, призванный определиться хотя бы с самим собой, попытаться выработать и отстоять свою самостоятельность. А. Хвостенко убежден, что его творчество помогает размораживать умы. Сам он, задавая головоломки, откровенно веселится (серьезен / не-серьезен), замечая: «Веселость вызывается увлажненностью зрения» [9, с. 230]. Парадоксов у него немало.

В качестве своего рода приложения, озаглавленного «Подозрение», приводится выписка из книги В. П. Василькова «О съедобных и ядовитых грибах», где выявляется еще одно значение понятия *Верпа*: это тип шляпки гриба – *Verpa bohemica* (Krombh.) Schröt, или Шапочка сморчковая. По В. П. Василькову, в свежем состоянии все виды сморчковых грибов «подозрительны в отношении их ядовитости» [9, с. 237]. Нелепое выражение вызывает смех, как и дублирующая характеристика гриба: «Съедобен условно» [9, с. 237], потому, надо полагать, автор и включил их в свой текст, задаваясь резонным вопросом: «Что это?» (= как это понимать?). Собственную Верпу от *Verpa bohemica* он вроде бы отделяет – и все же полностью не отделяет. В Приложении с примечаниями к неизданной книге «ХвОст выставляет прощальный Чайник ВИНА» о Верпе сказано: «Первоначально неосмыслимое звукосочетание, она стала вскоре небольшой лебедкой, якорем и ядовитым грибом» [9, с. 403]. Возможно, имеется в виду, что для кого-то верпотворчество может оказаться несъедобным, т. к. «ядовитостью» манера А. Хвостенко и его последователей не отличается. А. Хвостенко сам признается: «Я не склонен к унынию, и даже в тех случаях, когда невыразимая тоска наваливалась на меня, угрожая нарушить то сосредоточенно веселое равновесие, состоявшееся между внешним миром и мной, благодарная моим устремлениям, безмятежность торжествовала над ней убедительную победу, хотя бы и после ожесточенной атаки» [9, с. 404]. Может быть, и по этой причине у него появились последователи и поклонники.

Название опусов «произростадии неумашинного некоторого творчества вокруг ствола Верпы или около его источников» открывает еще одно значение понятия *Верпа*: раз у Верпы есть ствол, это дерево – нечто возвращенное в райских садах поэзии, занявшее в них свое место.

Феномен Верпы активно популяризировался А. Хвостенко. Нередко данное понятие входит в названия его книг, их разделов, циклов стихотворений, порождает окказионализмы. Таковы: ранняя поэма «Верпаторий загадок»,

стихотворение «Верпиза», «Верпауза для математиков», цикл стихотворений «Верпования», цикл «Верпования, или камлания Верпы», стихотворение «Кто верпан?» и др.

Таким образом, автор добивался все большей степени материализации полюбоившегося ему мыслеобраза, внедряя его в сознание близких по духу представителей неофициальной культуры. Верпа стала опознавательным знаком творчества А. Хвостенко, вошла в литературный обиход.

Предпочитаются в «Верпе» свободный стих (верлибр) и стих с разнесенной и спорадической рифмой. Нередко он сильнейшим образом прозаизирован, но скрепляется паронимией. Встречаем мы у А. Хвостенко и тавтограмму, и палиндром, и брахиколон, и стихи с анаграмматической и обратной инструментровкой.

Образная система поэта основана на ассоциативной метафоричности, так что смыслы не лежат на поверхности, побуждают читателя думать. Достаточно характерно для него совмещение несовместимого, высмеивающее осточертевшую парадность официального дискурса, вообще трафарет.

Интерес к реальному искусству вызвал сближение А. Хвостенко с группой «Хеленукты», созданной в 1966 г. В. Эрлем и Д. Макриновым и по преимуществу объединявшей поэтов-неообэриутов. Принципы ОБЭРИУ – примитивизм, ирония, сдвиг, столкновение смыслов, игра с бессмыслицей, алогизм, гротескное заострение, абсурдизация – органично соединялись в творчестве А. Хвостенко с унаследованным от В. Хлебникова. Более того, к этому времени А. Хвостенко уже воспринял открытия представителей лианозовской группы конкретистского периода их творчества. Конкретизм тоже не прошел мимо футуризма и обэриутов и сделал ставку на фактичность, минимализм, речевой стих, игру с пустотой.

Новизна А. Хвостенко, таким образом, – в синтезе привлечшего его в эстетике и поэтике кубофутуризма, сюрреализма, супрематизма, младоавангардизма, конкретизма и получившего свое развитие.

Данные признаки наиболее отчетливо проступают в поэме А. Хвостенко «Подозритель», написанной в 1965 г. и изданной в самиздате.

Уже название поэмы указывает на словотворчество. Окказионализм создан посредством сложения корня слова *подозрительный* и слова *зритель*. Зрителем своеобразного спектакля, как воспринимается трактуемая в официальном ключе окружающая действительность, предстает сам автор. С точки зрения власти, он подозрительный, так как не поет ей в унисон, является представителем андеграунда.

На то, в чем «подозрительность» поэта, обратившегося к супрематизму указывает подготовленная самим А. Хвостенко обложка, где сразу под названием расположен «Черный квадрат» К. Малевича, в противовес омертвевшему академическому – фигуративному искусству. От «искусства повторе-

ния» он шагнул в сторону новых форм живописи, «отвечающих современной жизни» [4, с. 10–11]. Расценивая художественное творчество как выражение мироощущения творца, а не копирование реальности, К. Малевич прослеживает шаги в этом направлении, предпринимавшиеся импрессионистами, кубистами, футуристами (фиксируя, что те дали ощущение динамики, характерной для современного мира), но считает, что этого недостаточно, и отстаивает беспредметное, «чистое искусство» – супрематизм, который «не является результатом одного какого-то ощущения, а представляет собой целый ряд выраженных ощущений в своей системе».

Наибольшее место в супрематическом искусстве занимает динамическое ощущение, потом идёт супрематический контраст, статический, пространственный, архитектурный и другие» [4, с. 76].

Вот почему на обложке книги «ВЕРПА» есть зеркало – это скрытая отсылка к манифесту К. Малевича «Супрематическое зеркало». Не говоря уже о самом «Черном квадрате» на обложке.

«Черный квадрат» К. Малевича сегодня прочитывается как космос, бесконечность: абсолютное «ничто», потенциально содержащее в себе абсолютное всё – со всем богатством порождаемых смыслов. В самом деле: как нарисовать отвлеченные понятия: мир, бытие и т. п.?

Внимание к литературному «вакуумному» искусству, восходящему к упоминавшемуся роману Л. Стерна, завершающемуся пустыми страницами, к «Странице пустоты и благоговения» В. Хлебникова», определенным произведениям А. Добролюбова и Василиска Гнедова, проакцентировали лианозовцы, развивавшие данную тенденцию в своем творчестве.

Не забыта А. Хвостенко и работа В. Кандинского «Точка и линия на плоскости». Себя поэт называл «рабочим точки», «запятой товарищем», «другом» восклицательному и «братом» вопросительному знакам, существом, пребывающим «среди словес пожарищ» [8, с. 373].

Точка в печатном тексте у В. Кандинского отражает связь молчания и речи, причем «звук молчания, привычно связанного с точкой, столь громок, что он полностью заглушает все прочие её свойства» [2, с. 75].

Внутренний смысл точки обусловлен самим человеком, его «открытым глазом» и «открытым ухом». К тому же у В. Кандинского есть подраздел «Зритель», где говорится: «Верно настроенный глаз способен до определённой степени воспринимать плоскость, необходимую произведению...» [2, с. 207].

Все это вместе взятое и нашло собственное выражение в «Подозрителе».

При чтении поэмы бросается в глаза прежде всего большое открытое пространство, на котором размещен текст. Оно образуемо «вакуумными» фрагментами различного размера и дает ощущение свободы, каковой, как

невидимым воздухом, дышит автор. Отстаивание свободы творчества – определяющий постулат существования представителей андеграунда, и у А. Хвостенко он получает не декларативное, а визуальное выражение.

Создает автор поэму, основываясь на принципах минимализма. Сокращая размеры глав до пятистиший, четверостиший, трехстиший, однострок, однобукв – местоимений и междометий, остальное представляя пробелами, и проводя используемый прием до логического конца, одну из глав – 32-ю поэт только обозначает цифрой, за которой следует пустота, а в главе 33-й есть только восклицание «О!», также продолжаемое пустотой:

31.

История – это болезнь
Фауна – это болезнь
Флора – это безумие

32.

33.

О..!

34.

Грязная подлая куртка

[9, с. 42–43].

Поэма разворачивается как фрагментированный «поток сознания», и возникающая пустота-молчание сигнализирует о непроговариваемом, но испытываемом лирическим героем. Наполнено это молчание разным.

Чередование на протяжении всего произведения высказанного и невысказанного, но обозначенного пробелами, репрезентирующими различные типы молчания, – от невербализированного осуждающего либо скрывающего в себе драматическое переживание, до контрастно противоположного – просветленно-счастливого, уравниваемых в поэме как эстетически равнозначные, т. е. равноправное чередование в произведении речи и молчания, было прорывом в развитии искусства слова, расширявшем его возможности.

Интересен фрагмент 7: Я

[9, с. 34].

Словом здесь обозначено только местоимение *Я*, вслед за которым идет пятистрочный пробел. Какая бы то ни было конкретика отсутствует. Но возникающая ассоциация с так же названными произведениями В. Брюсова, В. Маяковского, В. Ходасевича дает впечатление состоявшейся в искусстве творческой личности, с которой читателю еще предстоит познакомиться (имеется в виду – после легализации андеграунда).

Отдельные штрихи *Я* у А. Хвостенко все-таки проступают из общего контекста «Верпы».

Сподвижник по группе Л. Ентин в неопубликованной статье 1965 г. охарактеризовал А. Хвостенко окказионализмом «верпатор», в котором соединяет слово *Верпа* с частями слов *новатор*, *организатор*, *реформатор*, *популяризатор*, *триумфатор* и словом *патер* (здесь – «отец» Верпы) (см. [1, с. 421]). За А. Хвостенко, таким образом, закрепляется имидж новатора, хотя само это слово – как слишком для авангардиста изношенное – не употребляется.

Ценили А. Хвостенко и московские неоавангардисты. Он имел связь с кругом И. Холина и Г. Сапгира и в 1968 г. перебрался в Москву. Считалось, что она дает больше шансов для самореализации. И здесь А. Хвостенко произвел яркое впечатление (среди своих). Но в какой-то момент началось его преследование с обвинением (как ранее И. Бродского) в тунеядстве. Не дожидаясь «развязки», в 1977 г. А. Хвостенко эмигрирует. Обосновывается во Франции, оставаясь апатридом. Вместе с А. Волохонским продолжает творческую деятельность, совместно с В. Марамзиным издает журнал «Эхо».

Сближается с парижским *вивризмом*; в перестроечном 1989 г. выступает в вивристском скворте совместно с приехавшими в Париж К. Кедровым, С. Лёном, Г. Сапгиром, и их совместная книга под названием «Черный квадрат», изданная в 1991 г. московско-парижской ассоциацией русских художников (см. [3]), произвела среди знатоков фурор и к настоящему времени стала библиографической редкостью, стоящей сумасшедших денег.

С середины 1990-х А. Хвостенко неоднократно приезжал в Россию, в основном, выступая с рок-группой «Аукцыон».

В 2004 г. он восстановил российское гражданство и вернулся на родину. Неожиданно для всех вскоре скончался от воспаления лёгких. Наследие же его осталось.

Сам А. Хвостенко был убежден, что со временем займет свое место в энциклопедическом справочнике русских писателей, в собственной версии «Памятника» мысленно выстраивая такой ряд:

хомяков
херасков
хемницер
хвостов
ходасевич
хромов
худяков
хлебников
хлеб и вино
хвостенко [9, с. 130].

К настоящему времени А. Хвостенко представлен в изданиях «Самиздат Ленинграда: Литературная энциклопедия» [7], «Самиздат века» [6], в книге С. Савицкого «Андеграунд» [5], в Интернете. Развернутое исследование его творческого наследия, по-видимому, впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ентин, Л.* предисловие послесловие / Л. Ентин // А. Хвостенко. ВЕРПА. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – С. 420–422.
2. *Кандинский, В.* Точка и линия на плоскости / В. Кандинский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 240 с.
3. Черный квадрат: Книга стихов / К. Кедров, А. Хвостенко, С. Лён, Г. Сапгир. – Москва–Париж : Ассоц. рус. худож., 1991. – 72 с.
4. *Малевич, К.* Черный квадрат / К. Малевич. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 288 с.

5. *Савицкий, С.* Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы / С. Савицкий. – М. : НЛО, 2002. – 224 с.
6. Самиздат века / сост. А. И. Стреляный, Г. В. Сапгир, В. С. Бахтин, Н. Г. Ордынский. Москва–Минск : Полифакт, 1997. – 1192 с.
7. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е.: Литературная энциклопедия. – М. : НЛО, 2003. – 624 с.
8. *Стерн, Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена / Л. Стерн. – М. : Худож. лит., 1968. – 264 с.
9. *Хвостенко, А.* ВЕРПА / А. Хвостенко. – Тверь : Kolonna Publications, 2005. – 444 с.
10. *Хлебников, В.* Творения / В. Хлебников. – М. : Сов. писатель, 1986. – 726 с.

Поступила в редакцию 18.03.2026

УДК 821.111(73).09-312.7+821.581.09-312.7 +82-055.2

Чеснокова Екатерина Вячеславовна

кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
итальянского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Chasnakova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of the Italian Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
Catiscat21@gmail.com

Ли Цзяци

аспирант
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Li Jiaqi

PhD Student
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
Lijiaqi7575@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ИММИГРАНТСКОМ НАРРАТИВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ Х. БАРОЛИНИ «УМБЕРТИНА» И ЭМИ ТАН «СТО ТАЙНЫХ ЧУВСТВ»

Статья посвящена компаративному анализу репрезентации женской субъективности в иммигрантском нарративе второй половины XX века на материале романов Хелен Баролини «Умбертина» (1979) и Эми Тан «Сто тайных чувств» (1995). Впервые в отечественном литературоведении эти произведения, принадлежащие к разным этнокультурным традициям (итало-американской и китайско-американской), рассматриваются в едином исследовательском поле. Методологической основой работы выступает проект номадологии Розы Брайдотти, что позволяет анализировать становление женской идентичности сквозь призму понятий «ризомы» и «номадического субъекта». В ходе анализа выявлено два типа номадизма: центробежный (добровольное освоение нового пространства у Х. Баролини) и центростремительный (мистическое возвращение к истокам через память о прошлых жизнях у Эми Тан). Обоснован тезис о том, что в обоих романах женская субъективность конструируется не в индивидуально-психологическом, а в поколенческом измерении, т. е. через связь с другими женщинами рода (бабушка – внучка у Х. Баролини, сестры у Эми Тан), что принципиально отличает женский иммигрантский нарратив от классического мужского «романа карьеры». Утверждается, что, несмотря на жанровые и культурно-исторические различия, оба произведения репрезентируют становящуюся, незавершенную модель субъективности, в которой стигма инаковости переосмысливается в источник творческой силы и уникальной идентичности.

Ключевые слова: женская субъективность; иммигрантский нарратив; номадология; компаративный анализ; поколенческая травма; ризома; транскультурная литература.

REPRESENTATION OF FEMALE SUBJECTIVITY IN IMMIGRANT
NARRATIVE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF IMAGES IN THE NOVELS
OF H. BAROLINI *UMBERTINA*
AND AMY TAN *THE HUNDRED SECRET SENSES*

This article presents a comparative analysis of the representation of female subjectivity in the immigrant narrative of the second half of the 20th century, drawing on the novels *Umbertina* (1979) by Helen Barolini and *The Hundred Secret Senses* (1995) by Amy Tan. For the first time in Belarusian literary studies, these works, belonging to different ethnocultural traditions (Italian-American and Chinese-American), are examined within a unified research framework. The methodological basis of the study is Rosi Braidotti's project of nomadology, which enables the analysis of female identity formation through the concepts of the "rhizome" and the "nomadic subject". The analysis identifies two types of nomadism: centrifugal (voluntary assimilation of new space in H. Barolini's novel) and centripetal (mystical return to origins through past-life memory in Amy Tan's work). The article substantiates the thesis that in both novels, female subjectivity is constructed not in an individual-psychological dimension, but in a generational one – through the connection with other women of the family line (grandmother – granddaughter in H. Barolini's work, sisters in Amy Tan's), which fundamentally distinguishes the female immigrant narrative from the classical male "novel of career". It is argued that, despite genre-based and cultural-historical differences, both works represent a becoming, non-finite model of subjectivity, in which the stigma of otherness is reinterpreted as a source of creative power and unique identity.

Key words: *female subjectivity; immigrant narrative; nomadology; comparative analysis; generational trauma; rhizome; transcultural literature.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к транскультурной литературе и феномену «пограничного сознания». Романы Хелен Баролини и Эми Тан, созданные авторами-женщинами, принадлежащими двум культурам (итало-американской и китайско-американской), представляют собой репрезентативные образцы иммигрантского нарратива, в котором проблема самоидентификации оказывается неразрывно связанной с гендерным опытом. Во-вторых, при том, что оба произведения получили признание на Западе (книга «Сто тайных чувств» стала одним из наиболее ярких образцов китайско-американской прозы, роман «Умбертина» – важной вехой в становлении итало-американской женской прозы), в отечественном литературоведении отсутствуют компаративные исследования, рассматривающие эти тексты в едином ключе. Каждый из романов изучался изолированно либо вписывался исключительно в национальные традиции (американская литература), что обедняет понимание общих закономерностей развития женской миграционной литературы. В-третьих, категория «женская

субъективность» до сих пор остается дискуссионной в современной теории нарратива. Анализ того, как конструируется женское «я» в ситуации культурного перелома, позволяет уточнить представления о соотношении автобиографического, коллективного и вымышленного в литературе иммиграции.

Материалом исследования послужили романы писательниц Хелен Баролини «Умбертина» (1979) [1] и Эми Тан «Сто тайных чувств» (1995) [2].

Цель работы заключается в выявлении общих типологических черт и культурно-специфических особенностей репрезентации женских образов в романах Х. Баролини «Умбертина» и Эми Тан «Сто тайных чувств» посредством компаративного анализа тематической составляющей романов, сюжетно-композиционных стратегий, механизмов конструирования женской идентичности в ситуации межкультурного взаимодействия, а также функций автобиографического элемента в структуре повествования.

Для достижения этой цели мы обращаемся к методологии номадологии Р. Брайдотти [3; 4], что позволяет нам проанализировать, как физическое перемещение героинь определяет их меняющуюся идентичность, исследовать, как нарратив взаимодействует с «большими идеологиями»: патриархатом, классовым обществом, а также попытаемся проследить, как стигма (быть итальянкой, «китайкой в Америке», носительницей иррационального знания) переосмысливается авторами и героинями в источник уникального опыта и в творческую силу.

Объект исследования – женский иммигрантский нарратив второй половины XX века.

Предмет исследования – репрезентация женской субъективности в романах Х. Баролини «Умбертина» и Э. Тан «Сто тайных чувств» в компаративном аспекте.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении осуществляется сопоставительный анализ романов Х. Баролини и Э. Тан, принадлежащих к разным этнокультурным традициям, но демонстрирующих сходные стратегии репрезентации женского опыта; обоснован тезис о том, что в исследуемых романах женская субъективность репрезентируется не столько в индивидуально-психологическом ключе, сколько в поколенческом измерении: образ женщины конструируется через связь с другими женщинами рода (бабушка – внучка у Х. Баролини, сестры у Э. Тан), что принципиально отличает женский иммигрантский нарратив от классического мужского «романа карьеры» или «романа инициации».

Философской основой данного исследования являются идеи Розы Брайдотти – современного философа и теоретика феминизма (родом из Италии), автора таких книг, как “The Posthuman”, “Posthuman Knowledge”, “Posthuman Feminism”. В 2022 г. Р. В. Пеннер в журнале “Galactica Media” опубликовала рецензию на книгу Р. Брайдотти «Постчеловек», где изложила основные постулаты философских размышлений автора. В рецензии прямо указано,

что Р. Брайдотти опирается на «проект номадологии» и противопоставляет «ризому» «древовидному Логосу» (Ж. Делез и Ф. Гаттари) [3]. Женский субъект в иммиграции принципиально номадичен. Центральным вектором повествования в выбранных для анализа произведениях оказывается двойной поиск идентичности: с одной стороны, этнической (осознание себя в ситуации культурного пограничья, наследие иммиграции), с другой – гендерной (обретение автономии, преодоление патриархальных установок).

Стоит начать с того, что великая миграция в Италии имела место в XIX в. и первой четверти XX в. Крестьяне воспринимали Америку как «землю обетованную», где даже неимущие могут стать землевладельцами. Этот миф усилился после объединения Италии на фоне представлений о демократии и свободе. Развитие судоходства в XIX веке (увеличение размеров судов, мощности двигателей) сделало трансатлантические переезды доступнее, дешевле и безопаснее. Так, например, в период с 1860–1880-х гг. Италию покинули 14 миллионов человек, а в период с 1880–1914-х и 1919–1927-х гг. ежегодно в США прибывало более 10 000 итальянцев. Причинами эмиграции были бедность, эпидемиологическая обстановка, климатические потрясения, неоднозначные правительственные решения и др.

До недавнего времени итало-американская художественная проза оставалась на периферии литературы. Ситуация начала меняться по мере того, как ранее не замеченные произведения, написанные авторами итало-американского происхождения, начали распространяться и даже переиздаваться.

Первое поколение иммигрантов, непосредственно осуществивших переезд в США, в массе своей не владело грамотой; кроме того, в патриархальных общинах доступ женщин к литературной традиции и за пределами семейного круга был существенно ограничен. Эти обстоятельства, усугубленные опытом социальной маргинализации и ощущением культурной «непринятости», долго препятствовали формированию письменного высказывания о пережитом.

Представители второго и третьего поколений, напротив, получив образование и пройдя рефлексию по поводу собственной «нежелательности» в принимающем обществе, обрели голос. В их творчестве произошло не просто восстановление связи с утраченными культурными корнями, но сознательный синтез традиционных ценностей страны исхода с ценностями американской действительности.

В интернет-журнале «Курьер ЮНЕСКО» в статье под авторством Чжуан Готу говорится [5], что у китайской миграции было также три основные волны:

1. Середина XIX в – начало 1940-х гг.: вывоз кули (наемных рабочих) после Опиумных войн. Происходило расселение представителей китайского народа по всему миру. К 1940 гг. – 8,5 млн эмигрантов, более 90 % – в Юго-Восточной Азии.

2. 1949 г. – конец 1970 гг.: эмиграция практически прекращена властями КНР, однако все равно имела место быть.

3. С 1980-х гг.: новая волна выезда в развитые страны, прежде всего в США, Великобританию и др.

«Первые китайские мигранты появились на территории Соединенных Штатов еще в 1820 году, и уже в 1852 году их количество достигало 25 000 человек. В 1880 году мигрантов в штатах было более ста тысяч человек» [6]. Согласно данным Бюро переписи населения США (U.S. Census Bureau, 2023 год), на сегодняшний день в США проживает около 5,4 миллиона человек китайского происхождения [7].

История китайско-американской литературы берет начало в конце XIX века с появлением первых автобиографических текстов, написанных китайскими иммигрантами в США. Однако подлинный расцвет этой литературы приходится на последнюю четверть XX века. Публикация романа Максина Хонг Кингстон «Воительница» (1976) стала поворотным моментом, открыв путь целой плеяде китайско-американских писательниц: Эми Тан, Гиш Джен, Фэй Минь Нг и др. Их творчество, во многом автобиографическое, исследует сложный узел проблем, связанных с поиском идентичности между китайским наследием и американским настоящим: межпоколенческие конфликты в иммигрантских семьях, травма молчания матерей, переживших войны и революции в Китае, столкновение рационализма западной культуры с традиционными китайскими верованиями, а также обретение собственного голоса через акт творчества. Роман Эми Тан «Сто тайных чувств» является одним из наиболее ярких образцов этой литературы, в котором магический реализм и семейная сага сплетаются в уникальный нарратив, размыкающий границы между «я» и «другим», прошлым и настоящим, реальностью и вымыслом.

Хелен Баролини родилась 18 ноября 1925 года в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк, в семье выходцев из Южной Италии: ее мать была родом из Калабрии, отец – из Сицилии. Таким образом, она принадлежала уже ко второму поколению итало-американских иммигрантов.

Над первым романом «Умбертина» Х. Баролини работала на протяжении нескольких лет и завершила его в 1976 году, когда получила грант Национального фонда искусств, позволивший ей окончить рукопись.

Впоследствии роман был удостоен литературной премии «Premio Acerbi». Проза и эссеистика Х. Баролини получили широкое признание: ее работы трижды включались в авторитетный ежегодник «Лучшие американские эссе» (1991, 1993, 1999). В 2000 году вклад писательницы в развитие мультикультурной литературы США был отмечен премией «MELUS».

Роман «Умбертина» впервые вышел в свет в 1979 году, однако не стал популярным. Лишь в последующие десятилетия, по мере роста интереса к женской этнической литературе, произведение приобрело известность в итало-американской литературной традиции.

Как отмечает Мэри Джо Бона, роман представляет собой «accurate account of the poverty and political oppression in the last half of the nineteenth century that drove southern Italians across the sea» [8, p. 130] («точное воссоздание тех условий нищеты и политического бесправия, которые во второй половине XIX века вынудили население Южной Италии к массовому исходу за океан», – перевод наш. – Е. Ч. и Л. Ц.). Событийная канва разворачивается на фоне ключевых исторических процессов – от момента объединения Италии до двух мировых войн, Великой депрессии и послевоенного экономического подъема, – однако в центре повествования неизменно остается частная жизнь персонажей.

К числу магистральных тем романа принадлежат межпоколенческий конфликт, переживание культурного отчуждения, травма стыда и утрата связи с собственными корнями.

Произведение состоит из пролога и трех частей [1]: «Part One: Umbertina, 1860–1940», «Part Two: Marguerite, 1927–1973», «Part Three: Tina, 1950 –».

Как видно из названий частей, в каждой из них рассказывается история одной из трех героинь – Умбертины, ее внучки Маргариты (ее мать, Карла, одна из восьми детей Умбертины) и правнучки Тины. Последовательное развертывание этих женских биографий призвано запечатлеть процесс становления личности в нескольких поколениях одной семьи.

В первой части романа, которая называется так же, как и сам роман, героиня Умбертина выводится на первое место, наделяется особым статусом, перед читателем предстает вся боль и тяготы первого поколения рабочих-иммигрантов. Умбертина бежит от нищеты в Америку, но на месте обнаруживает почти то же самое, что оставила в Кастанье: те же бараки, та же жизнь, и мужчины, включая ее собственного мужа, точно так же зависят от воли хозяина.

И эта власть босса над рабочими в Америке до жути напоминает старую итальянскую зависимость от барона. Умбертина даже говорит: “We have crossed the ocean to trade the *fattore* for a *padrone*” [1, p. 60] («Мы пересекли океан, чтобы просто обменять *управляющего именем* на *падрона*»). Смысл один: и там, и тут твой труд – просто способ наживы для хозяина. Поначалу Америка совсем не кажется ей землей обетованной. Она чувствует себя так, будто так и не уезжала из своей «маленькой Италии». И это очень точно показывает, насколько плохо тогда относились к итальянским рабочим – хуже, чем к чернокожим. Платили им и того меньше и презирали точно так же, если не сильнее. Их могли арестовать, выслать, а то и линчевать. Американцы злились, т. к. полагали, что итальянцы отнимают у них работу, хотя на самом деле те делали ту грязную работу, за которую сами американцы и браться не хотели. Умбертина не понимает этой злобы. Так, первый опыт номадического субъекта Умбертины – это травма неразличения. Ее

физическое перемещение через океан не создает моментального перехода в новое качество. В этот момент ее идентичность зависает в пограничье, не будучи уже итальянской, но еще не став американской.

В этом враждебном мире единственной отдушиной для нее поначалу становятся такие же потерянные люди, как она сама. Те, с кем можно поговорить на родном языке, точнее, на одном диалекте. Когда в Катоне ее встречают земляки-калабрийцы, она чувствует себя почти в безопасности. Рядом с ними чувство утраченной родины притупляется.

Но Умбертина – женщина с характером, упрямая и сильная. Она не сдается. Благодаря своей настойчивости она находит хорошее место, чтобы растить детей, и тоска постепенно отступает. Она начинает забывать Италию, страну, где она была несчастна, и все больше впитывает американскую жизнь. Умбертина заставляет детей учить английский и мечтает, чтобы они стали как все – американцами. При этом вся ее жизнь держится на старых, понятных ценностях: семья, семейное дело, брак как долг, и стол, ломящийся от еды, как символ достатка.

И все же, в самом конце, когда, казалось бы, все получилось, ее настигает одиночество. Горькая мысль: “She had won, but who could she tell the story to?” [1, p. 145] («Она победила, но кому она могла рассказать эту историю?»). И правда – некому. Мужа нет, внуки с ней даже поговорить не могут, языка ее не знают, а дети уже совсем другие, их поглотила Америка, и они отдаляются. Вот она, трагедия первого поколения, которому пришлось молча пройти через ад, но так и не получилось передать свою историю дальше.

Трагедия Умбертины – это, по сути, провал ризоматической связи. Она создала прочный материальный фундамент для семьи, но не смогла передать следующим поколениям свой нарратив. Ее опыт остается «корнем», который не дает новых побегов, пока его не начинают раскапывать внуки. Роман Х. Баролини, таким образом, – это художественная реконструкция утраченной связи, попытка превратить «древовидный» разрыв поколений в «ризоматическую» сеть воспоминаний

У Х. Баролини Умбертина, Маргарита, Тина постоянно пересекают границы – географические (Италия-Америка), классовые (из крестьян в средний класс), психологические. Их идентичность – это «ризом», которая разрастается вширь, пуская корни то в калабрийской деревне, то в итало-американском ресторане. Их «я» не привязано к одному «корню».

Эми Тан (родилась в 1952) – американская писательница китайского происхождения, принадлежащая, как и Х. Баролини, ко второму поколению иммигрантов, однако ее опыт – это опыт человека, рожденного и выросшего в США, для которого Китай является не столько физической реальностью, сколько пространством воображения, памяти и семейных мифов. Роман строится вокруг сложных отношений Оливии Лагуни (урожденной Йи) и ее сводной сестры Кван Ли, приехавшей из Китая, которая утверждает, что

обладает «глазами Йинь» – способностью видеть мир призраков и помнить свои прошлые жизни. Центральный сюжетный конфликт разворачивается не столько между двумя культурами, сколько между двумя способами познания мира и конструирования идентичности: рациональным, «американским» скептицизмом Оливии и мистическим, «китайским» знанием Кван. Именно в пространстве этого конфликта и происходит становление женской субъективности, примиряющей в себе обе традиции.

В отличие от сюжета добровольного переселения и постепенной ассимиляции в «Умбертине», «Сто тайных чувств» Эми Тан предлагает принципиально иную траекторию номадизма. Если Умбертина движется центробежно – из Италии в Америку, осваивая и присваивая новое пространство, – то Кван Ли прибывает в Америку уже готовым носителем «центростремительного» знания. Ее номадизм – это движение вспять, к истокам, которое она осуществляет не столько физически, сколько через мистическое переживание памяти о прошлых жизнях. Ее субъективность не конструируется в Америке, а лишь проявляется в ней, вступая в драматический конфликт с американским рационализмом ее сестры Оливии.

Композиция романа, как и в «Умбертине», центрирована вокруг женских фигур, но ее «поколенческий» принцип носит не линейно-исторический, а трансцендентный характер. Связь между Кван и Оливией выходит за пределы одной жизни: Кван утверждает, что они были связаны в прошлом воплощении как миссионерка мисс Баннер и ее верная служанка Нунуму, и ее миссия в этой жизни – напомнить об этой связи Оливии, вернуть ей память и тем самым восстановить целостность их общего «я». Эта структура реализует модель «ризоматической» субъективности по Р. Брайдотти в ее наиболее радикальной форме: личность принципиально множественна, не ограничена ни временем, ни пространством, ни даже телом, а представляет собой открытую «сборку» из опыта разных жизней, культур и сознаний.

Роль автобиографизма в романе также принципиально иная, нежели у Х. Баролини. Эми Тан, как и Х. Баролини, принадлежит ко второму поколению иммигрантов, но ее задача – не реконструировать утраченную семейную память, а легитимировать иной тип знания. Вводя фигуру рассказчицы, которая из скептика постепенно превращается в адепта «тайных чувств», Эми Тан создает повествование, в котором мистицизм становится не художественным приемом, а формой утверждения подлинности китайского мистического опыта, противостоящего западному рационализму. Автобиографический элемент (история семьи, конфликт с матерью, сложные отношения со сводной сестрой) становится своего рода мостом, позволяющим читателю вместе с Оливией пройти путь от неверия к принятию множественности реальности и собственной идентичности.

Магистральные темы романа – поиск идентичности, связь поколений, травма и исцеление – реализуются через центральную метафору «ста тайных чувств». Это понятие, которое Кван определяет как «память, зрение, слух,

ощущение, все вместе, и тогда ты узнаешь правду в твоём сердце» [2, с.50]. «Сто тайных чувств» – это язык, на котором говорят призраки прошлого, это способ коммуникации, преодолевающий ограниченность слов. В этом смысле роман Эми Тан представляет собой радикальный художественный эксперимент: писательница пытается создать нарратив, основанный не на «древовидном логосе», а на «ризоматическом» сплетении ощущений, воспоминаний и интуиций. Финал романа, в котором Оливия обретает способность слышать голос своей умершей дочери в лепете собственного ребенка, символизирует полное принятие этой новой, становящейся и открытой модели субъективности. Возвращаясь к идеям Р. Брайдотти, важно сказать, что автор рецензии приводит важнейшую цитату о том, что в классической парадигме «инаковость определяется как негативный, зеркальный противовес субъективности. Постольку, поскольку различие свидетельствует о неполноценности, оно влечет драматические следствия» [3, с.177].

У Х. Баролини «Инаковость» Умбертины проявляется через итальянское произношение, крестьянские привычки, сам статус «WOP» (WithOut Papers) и воспринимается принимающим американским обществом как маркер неполноценности, который ей приходится преодолевать.

Оба романа являются своего рода манифестом против наделения «инаковости» негативным статусом. Через восстановление поколенческих связей писательницы «перекодируют» различие из источника слабости и изгнания в источник силы и уникальной идентичности. Типологическое сходство двух романов состоит в том, что центральную роль занимают женские фигуры, хранящие память рода (бабушка у Х. Баролини, старшая сестра у Эми Тан), и в изображении женского опыта как череды преодолений патриархального насилия.

Итак, в романах обнаруживается два типа номадизма. У Х. Баролини это номадизм центробежный, движимый внутренним импульсом: Умбертина сама решает эмигрировать, активно строя новую идентичность в процессе освоения нового пространства. Это номадизм-освоение, где множество «корней» (Италия, Америка) образуют не травму, а сложную, но жизнеспособную ризому. У Эми Тан мы наблюдаем более сложную модель: центростремительный номадизм Кван, которая приносит память о Китае в Америку и утверждает ее как единственную подлинную реальность, сталкивается с изначальным скепсисом Оливии, рожденной в США. Конфликт этих двух типов номадизма порождает третье, синтетическое состояние, которое обретает Оливия в финале. Ее принятие «ста тайных чувств» – это не отказ от американской рациональности в пользу китайского мистицизма, а именно ризоматический синтез: она учится жить в мире, где обе системы координат – и западная, и восточная – признаются равноценными. Именно это позволяет также понять, почему одна и та же трехпоколенческая структура нуждается в разном жанровом оформлении. Для «собираения» центробежного субъекта Х. Баролини подходит художественный вымысел, моделирующий утраченную семейную память. Для изображения ризоматического синтеза Эми Тан

избирает мистицизм, как единственно возможный способ передать опыт субъекта, чья идентичность укоренена одновременно в нескольких реальностях.

Таким образом, компаративный анализ, проведенный сквозь призму номадологии Р. Брайдотти, позволяет увидеть, что при всем различии культурно-исторического материала (добровольная трансатлантическая миграция и напряженный диалог с китайским наследием внутри американской культуры) оба романа утверждают принципиально новую модель женской субъективности. Это модель, в которой «я» не равно самому себе, не завершено, а находится в процессе постоянного становления через связь с «другим», будь то бабушка, сестра или собственное прошлое воплощение. Эта становящаяся, поколенческая субъективность и есть, на наш взгляд, главный художественный и философский ответ женского иммигрантского нарратива на вызовы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barolini, H. Umbertina*. – URL: <https://archive.org/details/umbertina0000baro/page/110/mode/2up> (date of access: 04.03.2026).
2. *Тан, Э. Сто тайных чувств*. – URL: https://royallib.com/read/tan_emi/sto_taynih_chuvstv.html#0 (дата обращения: 12.03.2026).
3. *Пеннер, Р. В.* Рецензия на книгу Розы Брайдотти «Постчеловек». – *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-knigu-rozi-braydotti-postchelovek/viewer> (дата обращения: 22.03.2026).
4. *Braidotti, R. The Posthuman*. – URL: <https://archi-ve.org/details/posthuman-0000brai/page/n5/mode/2up> (date of access : 04.04.2026).
5. *Готу, Чжуан*. Китайская эмиграция: вековая история / Чжуан Готу // Интернет-журнале «Курьер ЮНЕСКО». – URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/kitayskaya-emigraciya-vekovaya-istoriya> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Иммиграция китайцев в США // Информационный портал о Китае «Современный Китай». – URL: <http://www.chinamodern.ru/?p=23725> (дата обращения: 10.03.2026).
7. *Pew Research Center. Facts about Chinese in the U.S.* – URL: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/fact-sheet/asian-americans-chinese-in-the-u-s/#fn-5867-1> (date of access: 10.03.2026).
8. *Bona, M. J. Claiming a Tradition: Italian American Women Writers*. Carbondale: Southern Illinois University Press. – URL: <https://archive.org/details/claimingtraditio0000bona/page/130/mode/2up>. (date of access: 04.03.2026).

Поступила в редакцию 16.02.2026

УДК 821.111-311 «18»:82.02:316.346.2(045)

Яцкевич Елизавета Александровна

магистрант

Белорусский государственный университет
иностранных языков

г. Минск, Беларусь

Elizaveta Yatskevich

MA Student

Belarusian State University
of Foreign Languages

Minsk, Belarus

j.lizaveta2003@gmail.com

Кудрявцева Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы

Белорусский государственный университет
иностранных языков

г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva

PhD in Philology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department

of Belarusian Philology and World Literature

Belarusian State University

of Foreign Languages

Minsk, Belarus

irina.kudriavtseva@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РОМАНАХ ЭНН БРОНТЕ «АГНЕС ГРЕЙ» И «НЕЗНАКОМКА ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ-ХОЛЛА»

В статье рассмотрены особенности художественного воплощения гендерной проблематики в романах Энн Бронте «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». В результате проведенного анализа системы образов, сюжетной структуры и художественных конфликтов было выявлено, что в центре внимания писательницы находится женский опыт в условиях викторианского общества с его патриархальными установками, гендерными ролями и стереотипами. В обоих произведениях основное внимание уделяется внутреннему миру героинь, их борьбе за личную, юридическую и экономическую независимость.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *гендер; гендерное неравенство; литература викторианской Англии; образ гувернантки; Энн Бронте.*

REPRESENTATION OF GENDER ISSUES IN THE NOVELS AGNES GREY AND THE TENANT OF WILDFELL HALL BY ANNE BRONTË

The article examines the specificity of the literary representation of gender issues in Anne Brontë's novels *Agnes Grey* and *The Tenant of Wildfell Hall*. Through the analysis of the system of characters, plot structure and conflicts, it has been revealed that the writer focuses on women's experience within the framework of Victorian society, with its patriarchal attitudes, gender roles and stereotypes. In both works, special attention is given to the inner world of the heroines, their struggle for personal, legal and economic independence.

Key words: *gender; gender inequality; Victorian literature; the image of the governesses; Anne Brontë.*

На рубеже XX–XXI вв. происходит обострение интереса к антропоцентрическому литературоведению: «К представителям самых разных гуманитарных наук приходит осознание того, что философская категория “чело-

век” так и останется абстрактной категорией, если не конкретизировать ее сущность подкатегориями “взрослый”, “ребенок”, “юноша”, “девушка”, “мужчина”, “женщина”, “старик”, “старуха” и т. д.» [1, с. 38]. Выход англоязычного термина *gender* за рамки грамматической категории связывают с предложением сотрудника Калифорнийского университета Р. Столлера на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме в 1963 г. использовать этот термин для обозначения «пола в социальном контексте». Р. Столлер «строил свою концепцию на разграничении биологического и культурного в человеке, где понятие “пол” относится к биологии (хромосомы, гормоны, генетика, нервная система), а “гендер” – к культуре (этика, педагогика, психология, языкознание, литература и т.д.)» [2, с. 8]. На последующее развитие понятия *гендер* в гуманитарных науках значительно повлияло распространение феминистского движения и появление феминистской литературной критики, представители которых активно использовали его для того, чтобы показать неравнозначное отношение общества к культурным и психологическим аспектам категории «женского» в сравнении с «мужским». При этом термин *гендер* поначалу соотносился только со специфически женским опытом и употреблялся «при выделении всего того, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин» [2, с. 9]. Однако начиная с конца XX в. гендерный подход в научных исследованиях перестает отождествляться исключительно с феминизмом и предусматривает уже «параллельное изучение “мужских” и “женских сущностей”, а также всех мыслимых форм их взаимодействия и сосуществования в различных культурах и обществах» [1, с. 38]. В теоретическую базу гендерных исследований в литературоведении входят понятия *гендерные роли*, *гендерные стереотипы*, *гендерные установки*, которые отражают культурный, исторический, социальный контекст эпохи создания художественного произведения. Под гендерными ролями понимается «набор ожидаемых образцов поведения (или норм) для мужчин и женщин», а под гендерными стереотипами – «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [3].

Целью данной статьи является выявление гендерной проблематики и художественных средств ее осмысления в английской литературе XIX века на примере романов Энн Бронте «Агнес Грей» (*Agnes Grey*, 1847) и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» (*The Tenant of Wildfell Hall*, 1848).

Писательница жила в викторианскую эпоху, когда была популярной теория «раздельных сфер» (*divided spheres*), в соответствии с которой «женщина была привязана к дому и семье, тогда как мужская роль формировалась в сфере общественно полезного труда и политики» [4, с. 165]. При этом в викторианскую эпоху под «женской миссией» понималось не просто ведение домашнего хозяйства, но и «забота о нравственном здоровье муж-

чин, сталкивающихся с жестокостями реального мира и всеми силами стремящихся защитить от этих жестокостей, отдаленных от суматохи мира жен и детей» [5, с. 90].

В романе «Агнес Грей» главная героиня Агнес, которая из-за ухудшившегося финансового положения семьи вынуждена пойти работать гувернанткой сначала в семье Блумфилд, а затем Мэррей, проходит через столкновение с внешним миром, где гендерные стереотипы влияют на любую сферу деятельности женщин. Она терпит неуважение и пренебрежение со стороны слуг, воспитанников и их родителей. Пройдя через испытания, Агнес приходит к осознанию своей внутренней свободы и достигает финансовой независимости: она с матерью открывают собственную школу, в которой Агнес работает учительницей. Кроме того, она принимает решение выйти замуж за викария мистера Уэстона.

Гендерная проблематика в данном романе связана, прежде всего, с маргинальным положением гувернантки в викторианском обществе. В основном гувернантками были девушки или женщины из семей офицеров, священников, купцов или конторских служащих, которые вынуждены были идти работать, чтобы поправить сложное финансовое положение семьи, которое могло быть вызвано и серьезными долгами, и смертью отца. Многие исследователи считают, что должность гувернантки была одним из немногих возможных и подходящих вариантов для женщины в викторианской Англии, потому что несмотря на то, что она работала в чужом доме, она выполняла обязанности, которые традиционно считались женскими: занималась обучением и воспитанием детей [6, р. 10]. В то же время эта работа не вписывалась в теорию «раздельных сфер», так гувернантка, как и мужчина, получала деньги за свою работу и часто была основным лицом, которое обеспечивало свою семью, а как женщина она выполняла свои обязанности в домашней обстановке. Как пишет Ф. Шварцбах: «At a time when a gentleman was defined as a person of no fixed occupation, and when no respectable middle-class woman was ever employed outside the home, the position of the governess was, in class and social terms, a virtual oxymoron, almost an impossibility» [7, р. 20]. Начиная с 1830-х годов положение гувернанток в викторианском обществе значительно меняется, что было связано с увеличением благосостояния представители среднего класса, которые теперь также могли позволить себе нанять гувернантку и таким образом продемонстрировать свой вес в обществе: «Although the governess was often behind the scenes and not as conspicuous as other items of genteel equipage, here were ways in which the family could indicate her presence in the home and display her as a symbol of economic power, breeding, and station. Drawing room conversations about the governess served to bring her into public “view.” If she was foreign, her exotic history might be discussed. Even complaining about a governess was a way of “showing her off”» [6, р. 9].

Гувернантки имели право заниматься начальным обучением мальчиков, но в основном обеспечивали обучение девочек, которые в XIX веке почти всегда получали образование дома. К. Хьюз отмечает, что «whereas a boy

needed to be hardened against the corruption he would encounter in the outside world by being sent to public school, his sister was a delicate flower best cultivated in a devout home environment» [8, p. 20]. При этом главной задачей гувернанток являлось предоставление воспитанницам тех знаний, которые делают их привлекательной партией для потенциальных женихов: «Victorian parents sought a woman who could teach their daughters the genteel accomplishments which were the aims of female education» [6, p. 9]. Особенно важными учебными предметами являлись пение, рисование, музыка, чтение, письмо, простая арифметика, иностранные языки и рукоделие. Для нанимателей при выборе гувернантки значимыми являлись также ее черты характера, воспитание и манеры, т. к. гувернантки должны были следить за поведением воспитанников, быть моральным наставником и сочувствующим старшим другом.

Маргинальность положения гувернантки проявлялась и в том, что будучи наемным работником, она не могла иметь одинаковый социальный статус со своими нанимателями, но из-за своего происхождения и образования продолжала относиться к более высокому социальному классу, чем остальные слуги. Отношение хозяев к гувернантке отличалось большой вариативностью от семьи к семье и изо дня в день в пределах одной семьи: например, в один день хозяйка дома могла пригласить ее принять участие в каком-нибудь семейном или общественном мероприятии, а в другой – приказывать ей сидеть в своей комнате. М. Ж. Петерсон отмечает: «Some families <...> included the governess in their circle when they entertained. Others required that she eat with the children unless it served their convenience to have her present at the dinner table» [6, p. 16]. Поведение детей, как правило, отражало отношение их родителей к гувернанткам: они могли проявлять уважение и чувство привязанности, но довольно часто также проявляли непослушание, снобизм, а иногда и физическую жестокость.

Стоит отметить, что в викторианскую эпоху создавались инструкции о том, как должна себя вести идеальная гувернантка и каково ее место в домашней иерархии. Подразумевалось, что гувернантка должна была быть незаметной и ненавязчивой как по отношению к хозяевам, так и по отношению к гостям. Как пишет Н. Гилберт: «Even more to the point is a manual from 1882 in which the author pronounces the ideal governess to be one who “recognizes her exact place in the home circle, and keeps it”» [9, p. 463]. Важной частью этих инструкций являлись правила о том, как хозяйка должна себя вести, чтобы предотвратить полное влияние гувернантки на воспитание и развитие ее ребенка; она также имела право неожиданно посетить занятие, чтобы убедиться, что гувернантка выполняет свою работу в соответствии с ее указаниями.

Стремление сохранить работу зачастую приводило к тому, что гувернантке приходилось подавлять свои истинные эмоции и чувства по отношению к воспитанникам и их родителям. Один из примеров этого в романе

представлен в эпизоде, когда Агнес хочет защитить себя и высказать миссис Блумфилд свое недовольство по поводу неуправляемого поведения ее детей, но принимает решение молчать и терпеть несправедливые намеки о ее неэффективных методах воспитания, т. к. предполагалось, что если воспитанник имеет низкую успеваемость или делает ошибки, то это в первую очередь вина и ответственность гувернантки, а не ребенка: «I knew this was all pointed at me; and these, and all similar innuendos affected me far more deeply than any open accusations would have done; <...> I judged it my wisest plan to subdue every resentful impulse, suppress every sensitive shrinking, and go on perseveringly doing my best; for, irksome as my situation was, I earnestly wished to retain it» [10, p. 27]. Таким образом, Э. Бронте отражает жесткую классовую иерархию в викторианском обществе и маргинальное положение в нем гувернанток, которые были образованны, но зависимы в чужом доме, должны были подчиняться строгим требованиям и воспитывать детей в соответствии с разделением гендерных ролей в обществе, даже если это противоречило их собственным принципам, подавлять несогласие с действиями хозяев или учеников.

Используемые автором средства художественной выразительности и изобразительности призваны подчеркнуть переживания Агнес, ее внутренний конфликт. Так, на фоне напряженных отношений Агнес с ее воспитанницами Розали и Матильдой Мюррей и постоянных наставлений со стороны миссис Мюррей, единственной радостью для Агнес является общение с викарием мистером Уэстоном, интеллигентным молодым человеком, интересным собеседником: «Already, I seemed to feel my intellect deteriorating, my heart petrifying, my soul contracting; and I trembled lest my very moral perceptions should become deadened, my distinctions of right and wrong confounded, and all my better faculties be sunk, at last, beneath the baneful influence of such a mode of life. The gross vapours of earth were gathering around me, and closing in upon my inward heaven; and thus it was that Mr. Weston rose at length upon me, appearing like the morning star in my horizon, to save me from the fear of utter darkness; and I rejoiced that I now had a subject for contemplation that was above me, not beneath» [10, p. 77]. Синтаксический параллелизм и анафора создают здесь ритмический эффект и подчеркивают постепенное нарастание внутреннего конфликта героини, а градация (*deteriorating–petrifying–contracting*) отражает ее постепенное эмоциональное и духовное разрушение. Повтор союза *and* также создает эффект нарастающего отчаяния героини, как и эмоционально окрашенные эпитеты, а также гипербола во фразе *all my better faculties be sunk*. На этом фоне сравнение *like the morning star in my horizon* придает образу викария символическое значение спасителя и героя, который (с помощью антитезы в финале) противопоставляется всему остальному скучному и безнравственному обществу в Хортон–Лодж.

В романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте ставит вопрос о женской независимости с учетом превалирования в викторианском обществе определенных моделей поведения мужчин и женщин, в том числе в браке. Королева Виктория на протяжении всего своего правления уделяла особое внимание семейным ценностям, браку и воспитанию детей, в результате чего «в XIX в. в Англии установился культ семьи» [11, с. 258] и сформировалась концепция «женственной женщины», строящейся на сравнении и противопоставлении мужских и женских качеств, которыми должны были обладать настоящие леди и джентльмены. Считалось, что «феминность (т. е. такие женские черты, как пассивность, отзывчивость, мягкость, поглощенность материнством, заботливость, эмоциональность и т. п.) биологически обусловлена в такой же степени, как и мужские качества, к которым относились активность, инициативность, энергичность и т. д.» [5, с. 89]. Такие представления привели к существованию запретов и ограничений, которые влияли на возможности самореализации женщин. Дом «был их миром, поскольку они были полностью исключены из общественной жизни: им было запрещено посещать университеты, выбирать профессию и голосовать на любых выборах» [12, с. 142].

С одной стороны, замужество «освобождало от необходимости зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, т. к. муж должен был содержать свою жену» [11, с. 258], а с другой – лишало женщину права работать, что приводило к ее финансовой зависимости от мужа или отца. Приданое невесты, которое выплачивалось ее отцом будущему мужу, также ей не принадлежало, т. к. всеми финансовыми вопросами в семье занимался муж, и если отношения между супругами складывались неудачно, то женщина находилась в довольно уязвимом и опасном положении: «Замужняя жизнь для женщин считалась необходимой для поддержания респектабельного представления о себе в обществе. Однако зачастую женщины в браке сталкивались с унижениями, побоями и нищетой. Но, связав себя узами брака, снять их было уже не так легко» [12, с. 144]. Развод был неприемлемым явлением для общества того времени, а для женщины сам бракоразводный процесс являлся тяжелой задачей, потому что требовал больших финансовых средств и потому что закон был на стороне мужчины, особенно если дело касалось детей. «В случае расставания супругов дети оставались с отцом. Он был вправе запретить любые контакты между матерью и детьми» [11, с. 260].

В романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» молодая женщина Хелен Грэхем вместе с сыном селится в уединенном поместье, стараясь скрыть от местного общества свою истинную личность и причины переезда. По мере развития сюжета становится известно, что она убежала от мужа-тирана, страдающего от алкоголизма, чтобы спасти себя и ребенка от морального и физического насилия. В финале романа муж Хелен раскрывается в содеянном

и умирает, что освобождает ее от эмоциональной, юридической и финансовой зависимости. Впоследствии Хелен принимает предложение фермера Гилберта Маркхема выйти за него замуж.

Энн Бронте показывает личностный рост Хелен, которая из доверчивой девушки превращается в решительную и сильную женщину, которая не боится высказывать свое мнение о несправедливых установках, ролях и стереотипах, существовавших в викторианском обществе. Ее постепенная внутренняя трансформация проявляется в одной из сцен, когда Хелен замечает первые попытки мужа ограничивать и контролировать ее: «But Arthur <...> dislikes me to have any pleasure but in himself, any shadow of homage or kindness but such as he chooses to vouchsafe: he knows he is my sun, but when he chooses to withhold his light, he would have my sky to be all darkness <...>. This is unjust; and I am sometimes tempted to tease him accordingly; but I won't yield to the temptation: if he should carry his trifling with my feelings too far, I shall find some other means of checking him [13, p. 219]. В метафоре *he knows he is my sun* «sun» относится к Артуру, который считает себя единственным источником тепла и света в жизни жены, а выражение *my sky to be all darkness* передает зависимость Хелен от мужа; вместе они отражают иерархию в отношениях между супругами. Однако уже на этом этапе Хелен выражает намерение сопротивляться давлению мужа. Впоследствии в разговорах с Гилбертом она рассуждает о том, что воспитание девочек не должно концентрироваться на развитии лишь таких качеств, как хрупкость, беспомощность, заботливость, терпеливость (*to be tenderly and delicately nurtured, like a hot-house plant – taught to cling to others for direction and support*), а воспитание мальчиков – на развитии физической силы, агрессивности, грубости и импульсивности (*a boy should be taught to rush into the snares of life*) [13, p. 30]. Образ Хелен, решившейся убежать, забрав ребенка, от мужа, который ей открыто изменяет и злоупотребляет алкоголем, и зарабатывать себе на жизнь, рисуя картины, выражает идею протеста против зависимого и уничижительного положения женщин в викторианском браке. В отличие от романа «Агнес Грей», здесь автор делает акцент на детальном изображении межличностных конфликтов (ссор между Хелен и ее мужем), уходящих корнями в существование гендерных ролей и стереотипов, в то время как внутренние переживания Хелен связаны с необходимостью сделать сложный жизненный выбор, а впоследствии – скрываться.

Особое значение в данном романе имеют образы героев-мужчин, воплощающие разные модели мужских гендерных ролей. Артур Хантингтон, муж Хелен, показан как деспот и эгоист, который лишает жену финансовой и личной свободы, морально и физически издевается над ней. В свою очередь Гилберт Маркхем воплощает авторскую идею брака как союза равноправных партнеров, которые проявляют уважение и заботу друг к другу: «when I marry, I shall expect to find more pleasure in making my wife happy and comfortable, than in being made so by her: I would rather give than receive» [Там же, p. 54].

Композиционные особенности произведений также способствуют раскрытию их гендерной проблематики. Роман «Агнес Грей» имеет линейную композицию, где экспозиция, развязка, развитие действия, кульминация и развязка последовательно изображают путь духовного и личностного становления главной героини. Повествование ведется от первого лица (от лица Агнес), что создает эффект личной беседы и усиливает доверие между рассказчиком и читателем. Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» отличается более сложной композицией: основная часть повествования ведется от лица Гилберта Маркхема в виде писем, которые адресованы его другу. Она делится на две части, между которыми находится дневник Хелен Хаддингтон, содержащий историю ее брака и побега от мужа. Таким образом, композиция в романе имеет рамочную структуру, что позволяет читателям воспринимать ситуацию гендерного неравенства с обеих точек зрения – мужской и женской. Кроме того, такой способ повествования создает в романе полифонию голосов и отражает мысль писательницы о том, что мужчина и женщина в равной степени должны иметь право делиться собственным мнением и опытом.

Таким образом, рассмотренные романы представляют собой два взаимодополняющих подхода к художественному осмыслению гендерной проблематики, где Энн Бронте не только представляет женский голос как важный источник знаний о морали викторианской эпохи, но и в художественной форме раскрывает идеи гендерного неравенства, гендерных ролей и стереотипов. Создавая яркие женские образы, изображая конфликты разных типов, используя разнообразные композиционные решения и средства экспрессивности, писательница затрагивает актуальную для своего времени проблему женского равноправия, и хотя оба романа заканчиваются браком главной героини, происходит это уже тогда, когда она добилась своих целей и определенной независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манкиева, Э. Х. Гендер как литературоведческая проблема: методологический аспект / Э. Х. Манкиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики / отв. ред. Е. В. Рябцева. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 12. – Ч. 4. – С. 38–41.
2. Пушкарёва, Н. Л. Что такое «гендер»? / Н. Л. Пушкарёва // Гендерная теория и историческое знание : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 3–4 октября 2005 г. / Сыктывкарский гос. ун-т ; редкол. : А. А. Павлов, В. А. Семенов. – Сыктывкар, 2005. – С. 8–20.
3. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисова ; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские инновационные проекты». – М. : Информация XXI в., 2002 – 256 с. – URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 11.10.2025).

4. Серова, И. Г. Проблемы гендерной самоидентификации в дискурсе викторианской эпохи / И. Г. Серова // Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения : сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, фак. иностр. яз. ; отв. ред. И. А. Щирова. – СПб., 2012. – С. 161–169.
5. Зайцева, Е. С. Изменения в образе жизни английских аристократок в викторианскую эпоху / Е. С. Зайцева // Гендерные аспекты социогуманитарного знания – II : материалы Второй Всероссийской науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Пермь, 4–5 декабря 2012 г. / Пермский гос. нац. исследовательский ун-т ; редкол.: Д. Б. Вершинина (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 2013. – С. 89–95.
6. Peterson, M. J. The Victorian governess: status incongruence in family and society / M. J. Peterson // Victorian Studies. – 1970. – Vol. 1, No. 1. – P. 7–26.
7. Schwarzbach, F. Introduction / F. Schwarzbach // Agnes Grey / Ann Brontë. – New York : Barnes and Noble Classics, 2005. – P. 12–29.
8. Hughes, K. The Victorian governess / K. Hughes. – New York ; London : Hambledon and London, 2001. – 256 p.
9. Gilbert, N. A servitude of one's own: isolation, authorship, and the nineteenth-century British governess / N. Gilbert // Nineteenth – Century Literature. – 2015. – Vol. 69, No. 4. – P. 455–480.
10. Brontë, A. Agnes Grey / A. Brontë. – New York : Barnes and Noble Classics, 2005. – 263 p.
11. Гришакова, Л. В. Положение замужней женщины в Англии в викторианскую эпоху / Л. В. Гришакова, Н. М. Мячина // Югра, Сибирь, Россия : политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре, Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г. / Нижневартовский гос. ун-т ; редкол. : Я. Г. Солодкин (отв. ред.) [и др.]. – Нижневартовск, 2013. – С. 257–262.
12. Прима, А. М. Женщины викторианской эпохи / А. М. Прима, З. А. Штаченко // Наука и культура: поиски и открытия: материалы XVI междунар. науч.-практ. конф., Балашиха, 10 ноября 2022 г. / Российский гос. аграрный заочный ун-т ; ред. : А. Н. Мукина. – Балашиха, 2022. – С. 141–148.
13. Brontë, A. The Tenant of Wildfell Hall / A. Brontë. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1993. – 486 p.

Поступила в редакцию 20.10.2025

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК: [811.161.1+811.161.3]’42:39:[070+004.738.5](476)(045)

Лущинская Ольга Владимировна
доктор филологических наук, доцент,
проректор по научной работе
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Olga Luschinskaya
Habilitation Doctor of Philology,
Associate Professor,
Vice-Rector for Science
of Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
olgalu805@gmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЛОРУСОВ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ КОНВЕРГЕНТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ)

В статье исследуется специфика репрезентации этнокультурных характеристик белорусского народа в современном медийном дискурсе. Цель заключается в выявлении и анализе этнокультурных компонентов, передающих культуру и особенности белорусов, которые транслируются в конвергентных средствах массовой коммуникации. В качестве таких СМК использовались сетевое издание sb.by Издательского дома «Беларусь сегодня» и областное сетевое издание zarya.by Брестского региона. Установлено, что медийный дискурс отражает этнокультурные характеристики белорусского общества, основывающиеся на традиционных ценностях, национальных стереотипах, а также на культурно-ценностных ориентирах, диктуемых особенностями современного времени и общественного уклада жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *белорусы; этнокультурные характеристики; традиционные ценности; медийный дискурс; конвергентные средства массовой коммуникации; медиатекст; сетевое издание sb.by; областное сетевое издание zarya.by.*

ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE BELARUSIANS IN MEDIA DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF BELARUSIAN CONVERGENT MEDIA)

The article examines the specific representation of the ethnocultural characteristics of the Belarusian people in contemporary media discourse. The aim was to identify and analyze the ethnocultural components that convey the culture and characteristics of the Belarusians as they are reflected in convergent media. The content of the following media was examined: the networking edition sb.by of the “Belarus Today” Publishing House and the regional online edition zarya.by of the Brest region. It was revealed that media discourse reflects the ethnocultural characteristics of the Belarusian society, based on traditional values, national stereotypes, and cultural and value orientations dictated by the peculiarities of modern times and social lifestyles.

Key words: *Belarusians; ethnocultural characteristics; traditional values; media discourse; convergent media; media text; networking edition sb.by; regional online edition zarya.by.*

Медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, в котором пересекаются разные типы дискурсов, отражающие события, процессы, идеи, знания, культурные реалии и др. как отдельного общества, так и мира в целом. Данные типы дискурсов адаптируются в нем согласно правилам его функционирования и репрезентируются посредством языка СМИ и экстралингвистических параметров.

Обычно, когда речь идет о медийном дискурсе, имеются в виду такие его каналы передачи информации, как печатные СМИ, радио и телевидение. Но сегодня, с учетом появления и развития новых информационных технологий, в рамках онлайн-журналистики выделяется еще один тип медийного дискурса – дискурс *конвергентных средств массовой коммуникации* (далее – дискурс КСМК), объединяющий в себе одновременно разные каналы и способы трансляции информации, использующий новые жанры и форматы медиатекстов.

Конвергентные СМК имеют много преимуществ по сравнению с традиционными СМИ, основными из которых выступают: скорость передачи сообщений, интерактивность, новый подход к подаче информации и др. Дискурс КСМК обладает рядом свойств, отличающих его от других институциональных типов: виртуальность, доступность, мультимедийность, двусторонняя коммуникация в реальном режиме времени, гипертекстуальность и нелинейность. Наличие данных свойств позволяет более точно, всесторонне, полно, доступно и своевременно передавать информацию аудиториям.

Цель настоящей статьи – выявление и анализ этнокультурных характеристик белорусов в конвергентных СМК, как национальных, так и областных. Полагаем, что именно данные медиа позволяют получить более точную и полную картину о культурных ценностях белорусов, реконструировать медиаобраз современного белоруса через информацию, отраженную в медиатекстах разных жанров, в том числе и посредством выявления соответствующих жанровых и стилистических средств.

Подчеркнем, что сегодня средства массовой коммуникации становятся не просто зеркалом, отражающим социальные процессы, но и активным актором, формирующим ценностные ориентиры. Для Республики Беларусь вопросы сохранения и трансляции национальной идентичности имеют особую значимость. Медийный дискурс в конвергентных СМИ превращается в поле, где конструируются, транслируются и переосмысливаются этнокультурные характеристики нации.

Понятие «этнокультурные характеристики» включает в себя совокупность устойчивых черт, присущих этносу: язык, традиции, ценности, стереотипы поведения, историческая память, самоидентификация. Как пишет Е.К. Рева, «этнокультура – неотъемлемая часть жизни этноса, обуславливающая его философию и ментальные особенности. СМИ, отражающие

специфику традиционной культуры народов, являются инструментом распространения знаний об их истории и культуре, ресурсом фиксации и хранения информации об этнокультурном многообразии нашей страны» [1].

Для изучения репрезентации этнокультурного компонента мы выбрали ведущие белорусские конвергентные СМК – сетевое издание sb.by Издательского дома «Беларусь сегодня», представляющее национальное СМК, и областное сетевое издание zarya.by Брестской области. Исследованию подверглись материалы указанных изданий за период февраль–март 2026 г., которые рассматривались в синхронии. Мы выбрали именно этот временной промежуток, так как в двух изданиях публикуется ежедневно огромное количество материалов, достаточных для проведения исследования.

Отметим, что основная цель сетевого издания sb.by – информирование аудитории, в первую очередь, белорусских пользователей о новостных событиях, происходящих в нашей стране и в мире в целом. Это современный ресурс, содержащий информационный, аудиовизуальный и интерактивный контент и предоставляющий каждому пользователю возможность найти информацию по своим интересам. В то же время подчеркнем, что контент данного издания, распределенный по рубрикам, отражает культурную специфику белорусского общества и позволяет выявить или реконструировать характеристики белорусов как самостоятельного этноса.

Сетевое издание Брестской области zarya.by, учредителем и редакцией которого выступает коммунальное унитарное информационное предприятие «Редакция Брестской областной газеты “Заря”», публикует самые последние новости Бреста и Брестской области, которые обновляются каждый час. Поскольку данное издание является региональным (областным), то полагаем, что в его содержании много внимания уделяется именно культурным особенностям Брестского региона, что, в свою очередь, способствует реконструкции этнокультурных характеристик белорусов более полно и точно.

Таким образом, в качестве эмпирического материала мы выбрали национальные и региональные медиа, чтобы определить, *как и какой* этнокультурный компонент отражается в них.

Рассмотрим медиатексты сетевого издания sb.by и сфокусируем внимание на рубрике «Общество». Анализ медиатекстов данной рубрики позволил выявить, что в содержании публикаций прослеживается тема **гастрономическая культура белорусов**. Так, из материала «*Определена гастрономическая традиция Беларуси, которая может пополнить списки культурного наследия ЮНЕСКО*» (04.03.2026) читатель (как белорусская аудитория, так и любая иная, владеющая русским/белорусским языком) узнает о том, что традицию приготовления блюд из тертого картофеля в Беларуси предлагается внести в списки культурного наследия ЮНЕСКО как историко-культурную ценность. Данное сообщение представлено в жанре краткой информационной заметки. Для передачи информации и сообщения о гастрономической специфике белорусов автор использует следующие словосочетания: *традиции*

приготовления блюд из тертого картофеля, народные рецепты блюд из тертого картофеля, драники, картофельные блины, бабка, гастрономический бренд Беларуси, историко-культурные ценности Беларуси.

Следующая тема, которая освещается в издании, **материальные историко-культурные ценности**. В частности, в публикации *«В Беларуси утвердили проекты зон охраны семи памятников архитектуры в Сморгонском районе»* (04.03.2026) сообщается о памятниках архитектуры на территории Сморгонского района, которые включены в зоны охраны. Из материала читатель узнает об этих культурных памятниках, а дополнительно получает информацию о том, что *в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь по Сморгонскому району включено 39 объектов: 22 памятника архитектуры, 13 – археологии, 3 памятника истории и 1 объект нематериального культурного наследия*. Приведенная статистика позволяет аудитории судить о масштабах историко-культурных ценностей на территории Беларуси. Отметим, что жанр публикации – краткая информационная заметка.

В Беларуси существует традиция каждый новый год посвящать определенной социальной, культурной или экономической теме. Эта традиция зародилась еще в начале 2000-х годов по инициативе президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Она направлена на консолидацию общества, привлечение внимания к важным вопросам развития, традициям и общественным ценностям. В этой связи 2026 год был определен *Годом белорусской женщины*. В сетевом издании мы выявили тему, которую можно обозначить как **современные культурные традиции белорусов**. Об этом свидетельствует материал *«О столице в женских лицах. Выставка “Минск и минчанки” разрушает стереотипы о творцах истории»* (от 03.03.2026). В публикации сообщается о выставке в Минске, посвященной выдающимся женщинам в истории становления столицы Беларуси. Подчеркнем, что Году белорусской женщины в издании уделяется много внимания. Назовем некоторые публикации на данную тему: *«В Минске прошла конференция о вкладе женщин в развитие города»* (03.03.2026); *«От тематических форумов до создания школ лидерства – какие мероприятия проведет ФПБ в Год белорусской женщины»* (03.03.2026) и др. Отметим, что данные материалы представлены в жанре информационных сообщений или новостных заметок, основная цель которых передать фактическую информацию, не прибегая к использованию разнообразных стилистических средств.

Тема **национальные и народные праздники** широко освещается в издании. В преддверии национального праздника 8 Марта публикуется ряд материалов, посвященных данной теме: *«Для женщин и о женщинах: мероприятие от имени супруги главы МИД Беларуси прошло в Минске в преддверии 8 Марта»* (03.03.2026); *«В Ботаническом саду накануне 8 Марта откроется*

выставка весеннецветущих растений “Дыхание Весны”» (03.03.2026); «Фотовыставка, флешмоб и более 300 тюльпанов: как сотрудники МЧС в Витебске поздравят женщин с 8 Марта» (от 03.03.2026) и др.

Народный праздник Масленица – это древний славянский праздник проводов зимы и встречи весны. Он сочетает в себе языческие традиции, например, сжигание чучела, гулянья, горячие блины как символ солнца; катания на санях; игры и Прощеное воскресенье. В Беларуси этот народный праздник также отмечается, и его освещению в сетевом издании отводится отдельное место. Остановимся на медиатексте «*Гулять так гулять: в Гродно ярко провожают зиму масштабными масленичными гуляниями*» (22.02.2026). Данный материал представлен в жанре фоторепортажа с включением текстовой информации для комментария отдельных сюжетных фото в количестве 30 штук. Именно визуальный компонент публикации позволяет читателям «прочувствовать» всю атмосферу события, для передачи которой автором используются следующие слова и словосочетания, связанные с данной традицией и отражающие ее специфику: *персонажи Масленицы – медведи, козы, петухи и другие сказочные герои, традиционные атрибуты праздника проводов зимы – куклы, соломенные чучела, импровизированное солнце, блины, весенние цветы, мачанка с мясом*. Кроме этого материала, в издании теме Масленицы посвящено достаточно много сообщений о том, как праздник отмечали в разных регионах Беларуси, в частности, публикация «*Песни, танцы, сжигание чучела и бой подушками: как в Фаниполе провожали зиму*» (26.02.2026) или новостная заметка в несколько строк «*В Барановичах во время празднования Масленицы испекли рекордный трехметровый блин*» (22.02.2026) и ряд других.

Еще один праздник, который отмечается в Беларуси, – День родного языка. В анализируемый временной период издание опубликовало ряд материалов, посвященных этому событию. Как мы указывали ранее, медиатексты не только отражают культуру любого этноса, но также в определенной степени влияют на ее формирование у читателей, оказывают воздействие на аудиторию. Так, в публикации «*Эксперты – о том, как развивается родной язык и какое место занимает в жизни современного человека*» (21.02.2026) автор пишет, что день родного языка – это «*свята, якое нагадвае нам, беларусам, як важна захоўваць і развіваць свой нацыянальны набытак. Гэта асаблівы дзень, прысвечаны прыгажосці і каштоўнасці слова. Пісьменнікі сцвярджаюць: хто пачуў беларускую мову, не забудзе яе ніколі і ні з якой другой не зблытае, бо яна мілагучная, спеўная, нібы чыстая крыніца*». Посредством данной информации, использования местоимения «нам» и уточнения «беларусам» журналист подчеркивает важность родного языка для каждого белоруса как «нацыянальнага набытка».

Отметим также, что накануне 23 февраля и непосредственно в этот день появляются сообщения, посвященные празднику. Так, в сетевом издании было опубликовано поздравление Президента Республики Беларусь А.Г. Лука-

шенко: *«Лукашенко поздравил соотечественников с Днем защитников Отечества и Вооруженных Сил»*. Кроме того, в издании освещались разные события или мероприятия, связанные с празднованием 23 февраля по всей стране. Например, материал *«В Брестской крепости состоялась церемония возложения цветов по случаю Дня защитников Отечества и ВС»* (23.02.2026) представляет собой фоторепортаж с вкраплениями цитат участников освещаемого мероприятия. Акцент сделан именно на визуальный компонент и информацию из первых рук. Материал *«Память защитников Отечества почтили в Могилеве: сотни горожан возложили цветы на площади Славы»* (23.02.2026) представляет собой информационную заметку с включением ряда сюжетных фотографий, передающих атмосферу праздника.

Как уже отмечалось ранее, медийный дискурс отражает **культурные и нравственные ценности** любого общества. В сетевом издании данная тема также представлена в медиатекстах. Приведем пример материала под названием *«Фундамент будущего: как “Азбука нравственности” закладывает основы патриотизма у младших школьников»* (03.03.2026), в котором автор уделяет внимание такой важной и актуальной сегодня ценности, как **патриотизм**. Ключевыми словами и словосочетаниями, связанными с тематикой информационного сообщения, выступают следующие: *этические основы, базовые гражданско-патриотические знания, государственные символы, миролюбивый менталитет белорусского народа, государственный гимн, герб и флаг страны, национальный культурный код страны, патриотические ценности, национальные песни, героическое прошлое Беларуси, подвиги белорусских школьников в годы Великой Отечественной войны*.

Тема воспитания патриотизма затрагивается в материалах под названиями *«ДНК белоруски, воспитание патриотизма: роль идеологии в развитии Гродненской области обсудили на коллегии»* (25.02.2026), *«Наливайко на встрече с учащимися колледжа в Могилеве: патриотизм — фундамент национальной безопасности»* (19.02.2026) и др.

Любовь к малой родине — одна из фундаментальных белорусских культурных ценностей, которая проявляется в глубокой привязанности к месту рождения, к родному дому, местным традициям, людям. Именно она формирует основу патриотизма, воспитывает уважение к истории и культуре, побуждает граждан вносить личный вклад в процветание страны через добрые дела. Этой теме также отводится особое место в сетевом издании sb.by. Назовем публикацию *«Анатолий и Вера Полуян из деревни Некрашевичи Кореличского района связаны с малой родиной с ранних лет»* (03.03.2026), в которой автор на примере одной белорусской семьи раскрывает смысл и значение данной ценности. Публикация представляет собой жанр тематической статьи, в которой кратко передается история жизни героев, их отношение к родине, работе, семейным ценностям. Автор приводит

цитату героини материала Веры Александровны для демонстрации любви к малой родине: *Паколькі самі нарадзіліся, жылі і працавалі ў сваёй вёсцы, на роднай зямлі, то і дзяцей вучылі любіць і шанаваць сваю малую радзіму.*

Тема **сохранения исторической памяти** прослеживается во многих медиатекстах издания: *“История нам не простит, если мы потеряем свою Победу”*. Бузин – о важности сохранения исторической памяти» (27.02.2026); *«Профсоюзная молодежь Беларуси представила проекты по сохранению исторической памяти на международном форуме»* (27.02.2026); *«Почему память о Великой Отечественной войне занимает особое место в истории Беларуси и России, пояснил эксперт»* (25.02.2026) и др.

В процессе анализа медиатекстов рубрики «Общество» было выявлено наличие публикаций, посвященных семьям, в том числе и многодетным, их семейным традициям, жизненному укладу. В центре внимания – как молодые семьи, так и истории семейных пар, которые прожили вместе долгое время. Посредством таких публикаций транслируется одна из важных ценностей белорусского общества – **семья**, основанная на традициях, любви и взаимоуважении. Наше государство активно поддерживает семейные ценности, рассматривая крепкую семью как залог демографической стабильности и основу национальной безопасности. Именно в семье, как ключевом институте социализации, формируются моральные, этические устои и уважение к культуре. Примерами таких публикаций являются следующие: *«Побывали в гостях у мамы пятерых детей Татьяны Клейменовой из Могилева»* (21.02.2026), *«В большой семье Слепчуков не делят работу на мужскую и женскую и растут заботливых патриотов своего края»* (22.02.2026). Отметим, что в таких сообщениях авторы используют большое количество фотографий для лучшего восприятия информации; большое количество цитат, чтобы читатель «услышал» информацию от самих членов описываемой семьи. В содержании медиатекстов журналисты приводят много фактов, историй из жизни героев. Полагаем, что такие подходы имплицитно воздействуют на читателя, в очередной раз показывая важность и ценность семьи для белорусского общества.

Таким образом, анализ медиатекстов сетевого издания sb.by показал, что в них отражается этнокультурный компонент белорусского общества, репрезентирующий как народные традиции и обычаи данного этноса, так и современные, которые появились не так давно и прочно вошли в жизнь людей. Кроме того, в публикациях прослеживается информация о важных для общества ценностях. Отметим, что в фокусе внимания проведенного исследования был небольшой временной промежуток и рассматривались материалы только одной из рубрик.

Далее сфокусируем внимание на анализе медиатекстов сетевого областного издания za.gu.by. Для соблюдения принципа единообразия мы остановились на рубрике «Общество», как и в сетевом издании. Однако временной публикационный период материалов был шире (январь–март 2026 г.), так как по сравнению с сетевым изданием sb.by в данном медиа количество публикаций в день значительно уступает.

Анализ материалов издания показал, что через его публикации читатели узнают о **региональных традициях и обрядах**. Так, например, в сообщении *«В этом году планируют открыть обновленную экспозицию музея “Бездежский фартушок”»* (23.02.2026) повествуется об открытии обновленной экспозиции в музее народного творчества «Бездежский фартушок», который находится в Дрогичинском районе. Как пишет автор публикации, *у посетителей появится возможность более глубоко познакомиться с местными традициями и обрядами, например, с уникальной «Стрылкой»*. Этот весенний обряд проводится в первый день православной Пасхи. Кроме того, в медиатексте содержится краткая историческая информация о «фартушках»: читатель узнает, что *фартушки жительницы Бездежа и близлежащих деревень носили до 1990-х годов. В сундуке каждой женщины было по 15 и более штук на разные случаи жизни. Их украшения менялись с каждым историческим периодом. На самых старинных нет даже кружев. Со временем они становились декоративными, вышитыми, красочными*. Данный материал представляет собой информационное сообщение, основная цель которого – донести определенную информацию о культурных особенностях Брестского региона соответствующей аудитории. Язык публикации нейтральный, на первый план выступают глагольные конструкции, чтобы сделать акцент на действие, процесс: *планируют открыть, могут узнать о местных традициях и народном творчестве, рассмотреть эксклюзивные фартушки, поучаствовать в мастер-классах, заглянуть в сувенирную лавку, разнообразят и внесут некоторые новшества, создадут с помощью интерьеров и др.* В публикации *«Палескія традыцыі: быць на кані па-вёўнеўску»* (от 12.01.2026) описывается одна из свадебных традиций, которая существует у жителей д. Вивнево Ивановского района.

Приверженность традиционной культуре и ее сохранность занимает значимое место в сетевом издании. Данной теме посвящается много публикаций. Так, в материале *«У Брэсцкім абласным ліцэі імя П.М.Машэрава завяршаецца фестываль беларускай культуры»* (20.02.2026), представленном в формате фоторепортажа, сюжетные фотографии передают атмосферу мероприятия и, по сути, выступают своеобразным «текстом» для читателей. Автор использует одну цитату директора лицея, кратко передающую информацию о традиции (*павага да роднай мовы, павага да народнай культуры і традыцый*).

В Беларуси, как было сказано ранее, ежегодно отмечается *День родного языка*. Этому событию посвящен материал под названием *«В Брестской областной библиотеке откроется выставка к Международному дню родного языка»* (от 18.02.2026), в котором сообщается, что в Брестской областной библиотеке имени М. Горького состоится книжная выставка «Мова. Культура. Чалавек». Жанр публикации – краткая новостная заметка, сопровождаемая тематической фотографией.

Тема **семья и семейные ценности** особенно актуальна сегодня. Для белорусского общества семья является одним из важных социальных институтов. Этой теме посвящена тематическая статья *«Два сердца – одна судьба. Как супруги из Отвержицкой пронесли любовь через полвека»* (11.02.2026), которая раскрывает значимость семьи для любого человека и общества. Это хороший пример для современной молодежи, демонстрирующий, как сохранять семью, как развивать отношения, как с уважением относиться друг к другу. Для воздействия на аудиторию автор цитирует супругов Яхновцов или косвенно передает их мысли: *говоря о секретах долгого брака, супруги первым делом называют уважение друг к другу и терпение; «не надо допускать недосказанностей, нужно говорить, обсуждать и повседневные дела, и проблемы»; «Семья – главное в нашей жизни. Она должна быть тем “островком”, где тебе будет хорошо и спокойно. Необходимо учиться прощать мелочи, ценить то хорошее, что есть, и сохранять его на долгое время»; «крепкие отношения родителей – лучший пример для детей» и др.* В заключении к материалу журналист пишет: *Счастливая семья в современном мире – ценность, которую необходимо беречь. Равно, как чутко и трепетно относиться к тому, что по маленькому шажочку выстраивалось много лет.* По сути данный материал дает возможность выявить отдельные черты белоруса, позволяющие сконструировать его собирательный образ трудолюбивого человека, который ценит семейные традиции, внимательно относится к воспитанию детей, уважает свою супругу/супруга, имеет свои интересы и увлечения.

Анализ медиатекстов сетевого издания позволил, кроме того, выявить и этнокультурные характеристики, которые формируются в настоящее время. В данном случае речь идет о появлении **новых традиций в культуре белорусского общества**. Так, об этом свидетельствует материал *«Гісторыя фальклорнага фестывалю “Сузор’е мастацтваў з глыбіні стагоддзяў”»* (26.02.2026). Из первого абзаца (лида) читатель узнает о фестивале, который проводится в Дрогичинском районе последние четыре года. Как отмечает журналист, *добрая ініцыятыва падпарадкавана вырашэнню такіх важных задач, як захаванне здабыткаў рэгіянальнай культуры, адраджэнне некалі распаўсюджаных у пэўнай мясцовасці абрадаў, далучэнне моладзі да культурнай спадчыны народа.* В материале речь идет о разных белорусских обрядах и традициях, в частности, Брестского региона, которые проводятся и демонстрируются в рамках фестиваля (ткачество поясов, резьба по дереву, народные песни, обряды «Саракі» и «Дзеркачы», народные игры «Явар» і «Ручай» и др.).

В рамках объявленного 2026 года Годом белорусской женщины в издании публикуются материалы, связанные с этой темой. Обратим внимание на информационную заметку под названием *«Какая она, белорусская женщина?»*

Белстат опубликовал портрет среднестатистической белоруски» (05.03.2026), в которой автор представил портрет современной белоруски. Публикация содержит большое количество статистической информации, позволяющей раскрыть образ белорусской женщины: *высокий уровень занятости женщин – 86 % в трудоспособном возрасте, высшее образование у 42 % работающих женщин, доля женщин в здравоохранении и образовании превышает 80 %, удельный вес женщин в IT-сфере составляет 34 %, среди волонтеров республики 78 % – это женщины* и др. В информационной заметке *«В музее-усадьбе “Пружанский палацк” запускают новый творческий проект “Женщины Пружанщины: яркие судьбы”»* (10.02.2026) внимание аудитории обращается на запуск проекта о выдающихся женщинах региона, в частности, Пружанского района, которые внесли значимый вклад в его развитие.

В сетевом областном издании прослеживается тема **национальные праздники**: *«В преддверии праздника: узнали, как барановичские мужчины готовятся радовать женщин 8 Марта»* (04.03.2026). Жанр публикации – фоторепортаж с элементами интервью.

Точно так же, как и в sb.by, в областном сетевом издании выделяется тема **сохранения исторической памяти**. В медиа она выступает ключевым инструментом, способствующим формированию национальной идентичности, трансляции ценностей и сплочению общества. Посредством медиатекстов передается опыт предков, усваиваются уроки прошлого. Медиа позволяют противодействовать фальсификации истории и определять место страны в мировом контексте. Так, в публикации *«На Ивановщине прошло мероприятие в рамках патриотического проекта “Галерея славы: чтобы помнили...”»* (06.02.2026) автор рассказывает о патриотическом проекте, посвященном известным землякам региона – ветеранам и участникам Великой Отечественной войны, Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда. Журналист отмечает, что в рамках проекта состоялось более десяти мероприятий гражданско-патриотической направленности. Именно такие материалы не только носят информационный характер, но воспитывают у молодого поколения чувство патриотизма, любви к родине, способствуют сохранению памяти о героях нашей страны. Жанр публикации – тематическая статья с элементами фоторепортажа.

Таким образом, анализ медиатекстов в областном сетевом издании zaryu.by показал, что в них репрезентируется этнокультурный компонент, позволяющий аудитории знакомиться с культурой, ценностями белорусского народа, жизненным укладом людей. Такие материалы не только информируют читателей о том или ином событии, но и воздействуют на них, несут в себе воспитательный и образовательный потенциал. Ниже представлена обобщающая таблица, отражающая этнокультурную тематику в двух рассмотренных изданиях.

**Этнокультурный компонент,
репрезентируемый в белорусских сетевых изданиях**

№ п/п	Тематика медиатекстов	Сетевое издание sb.by	Сетевое издание zarya.by
1	гастрономическая культура белорусов	+	–
2	материальные историко-культурные ценности	+	–
3	современные культурные традиции белорусов	+	+
4	национальные и народные праздники	+	+
5	культурные и нравственные ценности: патриотизм	+	+
6	любовь к малой родине	+	–
7	сохранение исторической памяти	+	+
8	семья и семейные ценности	+	+
9	региональные традиции и обряды	–	+
10	приверженность традиционной культуре и ее сохранность	–	+

Исходя из проведенного исследования медиатекстов сетевых изданий, можно сделать вывод, что в их содержании, с одной стороны, отражается этнокультурный компонент, с другой – наблюдается схожая тематика. В проанализированном региональном сетевом издании выявляется также тематический компонент, связанный с традициями и жизненным укладом региона.

В дальнейшем мы видим перспективы изучения и анализа иных рубрик белорусских онлайн-изданий, как национальных, так и региональных, с охватом большего периода времени и исследуемой тематики для проведения сравнительного анализа. Это позволит выявить более полную, комплексную, и всестороннюю картину отражения этнокультурного компонента в белорусском медийном пространстве и, таким образом, реконструировать системный этнокультурный портрет онлайн-изданий Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рева, Е. К.* Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор / Е. К. Рева // Гуманитарный вектор. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-tematika-v-sredstvakh-massovoy-informatsii-tipologicheskiy-obzor> (дата обращения: 23.02.2026).

Поступила в редакцию 09.03.2026

УДК 811.161.3

Чигирь Антон Владимирович

аспирант кафедры теории
и практики немецкого языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Anton Chyhir

PhD Student of the Department of Theory
and Practice of the German language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу средств выражения категории собирательности в современном белорусском языке. Представлены грамматические и лексические маркеры собирательного значения. Особое внимание уделяется словообразовательным аффиксам, использующимся для деривации собирательных существительных. Рассматриваются критерии выделения лексем, обладающих значением собирательности, и разделения их на два класса. Также приводятся примеры числительных с семантикой собирательности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *категория собирательности; белорусский язык; словообразование; собирательные существительные; собирательные числительные.*

THE MEANS OF THE CATEGORY OF COLLECTIVITY IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of the means of the category of collectivity in the modern Belarusian language. Grammatical and lexical markers of collective meaning are presented. Special attention is paid to the word-formation affixes used for derivation of collective nouns. Criteria for identifying lexemes with collective meaning and their division into two classes are considered. Examples of numerals with collective semantics are also provided.

Key words: *category of collectivity; the Belarusian language; word formation; collective nouns; collective numerals.*

Собирательность является одним из универсальных феноменов, который находит свое определение в рамках логики и лингвистики. Традиционно собирательность рассматривается как понятийная категория, которая отражается в языке, демонстрируя особый способ концептуализации множества как единого целого [1, с. 473]. Понимание механизмов реализации категории собирательности в конкретном языке позволяет глубже проникнуть в особенности национальной языковой картины мира и специфику взаимодействия мышления и языка. Несмотря на то, что отдельные средства выражения категории собирательности в белорусском языке уже затрагивались в работах различных лингвистов, полноценного анализа разноуровневых средств, входящих в данную категорию, проведено не было. Таким образом, современный белорусский язык представляет особый интерес для анализа маркеров собирательного значения.

Настоящая статья посвящена системному описанию средств выражения категории собирательности в современном белорусском языке. Ее цель – систематизация и анализ грамматических и лексических единиц, служащих для передачи значения собирательности.

Необходимо отметить, что одним из способов выражения значения собирательности в белорусском языке являются словообразовательные аффиксы. Присоединяясь к основам существительных и прилагательных, они формируют новые существительные с четко выраженным значением собирательности. К словообразовательным элементам, передающим значение собирательности, относятся суффиксы *-ств/-цтв-*, *-j-*, который встречается в собирательных существительных, оканчивающихся на *-е*, *-ё* или *-’ё*, *-от/-ат-*, *-нік/-нік*, *-няк*, а также заимствованный аффикс *-ур-*.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные суффиксы используются для образования собирательных существительных с определенными семантическими компонентами. К примеру, аффикс *-ств/-цтв-* используется для образования собирательных существительных, обозначающих совокупность людей, объединенных по профессиональному или социальному критерию, а также по иному признаку, связанному с определенной деятельностью или состоянием, что можно проиллюстрировать такими примерами, как *сялянства*, *студэнцтва* и *казацтва*.

В своей статье, посвященной морфонологическим аспектам исследования производных существительных с данным суффиксом, С. Г. Хвесько указывает на общеславянское происхождение этой морфемы. Автор также подчеркивает, что особенности присоединения данного аффикса, связанные с возникновением чередования и других явлений на стыке производящей основы и суффикса, исторически обуславливаются наличием редуцированного гласного в составе морфемы [2, с. 55–56].

Как отмечает М. И. Ярмаш, в белорусском языке существуют два омонимичных типа существительных с формантом *-ств/-цтв-*, поскольку при помощи этого суффикса наряду с собирательными образуются также абстрактные существительные [3].

В отличие от аффикса *-ств/-цтв-*, благодаря которому образуются собирательные имена существительные, называющие множества, состоящие из людей, суффикс *-j-* служит для деривации собирательных лексем, обозначающих совокупности растений или животных, например, *груганнё*, *галлё* или *звяр’ё*. Данный формант также участвует в образовании собирательных существительных, обозначающих разрозненные совокупности неодушевленных предметов, часто состоящих из мелких частей, к примеру, *смецце* и *пер’е*. Как уже было отмечено нами ранее, данный аффикс не имеет однообразного графического выражения. Более того, среди ученых до сих пор ведутся споры касательно происхождения и обозначения данной морфемы в транскрипции.

По предположению В. И. Дегтярева, предшественником суффикса *-j-* является праиндоевропейский формант **-ǵō-*, служивший для субстантивации адъективных образований среднего рода, имевших значения притяжательности, свойства или происхождения. С течением времени на основе данной морфемы сформировался индоевропейский форматив **-ǵō(n)*, встречающийся в существительных среднего рода, который затем вошел в праславянский язык в качестве суффикса **-ъje* [4, с. 83]. Изначально суффикс *-ъje* сочетал в себе несколько значений и использовался для деривации собирательных и отвлеченных лексем, однако уже в праславянский период произошло разделение словообразовательных функций этого суффикса. Таким образом, для праславянского языка можно говорить о существовании нескольких суффиксов-омонимов *-ъje*, каждый из которых отвечал за выражение собирательности, отвлеченности или локально-временных значений.

С точки зрения исторического развития суффикс *-ие*, который является одним из вариантов морфемы *-ъje*, оказался особенно продуктивным в сочетании с основами страдательных причастий прошедшего времени. Это привело к образованию множества новых самостоятельных словообразовательных элементов в славянских языках, таких как *-ние*, *-ение*, *-тие*, которые используются для деривации существительных, обозначающих действия или состояния, например *пение* и *бытие* [4, с. 237–238].

В свою очередь, значение собирательности стало передаваться с помощью второго варианта праславянского суффикса, а именно формантом *-je*. Сегодня в своем неизменном виде он может быть обнаружен во множестве славянских языков, в которых он используется для образования собирательных существительных с такими же лексическими коннотациями, как и в современном белорусском языке: к примеру, в словенском языке сохранились фитонимы *brézje* ‘березняк’, *bréstovje* ‘берестовый лес’ и *búkovje* ‘буковый лес’ [4, с. 84].

Из-за исчезновения редуцированных гласных звуков в белорусском языке суффикс *-je* превратился в *-j-*, которому в современной белорусской фонетической системе соответствует звук [й]. А. И. Подлужный считает, что этот суффикс служит причиной возникновения удвоенных согласных: современные удвоенные согласные представляют собой сочетание двух одинаковых согласных фонем, в котором вторая согласная фонема является результатом ассимиляции фонемы /й/ до предыдущей согласной фонемы.

В пользу этой теории говорит также то, что в современном белорусском языке есть слова тех же самых тематических групп и грамматических рядов, в которых сохранился суффикс *-j-*, например, *пер’е* и *крылле*. Также в словообразовательных парадигмах некоторых слов с удвоенными согласными можно обнаружить чередование фонемы /й/ с той согласной фонемой, которая оказывается последней в сочетании одинаковых согласных фонем, к примеру, *ружжэ – ружэйны*, *суддзя – судзейскі* [5, с. 234].

В «Марфемным слоўніку беларускай мовы» (1989) суффикс *-j-* не обозначается эксплицитно, а передается соответствующим ему гласным звуком или непосредственно звуком [й], однако выделяется в отдельную морфему, например:

- 1) галлѐ – галл – ё;
- 2) звар'ѐ – звар – й – о;
- 3) смецце – смецц – е [6, с. 140, 235, 599].

Таким образом, аффикс *-j-* может быть обнаружен в составе собирательных существительных, оканчивающихся на *-е* и *-ё* после удвоенных согласных, а также в некоторых существительных после апострофа.

Интересны также безударный суффикс *-нік* и ударный суффикс *-няк*, участвующие в образовании названий совокупностей растений. Необходимо подчеркнуть, что в диалектных фитонимах суффикс *-нік* встречается чаще, чем *-няк*, хотя диалектизмы образованы по аналогии с лексемами литературного белорусского языка с похожей структурой. Таким образом, в современном белорусском языке можно обнаружить синонимичные пары фитонимов, состоящих из диалектизма и лексемы литературного языка, например, *ліпнік* – *ліпняк*; *хмызьнік* – *хмызняк* [7, с. 132].

Следующий аффикс со значением собирательности в белорусском языке – суффикс *-от/-ат-*, который является универсальным и используется для образования собирательных существительных, обозначающих как совокупность лиц, так и множество неодушевленных предметов, например, *галата*, *драбната* и *лістота*.

В заимствованных собирательных именах существительных встречается также суффикс *-ур-*, что можно проиллюстрировать на примерах *прафесура* и *апаратура* [8, с. 30–33].

Помимо словообразовательных элементов средствами выражения категории собирательности в современном белорусском языке служат также собирательные имена существительные. Несмотря на то, что они были выделены как отдельный класс лексики еще в середине восемнадцатого века М. В. Ломоносовым, у лингвистов до сих пор нет однозначного подхода к их определению [9, с. 409]. Поскольку существуют разнообразные подходы к описанию собирательных существительных и каждый из них предполагает опору на различные критерии классификации, расхождения в определении границ этого разряда слов и количества входящих в него единиц становятся неизбежными [10, с. 108].

В настоящее время основой для выделения собирательных существительных служит совокупность признаков, к которым относятся словообразовательный, морфологический, семантический и синтаксический критерии.

В роли словообразовательного критерия выступает наличие специфических аффиксов, которые были описаны выше. В соответствии с морфологическим критерием к собирательным именам существительным относят

лексемы, характеризующиеся неполной числовой парадигмой, то есть имеющие только форму единственного числа. В таком случае грамматическое единственное число отражает семантическое единство и неделимость обозначаемой ими совокупности.

Семантический критерий выделения собирательных существительных предполагает, что данные лексемы обозначают множество однородных объектов, концептуализируемое как единое целое, причем эти имена существительные должны коррелировать с наименованиями единичных элементов данного множества, а также с их формой множественного числа. Таким образом, собирательные существительные входят в состав словообразовательного ряда, состоящего из трех элементов, например, *клієнт* – *клієнтура* – *клієнты*. Такой подход к определению собирательных существительных был изначально предложен А. А. Реформатским и назван им правилом треугольника [11, с. 84–85].

Чтобы удовлетворять синтаксическому критерию, собирательные существительные должны согласовываться со сказуемым в единственном числе [8, с. 30].

Некоторые лингвисты указывают на то, что, несмотря на наличие четких формальных признаков для выделения собирательных существительных, к данному разряду могут относиться и лексемы, классифицируемые как собирательные исключительно по их значению, а не по форме. Именно поэтому И. Э. Еселевич предлагает считать семантический критерий приоритетным, подчеркивая, что грамматикализованные признаки собирательности непостоянны [12, с. 13–20].

В своей статье, посвященной сравнительному анализу собирательных существительных английского и белорусского языков, Т. В. Рудько предлагает выделять две группы существительных, принадлежащих к средствам выражения категории собирательности.

Первую группу составляют собственно собирательные существительные. Под ними подразумеваются имена существительные, образованные с помощью вышеперечисленных аффиксов с собирательным значением, или непроизводные, но четко обладающие семантикой совокупности. Основной грамматической приметой таких существительных является их употребление и согласование с глаголом только в форме единственного числа. Иными словами, собственно собирательные существительные удовлетворяют словообразовательному, морфологическому, семантическому и синтаксическому критериям. В качестве примеров таких существительных Т. В. Рудько приводит лексемы *бульбоўнік*, *люд*, *маладняк*.

Ко второй группе лексем, которые могут служить маркерами категории собирательности, относятся существительные с собирательным значением. Подобные имена существительные выражают значение множества лексически, но зачастую не имеют специфических словообразовательных формантов и могут обладать полной парадигмой числа и даже сочетаться с количе-

ственными числительными. Как отмечает Т. В. Рудько, многие существительные со значением собирательности полисемантичны, соответственно, в классификации участвуют их отдельные лексико-семантические варианты, как, например, у слов *пакаленне* и *народ* [8, с. 30-31].

Центральную роль в деривации существительных со значением собирательности как лексико-семантических вариантов уже существующих имен существительных играет метонимия. При этом у значительного количества существительных со значением собирательности присутствуют признаки регулярной полисемии, которая реализуется на основе следующих моделей:

1) модель «действие – собирательный деятель», например, лексема *адвакатура* изначально обозначала род деятельности адвокатов, а затем стала употребляться и в качестве наименования совокупности людей, осуществляющих эту деятельность [13, с. 68];

2) модель «материал – изделие из этого материала», что можно проиллюстрировать словосочетанием *сталовае серабро*, где лексема *серабро* обозначает посуду, изготовленную из одноименного металла;

3) модель «содержащее – содержимое», когда лексема, называющая помещение, начинает использоваться для обозначения объектов или людей, находящихся внутри, к примеру, *клас*, *аўдыторыя*, *архіў*;

4) модель «автор – произведения этого автора», когда имя собственное используется для обозначения как одного, так и нескольких художественных произведений, как, например, в словосочетании *чытаць Караткевіча* [14].

Необходимо также обратить внимание на особый случай метонимии, возникающей между производными существительными со значением собирательности, образованными от разных мотивирующих основ. Увидеть подобное можно на примере лексемы *настаўніцтва*. С одной стороны, она обозначает процесс учения, с другой – является существительным со значением собирательности, называющим совокупность учителей. Оба лексико-семантических варианта оказываются метонимически связаны между собой, но, хотя кажется, что они соответствуют модели регулярной полисемии «действие – собирательный деятель», были образованы от двух разных производящих основ: ЛСВ *настаўніцтва* 'педагогическая деятельность' был образован от глагола *настаўляць*, а ЛСВ *настаўніцтва* 'совокупность педагогов' – от существительного *настаўнік*. Как уже отмечалось нами ранее, суффикс *-цтва-* участвует в деривации как собирательных, так и абстрактных существительных, поэтому в своей статье А. Л. Новиков и М. А. Рыбаков высказывают предположение, что подобные лексико-семантические варианты с точки зрения словообразования можно рассматривать как два разных слова, каждое из которых имеет собственную мотивацию. Однако авторы подчеркивают, что данное явление еще недостаточно изучено [13, с. 68].

Важно также отметить, что передавать значение собирательности могут не только имена существительные, употребляющиеся исключительно в единственном числе (*singularia tantum*) или имеющие полную парадигму числа, но

и существительные, для которых характерна лишь форма множественного числа (*pluralia tantum*). Изучая существительные с граммемой только формы множественного числа в современном белорусском языке, О. В. Семенькевич отметила, что почти половина *pluralia tantum* относится к разряду существительных со значением собирательности [15, с. 138]. Автор также выделила отдельные группы *pluralia tantum*, упорядоченные на основе их семантических компонентов:

1) названия гетерогенных совокупностей, выраженные сложными существительными со второй частью, указывающей на тип объектов, входящих в состав множества. Зачастую второй компонент имени существительного, образованного сложением, определяет множественное число производной лексемы и привносит новый семантический компонент, например, значение множественности, как у существительных *полівітаміны* и *пасажыраперавозкі*, или сему неоднородности, что можно увидеть на примере слов *электратавары* и *тэхумовы*;

2) существительные, связанные с денежными средствами и выплатами. В качестве примера можно привести слова *адпускныя*, *аліменты*, *камандзіровачныя*, *прэміяльныя*;

3) названия разнородных совокупностей бытовых и хозяйственных объектов, таких как *дровы*, *камплектуючыя*, *пажыткі*;

4) гастрономические термины, обозначающие совокупности продуктов питания или напитков, что можно проиллюстрировать на примере слов *заедкі*, *запіткі* и *прысмакі*;

5) названия совокупностей графических знаков и текстов, такие как *грымзолі*, *даня* и *радкі*;

6) названия совокупностей звуков, к примеру, *вярхі*, *пазыўныя*;

7) названия построек, помещений и их частей, выступающих как нечто обобщенное, например, существительные *балясы* и *вышкі*;

8) социально-политическая лексика, обозначающая совокупности институций или медиа, что можно проиллюстрировать на примерах существительных *картэсы* и *СМІ*;

9) лексемы, называющие совокупности географических объектов или особенностей рельефа, к примеру, *выгаркі*, *выселкі*, *субтропікі*;

10) терминологические классификаторы, преимущественно из зоологии и ботаники, к примеру, *аднакапытныя* и *агрэставыя*;

11) названия множества отдельных растений, например, лексемы *браткі*, *званкі*, *брусніцы*, *дурніцы* и другие;

12) названия совокупностей растений и их частей, например, *высадкі*, *джунглі*, *зараслі*;

13) названия органов и частей тела человека и животных, представляемые как совокупности. К ним относятся *валасы*, *вантробы*, *кудлы*, *паджылкі* и другие;

14) названия множества лиц, объединенных по различным признакам, например, *блізкія, вярхі, кадры* [16, с. 99].

Как отмечает О. В. Семенькевич, обилие субстантивированных атрибутивных форм среди *pluralia tantum* с собирательным значением не случайно. Денотативной основой для лексикализации именно формы множественного числа является имплицитно присутствующий семантический компонент собирательности в структуре значения исходных лексических единиц. Таким образом формируются новые наименования, обеспечивающие более точную и экономичную передачу идеи совокупности [17, с. 60–61].

Помимо словообразовательных элементов и имен существительных значение собирательности в современном белорусском языке передают также собирательные числительные. Этот разряд имен числительных обозначает некоторое количество предметов или лиц как единое целое. Наиболее употребительными являются формы собирательных числительных, образованных от числительных от двух до десяти, а собирательные числительные *адзінаццацера* и *дванаццацера* встречаются только в разговорной речи. К разряду собирательных числительных в белорусском языке относятся также лексемы *абодва, абое, абедзве*. В то время, как остальные собирательные числительные не имеют категории рода, *абодва, абедзве* и *абое* сочетаются только с существительными, имеющими необходимую родовую принадлежность: так, форма *абодва* сочетается только с именами существительными мужского и среднего рода, *абедзве* согласуется лишь с существительными женского рода, а когда в одной ситуации имеются в виду лица и мужского, и женского пола, используется собирательное числительное *абое*.

Необходимо также отметить, что собирательные числительные вступают в синтаксическую связь только с определенными группами существительных. В частности, они сочетаются с названиями детенышей и некоторых взрослых животных, например, *двое ягнят* и *трое коней*, с именами существительными, употребляющимися исключительно в форме множественного числа, как, к примеру, *чацвёрэ сутак* и *пяцёра акуляраў*, а также с названиями лиц мужского пола и лексемами, называющими людей, что можно проиллюстрировать на примере *шасцёра вучняў* и *сямёра дзяцей*. Помимо этого, собирательные числительные вступают в связь с местоимениями или субстантивированными прилагательными и причастиями, что можно показать на примерах *усе васьмёра* и *дзевяцера невядомых* [18, с. 294–295].

Подводя итоги, можно заключить, что современный белорусский язык демонстрирует широкий спектр средств для выражения категории собирательности, охватывающий различные языковые уровни. Одну из ключевых ролей в этом играют словообразовательные элементы, представленные суффиксами *-ств/-цтв-, -і-, -ом/-ам-, -нік/-нік, -няк* и *-ур-*.

Наряду с грамматикализированными единицами значение собирательности передается также и лексически, например, с помощью собственно собирательных существительных и имен существительных со значением собирательности. Семантический анализ позволяет выделить различные группы существительных в зависимости от вида объединяемых объектов.

К средствам выражения категории собирательности в белорусском языке также относятся собирательные числительные, обозначающие некоторое количество предметов или лиц как единое множество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
2. *Хвесько, С. Г.* Морфонологические аспекты исследования производных существительных с суффиксом -ств- в отдельных белорусских и русских лингвистических работах / С. Г. Хвесько // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2023. – № 12 (114). – С. 55–57.
3. *Ярмаш, М. І.* Словаўтваральны тып з фармантам -ств-а ў зборных назойніках / М. І. Ярмаш // *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*. – 1977. – № 3. – С. 111–117.
4. *Дегтярев, В. И.* Категория числа в славянских языках: ист.-семант. исслед. / В. И. Дегтярев ; отв. ред. Ф. П. Филин. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1982. – 320 с.
5. *Гардзей, Н. М.* Фаналагічныя інтэрпрэтацыі А. І. Падлужнага і іх адлюстраванне ў акадэмічных граматыках беларускай мовы / Н. М. Гардзей // *Фанетычная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы : пр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 20–21 лістапада 2012 г.* – С. 230–237.
6. *Марфемны слоўнік беларускай мовы: [каля 75 000 слоў]* / А. М. Бардовіч, Л. М. Шакун. – 2-е выд., перапрацаванае і дап. – Мінск : Выш. шк., 1989. – 718 с.
7. *Федарцова, К. Р.* Асаблівасці акцэнталагічнага афармлення дыялектных двухскладовых назойнікаў мужчынскага роду / К. Р. Федарцова // *Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна*. – 2009. – № 3 (24). – С. 130–135.
8. *Рудько, Т. В.* Особенности выражения собирательного количества в белорусском и английском языках / Т. В. Рудько // *Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология*. – 2023. – № 3 (124). – С. 27–34.
9. *Ломоносов, М. В.* Российская грамматика / М. В. Ломоносов // *Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов*. – М. ; Л., 1952. – Т. 7. – С. 389–578.
10. *Степукова, А. В.* Логика и лингвистика о разделительности и собирательности / А. В. Степукова // *Научный диалог*. – 2016. – № 1 (49). – С. 106–118.
11. *Реформатский, А. А.* Число и грамматика / А. А. Реформатский // *Лингвистика и поэтика*. – 1987. – С. 76–87.
12. *Еселевич, И. Э.* Из истории категории собирательности в русском языке : очерки / И. Э. Еселевич. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 160 с.

13. Новиков, А. Л. Семантико-словообразовательная природа метонимии в русском языке / А. Л. Новиков, М. А. Рыбаков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 63–69.
14. Пустошило, Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб.-метод. комплекс / Е. П. Пустошило. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 141 с. – URL: https://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/3-slova-odnoznachnye-i-mnogoznachnye-ponyatie-polisemii-tipy-polisemii.htm (дата обращения: 18.09.2025).
15. Семянькевіч, А. В. Словаўтварэнне, семантыка, функцыі множналікавых назоўнікаў у сучаснай беларускай мове : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Семянькевіч Аксана Васільеўна ; НАН Беларусі , Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск, 2021. – 350 л.
16. Семянькевіч, А. В. Назоўнікі pluralia tantum у сістэме субстантыўнай зборнасці / А. В. Семянькевіч // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI : сб. науч. ст. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев, 2020. – С. 95–100.
17. Семянькевіч, А. В. Адушаўлёныя назоўнікі pluralia tantum у граматычнай сістэме беларускай мовы / А. В. Семянькевіч // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. ст. [по материалам Междунар. науч. конф., 27–28 окт. 2017 г., Могилев] / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев, 2018. – С. 59–63.
18. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 2011. – 622 с.

Поступила в редакцию 23.02.2026

ВЕСТНИК БГУИЯ

Серия 1. Филология

№ 3 (5), 2026

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Лущинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, И. В. Нестеренко*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск

E-mail: vestnik@bsufl.by

Подписано в печать 26.06.2026. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Sans. Ризография. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 13,02. Тираж 100 экз. Заказ 28.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172